

Марк Золотаревский

**ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ТРАГЕДИИ**

Издание исправленное и дополненное

ISBN 978-965-599-308-0

© Все права принадлежат автору

2020, Израиль

Нашему поколению удалось выполнить работу изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понята, все!

В. И. Ленин

ПРЕДИСЛОВИЕ

С чего начать? – один из нелегких вопросов, которые приходится решать авторам, приступающим (автору, приступающему) к изложению предмета с подобной объемной проблематикой. Каждый, понятно, решает его по-своему, руководствуясь, опять же понятно, какими-то своими соображениями (резонами). В качестве примера и в порядке разминки перед тем, как я перейду уже к изложению своего понимания заявленного здесь предмета, приведу цитату из П. Н. Милюкова, его Истории второй русской революции, с его решением вопроса: с чего начать? Выбор оправдан, конечно, в первую очередь, общностью проблематики (во всяком случае, как это можно было бы заключить из названия), с которой предстоит разбираться и нам (мне) в данной работе. Но также – и личностью самого автора, зарекомендовавшего себя как замечательного специалиста в области русской истории и культуры. (Зарекомендовавшего себя еще и в качестве политика – участника обсуждаемых здесь событий, но это отдельная тема). Скорее изложение, чем цитата в принятом значении этого термина, потому без кавычек. И еще одно отступление от традиции – размеры цитируемого таким образом отрывка, но он того стоит. Итак.

С чего начать историю второй революции? Тот, кто будет писать эту историю, должен будет, конечно, искать ее корни глубоко в прошлом, в истории русской культуры. Ибо при всем ультрамодерном содержании выставленных в этой революции программ, призывов и лозунгов, действительность русской революции вскрыла ее тесную и неразрывную связь со всем русским прошлым.

Сразу скажу (это уже мой текст), согласен с одной оговоркой: то же следует повторить по поводу корней любой революции, их связи с прошлым народов, которым довелось пережить это несчастье. В том числе – и Великой французской, сравнению с которой уделено немало внимания в предстоящем изложении. Но продолжим.

Как могучий геологический переворот шутя сбрасывает покров позднейших культурных наслоений и выносит на поверхность покрытые ими пласты, напоминающие о седой старине, о давно минувших эпохах истории Земли, так русская революция обнаружила перед нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностным

слоем недавних культурных приобретений. Изучение русской революции тем самым приобретает в наши дни новый, своеобразный интерес, ибо по социальным и культурным пластам, оказавшимся на поверхности русского переворота, внимательный наблюдатель может наглядно проследить историю нашего прошлого.

Так основная черта, проявленная нашим революционным процессом, составляющая и основную причину его печального исхода, есть слабость русской государственности и преобладание в стране безгосударственных и анархических элементов. Но разве не является эта черта неизбежным следствием такого хода исторического процесса, в котором пришедшая извне государственность постоянно опережала внутренний органический рост государственности? А другая характерная черта – слабость верхних социальных слоев, так легко уступивших место, а потом и отброшенных в сторону народным потоком? Разве не вытекает эта слабость из всей истории нашего "первенствующего сословия"? Разве не связан с этим прошлым, перешедшим в настоящее, и традиционный взгляд русского крестьянства на землю, сохранившую в самом названии "помещичьей" память о своем историческом предназначении? А почти полное отсутствие буржуазии в истинном смысле этого слова, ее политическое бессилие, при всем широком применении клички "буржуй" ко всякому, кто носит крахмальный воротничок и ходит в котелке? Да и как могло быть иначе, когда и развитие русской промышленности, и развитие городов явилось в сколь-нибудь серьезных размерах плодом последних десятилетий и когда еще 30 лет назад серьезные писатели глубокомысленно обсуждали вопрос о том, не может ли Россия вообще миновать "стадию капитализма"?

С двумя отмеченными чертами: слабостью русской государственности и с примитивностью русской социальной структуры тесно связана и третья характерная черта нашего революционного процесса – идейная беспомощность и утопичность стремлений русской интеллигенции. Да и как может быть иначе, когда вся наша новая культурная традиция (с Петра) создана всего лишь восьмью поколениями наших предшественников и когда эта работа резко и безвозвратно отделена от бытовой культуры того периода. За что Россия поплатилась неудачей двух своих революций и бесплодной растратой национальных ценностей, особенно дорогих в небогатой такими ценностями стране.

Конечно, несовершенство и незрелость политической мысли на почве безгосударственности, слабости социальных прослоек не могут явиться единственным объяснением неудач, постигавших до сих пор наше политическое движение. Другим фактором являются бессознательность и темнота русской народной массы, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже идей, частью уже и осуществленных среди народов, подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности. Этот народ, сохранивший мировоззрение иных столетий, предстал перед наблюдателями его почти как какая-то другая раса. Интернационалистическому социализму было легко провести на почве образовавшейся культурной розни глубокую социальную грань и раздуть в яркое пламя социаль-

ную вражду народа к "варягам", "земщины" к "дружине", выражаясь славянофильскими терминами. И т. д. (следует ряд соображений на которых я здесь останавливаться не буду - М. З.).

Повторяем, философ истории русской революции не сможет обойти всех этих глубоких корней и нитей, связывающих вторую русскую революцию со всем ходом и результатом русского исторического процесса. Но наша задача гораздо проще. Мы ставим себе целью возможно точное и подробное фактическое описание совершившегося на наших глазах. Конец цитаты.

Далее подробности того, что под этим подразумевается и как это осуществляется в данной работе.

Поворот, надо признаться, после всего сказанного, достаточно неожиданный. Мы здесь, напротив, в эти подробности углубляться не будем, поскольку не они являются предметом предстоящего изложения, а те самые корни и нити, связывающие русскую революцию со всем русским прошлым, от которых уходит в своем изложении Милюков. Во всяком случае, декларирует свой уход в этом введении после всех рассуждений о корнях, частично, по крайней мере, выше процитированных.

И еще от чего уходит Милюков - от определения предпосылки перечисленных им особенностей русской истории, той самой, которая делает неизбежными эти особенности, а с ними вместе - и особенности всей состоявшейся русской истории в целом. Чему также будет уделено здесь необходимое внимание. С чего и начнем.

ВВОДНАЯ

1. Начну (начнем) с цитаты, удачно, по-моему, формулирующей эту самую предпосылку, как она в данной работе понимается, которой, как было сказано, обязана своими особенностями состоявшаяся уже русская история. А с нею - и интересующие нас события, корни которых уходят глубоко в русское прошлое.

"На Западе природа - мать, на Востоке - мачеха... Уже поэтому обе половины Европы должны были иметь различную историю."

С. М. Соловьев

Другими словами, упомянутое прошлое, в котором, по Милюкову (и не только), следует искать корни русской революции, в свою очередь имеет корни - в природе пространства, на котором расположено русское государство. Логично, если принять во внимание, что природе обязаны мы уже самой возможностью на Земле какой бы то ни было истории. Тем более следует ожидать, что ее регионы, заметно отличающиеся природными условиями, подобно упомянутым половинам Европы, будут иметь и различающуюся историю. Они ее и имели - насколько и пока та и другая Европы, скажем так, могли иметь (позволено им было иметь) эти различия.

Однако уже в Новое время успехи рыночной экономики и последовавшие за ними изменения в проводимой там и там политике внутренней и внешней (вынужденные ими изменения) поставили решение этих вопросов в иную плоскость. Европе Западной стало тесно на одной территории с Восточной, которой в этой связи предстояло попросту исчезнуть. Начиная с действовавшего тут режима самодержавия, в котором аккумуляровались по тому времени интересующие нас отличия. Или скажем так: Европе предстояло стать сплошным Западом, каким она, если посмотреть из сегодняшнего дня, с теми или другими оговорками, могла сказать, стала. (Хотя, что тут на самом деле "стало", разговор отдельный.)

Таковы факты, воспроизводящие в самом первом приближении ход состоявшейся здесь истории, на фоне которых события 1917 года – всего лишь один из эпизодов растянувшейся в этом регионе на три последних столетия трагедии противостояния культур и народов.

Напрашиваются вопросы. И прежде всего: почему все-таки империя рухнула? Ибо "тесно" так или иначе обеим Европам было на протяжении всего времени их здесь существования, можно ли считать это аргументом для такого именно развития событий? Но и в самом деле, Российская империя находилась, казалось, в расцвете сил, занимала почетное место в ряду великих держав, переживала экономический и культурный подъем. Положение на фронтах – шел четвертый год войны, напомним – выглядело тоже более-менее благополучным, не хуже, по крайней мере, чем у союзников по коалиции. Скажем больше: победа коалиции, в которую входила Россия, над Германией была лишь делом времени. Уже и США активно готовились вступить в бой. И на этом фоне – отречение Николая II, а следом – отречение Михаила. "В апреле и мае 1917 года – напишет уже после войны генерал Людендорф – несмотря на наши победы на Эн и в Шампани, нас спасла только русская революция." Михаил, опять же напомним, отрекся от престола в пользу Временного правительства, созданного Думой. На чем Монархия прекращает свое существование.

Но и это не все. Вслед, опять же, в считанные месяцы буквально рушится и вся сложившаяся тут на протяжении предшествующего полутысячелетия государственность.

Известное высказывание В. В. Розанова в данной связи хорошо передает впечатление (ошеломляющее, прямо скажем), произведенное всеми этими обрушениями на образованную публику того времени, пытающуюся определиться со своим местом в происходящих событиях. Характерно, к слову уже, и название произведения, из которого я цитирую это его высказывание: "Апокалипсис нашего времени". Одно стоит другого. Ну и само высказывание:

"Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже "Новое Время" нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И собственно подобного потрясения никогда не бывало, не исключая "Великого переселения народов". Там была – эпоха, "два или три века". Здесь – три дня, кажется даже два. Не осталось Царства,

не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего.

Остался подлый народ..."

Какой-то народ при всем том остался. Имеется в виду, берусь предположить, заполнившая в это время города европейской части России масса потерявших так или иначе связь с землей недавних еще совсем крестьян. Вопрос, с которым нам также предстоит еще разбираться.

И уже на развалинах начинается борьба за власть – право представлять государство и определять проводимую им политику, в которой неожиданно, опять же, для энтузиастов-разрушителей всех мастей, принявших участие в образовавшейся свалке, большевики оказались победителями. Неожиданно, стоит тут отметить, в том числе и для самих большевиков. Как неожиданными для них не менее стали и февральские события, знаменующие в известном смысле начало всей этой истории (катавасии).

Часто цитируемый курьез в этой связи. Обращаясь к собранию молодых социалистов в Цюрихе 9 (22) января 1917 года, Ленин говорил, что хотя революция в Европе и неизбежна, "мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции". До отречения Николая II оставалось 50 дней (если я правильно подсчитал). Не поверил Ленин в революцию и когда она произошла, увидев поначалу из того же Цюриха в событиях в Петрограде результат "заговора англо-французских империалистов".

И опять вопрос: как, в силу каких обстоятельств (стечения обстоятельств) стало возможным установление здесь власти немногочисленной и малоизвестной в дореволюционный период партии революционного социализма? Почему кучке отморозков, как бы мы сейчас их назвали, поработивших в буквальном смысле Россию, не было оказано тут по-настоящему серьезного сопротивления?

Наконец, во что превратилась в результате всех последовавших затем событий некогда уникальная, ни на что более не похожая во всей прежней человеческой истории цивилизация?

Другой круг вопросов, также нередко дискутируемых в литературе (поднимаемых по крайней мере): какое направление мог принять ход всей этой истории, начиная с революции, поскольку она уже состоялась, если бы этот выдающийся без малейших кавычек ее деятель (я сейчас говорю о Ленине, конечно) действительно до нее не дожил? Вопрос не праздный, имея в виду уникальность его вклада в развитие событий. Или если бы до нее не дожил Николай II, или, хотя бы, вовремя отрекся от престола в пользу более дееспособного в вопросах проводимой политики из возможных его приемников? Или если бы до нее не дожил хотя бы Троцкий? Но это уже тема для какого-нибудь другого исследования. Мы здесь будем говорить только о том, что действительно имело место, что действительно состоялось. В этом мы как раз и попробуем разобраться. (Одно исключение для Ленина все же сделано, о нем – в конце книги.)

Собственно полемика не прекращается на протяжении всего прошедшего с тех пор столетия, усиливаясь обычно в связи с теми или

иными очередными относящимися ко всем этим событиям круглыми датами. Особый интерес в этой связи представляет выяснение отношений, происходившее в свое время среди эмиграции, т. е. в той самой среде, с которой связывалась тогда (во многом по сей день) ответственность за происшедшее. Речь, конечно, об оказавшихся в этой эмиграции представителях русской интеллигенции в первую очередь (традиционно левой в той русской истории), устои мировоззрения которых были до основания потрясены принявшим тут направление ходом событий. Воспитанные на преклонении перед революционными традициями (Великой французской революции прежде всего), они в массе своей, как известно, с энтузиазмом приняли революцию 1917 г. в ее февральской модификации (ипостаси). Логика крушения старого политического строя до этого момента представлялась им понятной, при всех сохраняющихся разногласиях по частным вопросам происходившего и происшедшего.

Однако то, что за этим последовало, оказалось для них полной неожиданностью. И совсем уже необъяснимой стала для них устойчивость узурпировавшего тут власть (установившегося) в октябре того же года большевистского режима. Что, собственно, и привело к постановке остающихся до сих пор неразрешенными вопросов. Для них в первую очередь – о природе этого самого большевизма, столь непредсказуемо вмешавшегося в разыгрывавшуюся до того по нотам буквально российскими либералами и социалистами политическую авантюру. Вот, например, как сложившееся положение вещей комментирует А. И. Деникин в своих Очерках еще в 1924 г. Можно сказать, по свежим следам:

"История откроет нам современные истоки большевизма – того огромного и страшного явления, которое раздавило Россию и потрясло мир, установит отдаленные и близкие причины катастрофы, заложенной в историческом прошлом страны, в духе ее народа, в социальных и экономических условиях его жизни. В цепи событий, поражающих современников своей полной неожиданностью, жестокой извращенностью и хаотической непоследовательностью – история найдет такую связь, суровую закономерность и, может быть, трагическую неизбежность."

Как и у Милюкова, последнее слово за историей: история еще откроет... Как сказал поэт, большое видится на расстоянии. Поэт только не сказал на каком именно расстоянии видится это большое. В данном случае, похоже, что прошедшего столетия оказалось все еще недостаточно.

Вопросы, конечно, на этом не заканчиваются. на некоторые из них мы попробуем (попытаемся) здесь ответить.

2. Начать имеет смысл (начать отвечать на вопросы имеется в виду в данном случае) с определения того, что следует понимать тут под революцией. (Что представляет собой большевизм, или Советская власть, установившиеся в результате всех этих пертурбаций – об этом ближе к концу книги.) Узкое марксистское определение, доста-

точно, к слову, популярное не только в марксистской литературе, выглядит следующим образом. Цитирую по словарю, неважно какому, отличия не существенные. И неважно, скажу уже заодно, насколько дословно – поскольку и если допущенные вольности не искажают существа цитируемого. И еще: что впереди немало подобных цитат, я имею в виду незаковыченных, в том числе и без указания источника, по той же причине: содержание их представляет собой более-менее (плюс-минус) общее место, так что теряет смысл (опять же, плюс-минус) и то, и другое.

Итак, что следует понимать под революцией. Это коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя, орудие и средство перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Революции – необходимый, закономерный результат развития классовой борьбы в антагонистических формациях. Они завершают процесс постепенного созревания в недрах старого общества элементов или предпосылок нового общественного строя, ломают отжившие производственные отношения и закрепляющую эти отношения политическую надстройку, открывают простор дальнейшему развитию производительных сил.

Ну и: "Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции как в строго научном, так и практически-политическом значении этого понятия." (В. И. Ленин)

Понятно должно быть, что революции не следует смешивать с дворцовыми переворотами, путчами и т. п., которые ни к чему подобному не приводят и ничем подобным не сопровождаются. Нет смысла вдаваться тут в какие-то подробности.

Как уже было сказано, определение узкое, обязанное своей узостью в первую очередь связи, в которую поставлены в нем революция и общественный прогресс, ассоциируемый в данном случае с утверждением нового общественного строя, а также революция и открываемый ею простор для развития производительных сил общества. Ни того, ни другого с дистанции прошедшего времени, можно уже сказать, события, последовавшие за февралем, а потом и октябрём 1917 г. в России не обнаруживают. Это кроме того, что сами понятия общественного прогресса, развития производительных сил, как и созревания предпосылок одного общества (общественного строя) внутри другого, даваемые им тут определения порождают вопросы не всегда легко, по следам состоявшейся истории в том числе, разрешимые.

Отдельный вопрос: таким ли уж отжившим был монархический строй в России в период предшествовавший состоявшейся революции и таким уж закономерным было тут его низвержение?

Но мы в это сейчас углубляться не будем. Сделаем другое: уберем упомянутые проблематичные связи из интересующего нас определения и посмотрим, что остается. А остается то, что тоже можно назвать более-менее принятым определением революции, с которым (в отличие от приведенного выше) мы в дальнейшем будем иметь дело. Или ска-

жем так: пока с ним согласимся. Выглядит оно следующим образом. Это коренной переворот в жизни общества, сопровождающийся преобразованием классовой структуры и политической системы общества. По другому – сменой общественно-экономической формации.

И еще необходимое условие революции: созревание предпосылок в недрах старой общественной системы, подготавливающее такой переворот – без уточнения пока о каких именно предпосылках идет речь. Что, собственно, и произошло в России в 1917 г. – уже без возражений, подобных тем, о которых говорилось выше.

Ну и замечание, заодно уже, относительно определения классов. Классами мы будем называть здесь группы людей, различающиеся все-таки по месту занимаемому ими в общественном разделении труда, а не по их отношению к средствам производства (как у Маркса). Что более соответствует предпринятой в данной работе попытке понять, что и почему тут на самом деле произошло. Тогда смена общественно-экономических формаций представляется переходом от одного общественного разделения труда к другому, а общественные классы, как и их принадлежность к той или другой из этих формаций – производными от этого разделения.

В роли актуального в нашем случае примера – общество (сообщество), каким была Россия, Русь на протяжении ее истории, начиная с варягов, заявивших себя в качестве политической элиты новообразованной Киевской, а затем и Московской Руси, исключительно на основании навязанного ими местному населению разделения труда: мы служилые, вы податные, мы отвечаем за все непростые ваши и наши отношения с окружающими странами и народами, вы – за наше и ваше материальное благополучие. Наглядный пример такого классового размежевания (оно же и сословное в данном случае).

Собственно делить можно и так, как это делает Маркс, тут все зависит от решаемой задачи. Но и в самом деле, в основании наиболее кровавых конфликтов в любом обществе, начиная с конфликтов между соседями, лежит отношение собственности. Или так скажем: отношение между людьми, выраженное через их отношение к вещам, на которые они претендуют в качестве собственности, так это еще можно сформулировать. Для Маркса, проявляющего к подобным разборкам прямо-таки патологический интерес, принятая им версия деления общества на классы представляется безусловно предпочтительной. Вокруг нее, соответственно, и группируются все его теоретические построения.

Большевики этот посыл его учения усвоили как никакие другие его последователи. И скажем уже заодно – как никакие другие его последователи выступили в роли (освоили роль) разжигателей таких конфликтов. Приведу только один пример в качестве иллюстрации, но уж очень, по-моему, показательный. Вот что говорит Я. М. Свердлов о политике в отношении деревни после того, как в городе власть перешла уже в руки большевиков. Из его заявления 20 мая 1918 года:

"Мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, вопрос о создании в деревне двух проти-

воположных враждебных сил... Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах... только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для города."

Замечательный по откровенности пассаж. Ни тебе эксплуатации человека человеком, солидарности трудящихся всех стран, построения светлого будущего для всего человечества и тому подобного марксистского словотворчества, способного только затемнить суть дела. Но открытым текстом: расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, разжечь в ней ту же войну за собственность, которая шла до этого в городах. Язык куда как понятнее для исполнителей предстоящего ограбления деревни - того самого подлого (по Розанову) народа, составившего социальную базу навязанного стране большевиками режима. Это после того, как в городе ограбили уже кого и что только можно. Т. е. по следам уже имеющегося в этом отношении опыта, на который Свердлов ссылается тоже без затемняющих суть дела эвфемизмов.

Дело оставалось за малым: как именно проводить это деление, "колоть" деревню на эти самые враждебные силы, или классы, кто тут кулак или буржуй, а кто пролетарий. Вопрос в марксистской литературе по сегодняшней день так до конца не разрешенный. (Деревни давно уже нет, вопрос остался.)

Тут надо сказать, что классовая идентификация крестьянства и вообще представляет проблему для ортодоксального в той или иной степени марксизма, как и следующих ему марксистов. Проблема автоматически возникает из способа классификации - по отношению к средствам производства. Крестьянин собственник (буржуа, предприниматель), что-то из вещественных средств производства должно быть в его собственности, иначе он перестает быть крестьянином, это с одной стороны. Но с другой стороны, он и труженик - собственник еще и своей рабочей силы. Не укладывается в принятую тогда и по сегодняшней день среди марксистов жесткую классификацию на собственников средств производства и тружеников, или пролетариев другой собственности, кроме своей рабочей силы, не имеющих, соответственно, вынужденных включаться в процесс производства исключительно и только на основе найма.

Проблема снимается, если соответствующее разделение в обществе проводить на основе, или апеллируя к общественному же разделению труда. Тогда сельский труженик не буржуа и не наемный рабочий, но представитель (пережиток) некой другой формации, характеризующей другим общественным разделением труда, которого оставалось либо интегрировать как он есть во вновь образуемое сообщество (кстати такая попытка, вопреки всем теориям, была таки предпринята в свое время, мы о ней будем еще говорить), либо каким-то образом лишить его этого его традиционного статуса.

В конце концов большевики разрешили эту головоломку, лишив сельских тружеников и того, и другого, той и другой собственности,

переквалифицировав тем самым, по существу, в зеков.

Но вернемся к нашему (принятому нами) определению революции или революций, классическим образцом которых в той или иной степени стали революции, происшедшие в свое время в целом ряде стран к западу от России. Мы говорим сейчас о революциях, необходимой предпосылкой которых стала развитость в этих странах буржуазных отношений. Но это – к западу от России. С самой Россией оказалось сложнее, при том, что попытка насадить в ней эти самые отношения в то время таки имела место и ее связь с последовавшими событиями не приходится отрицать.

И однако в 20-м столетии революции происходили уже не в индустриальных (индустриально развитых) обществах, или странах, а в откровенно сельских, крестьянских, какой оставалась в рассматриваемый период, при всем сказанном, та же Россия, и в какой было положено начало этому новому в истории претворения в жизнь социальных (социалистических) идей явлению. Со ссылками на все тот же марксизм, который по такому случаю требовалось соответствующим образом модернизировать. Применительно к событиям (как они развивались) в России работа эта, получившая общее признание, проделана была Лениным.

Действительно новым в его прочтении марксизма стало то (отметим главное отличие, далее мы к этой теме еще вернемся), что решающим условием успешности революции он назвал уже не развитость буржуазных отношений – как это было у Маркса и было на самом деле в период, предшествовавший состоявшимся уже в Европе революциям – но появление партии-авангарда с необходимой программой захвата власти, стратегией, тактикой и организационной дисциплиной, способными гарантировать победу. Развита непосредственно сами буржуазные отношения или не развиты при всем том – вопрос, если не снимается окончательно с повестки дня, то, во всяком случае, решительно теряет в своей актуальности.

Ну и особенности революции именно и только в России, которые имеет смысл тут отметить.

Это ее на тот момент исключительность в ряду предшествовавших ей революций в странах Запада с развитой буржуазной экономикой. Тут ничего нельзя было предсказать заранее. Как и позаимствовать в подлинном значении этого слова. Приходилось импровизировать.

Это, кроме того, оказанное ею влияние на ход событий не только русской или европейской, но и мировой истории в целом. Сравнить можно разве что с влиянием Великой французской революции, на которую, к слову, здесь принято было постоянно ссылаться и по аналогии с событиями которой (при всех отличиях) искать объяснения и оправдания происходившего.

И еще одно отличие того, что произошло в конечном счете в России, аналогов чему не существует уже не только в предшествующей, но и во всей последующей истории. Состоит оно в том, что тут полностью поменялся еще и субъект истории. Или так еще можно сказать: прежняя Россия с ее традициями и историей, со сформировавшимся на протяже-

нии многих предшествующих столетий ее жизненным укладом перестала существовать. В этой части, по крайней мере, задача, решавшаяся здесь пришедшими к власти (захватившими тут власть) в результате Октябрьского переворота и последовавшей затем Гражданской войны большевиками была выполнена: старый мир был в буквальном смысле разрушен "до основания". Да и каким другим мог быть результат проводившейся ими здесь на протяжении жизни, можно сказать, трех поколений самыми жесткими методами установки на тотальный разрыв с прошлым, дискредитацию и отрицание всех прежних ценностей?

И наконец, построенный на расчищенном таким образом основании невиданный во всей прежней истории социализм, или "новый мир", оказавшийся на поверку – при всех понесенных издержках и проявленном его строителями и устроителями энтузиазме – совсем не тем раем, или идеальным человеческим общежитием, каким это мерещилось его архитекторам, начиная с французских утопистов. Капитальным признанием чего стал развал этого новопостроенного мира (общежития), не менее "до основания", что примечательно, еще и самими его устроителями (еще одна самоликвидация). Событие уже конца XX столетия, буквально на наших глазах и, можно сказать, по тому же сценарию: опять Дума, гласность, дискредитация всех прежних ценностей и т. д. Но мы тут уже забегаем вперед.

3. К определению революции (революции в России, если точнее) мы еще вернемся. Сейчас в нескольких словах буквально о том, что представляет собой на сегодняшний день историческая наука – та самая история, от которой мы ждем ответа на поставленные вопросы. Тема с богатой проблематикой, более подходящая для отдельной работы. Мы здесь ограничимся только самым необходимым, продиктованным потребностями непосредственно решаемой задачи (потребностями предстоящего изложения, можно и так это сформулировать).

Начнем (естественно начать) с самых общих соображений. Например с того, что история, по общему признанию, наука или дисциплина, лучше сказать, на сегодняшний день все еще описательная главным образом, удовлетворяющаяся изложением хода имевших место событий. Разумеется, события, прежде чем быть изложенными, должны быть реконструированы по источникам, а при изложении еще и упорядочены в соответствии со временем их происхождения. Разумеется не менее, что они должны быть еще и идентифицированы – крайне непростая процедура, к слову, в чем можно убедиться на примере рассматриваемых событий, идентификацией которых нам предстоит здесь заниматься (чему, по существу, посвящена предлагаемая работа).

Еще одно неперемное условие – время, отделяющее нашего историка от интересующего его события, дабы это событие можно было признать фактом этой самой истории, а тем самым и предметом его исторического исследования. Оно должно быть достаточным, чтобы о событии можно было судить (выносить заключения) в том числе и на основании ставших уже известными его последствий, а не одних толь-

ко причинно-следственных связей, будь то имевших место на самом деле или предполагаемых, сделавших возможным само его появление.

Имеется в виду в данном случае особенность событий, или явлений общественной жизни, представляющихся предметом исторического исследования, состоящая в том, что события эти, или явления не повторяются. Соответственно, у нас нет возможности и проверить традиционными методами предположения об их происхождении. А значит нет возможности и судить о них со сколь-нибудь приемлемой степенью достоверности, основываясь на этих предположениях. Во всяком случае – исключительно и только на этих предположениях, как это имеет место, например, в физике. Остающаяся возможность – суждение по последствиям. Но это и означает, что значимым фактором в нашем познании истории становится время, отделяющее историка от предмета его исследования. Ну и поскольку последствия имеют способность накапливаться, у историка (историков) всегда есть работа.

Не надо далеко ходить за примером. Из нашего сегодняшнего далека интересующий нас тут 17-й год видится уже не так, как он виделся до Перестройки, как он виделся тем же Деникину и Розанову, в частности. Что уже является достаточным поводом для предпринятого здесь основательного пересмотра существующих (продолжающих существовать) в его отношении взглядов и мнений.

Еще одно следствие упомянутой особенности предмета исторического исследования – то особое значение, которое приобретают отличия, или учет отличий при том широком использовании аналогии, которое традиционно имеет место в качестве метода познания в истории и где традиционно не менее акцент принято делать на сходстве событий. В нашем конкретном случае – на сходстве с Великой французской революцией, к аналогии с которой мы не раз будем обращаться. Нас тут, во всяком случае, равно будут интересовать и отличия.

Отдельный в этой связи непростой вопрос: где кончаются события и начинаются следствия, или последствия? Применительно к нашему случаю: где кончается революция в России, начатая здесь февральским переворотом? К обсуждению его мы далее также еще вернемся.

О чем следует еще сказать (обстоятельство не менее общее). Присутствуют здесь и теоретические соображения, под которыми понимаются логические построения не привязанные непосредственно к конкретным событиям. Но присутствуют как бы отдельно от истории описательно-событийной, которую, по идее, они призваны объяснять. Не в том смысле, конечно, что теоретические соображения никак не сказываются на изложении историками своего предмета. Это означает другое: что те или другие из них могут изложить его и так, и эдак, в зависимости от той или другой принятой ими к исповеданию концепции истории, представленной подобными соображениями, с одинаковой возможностью настаивать на легитимности своего изложения.

Не нужно, опять же, далеко ходить за примером. Та же Октябрьская революция в контексте другой подобной группы соображений может вполне оказаться и контрреволюцией. Вот, например, что говорит об этом Александр Яковлев, идеолог Перестройки, как его часто пред-

ставляют, и второй человек в партии, которой мы обязаны этой самой революцией (в его книге-исповеди Омут памяти):

"Я пришел к глубокому убеждению, что октябрьский переворот является контрреволюцией, положившей начало созданию уголовно-террористического государства фашистского типа."

Или в другом месте:

"На мой взгляд, Перестройка - это стихийно вызревшая в недрах общества попытка как бы излечить безумие октябрьской контрреволюции 1917 года, покончить с уголовщиной, произволом и безнравственностью власти".

О том же Дмитрий Волкогонов (в его книге, Ленин):

"Мы не задумывались над тем, что октябрьский "прорыв" 1917-го в значительной мере был контрреволюцией по отношению к Февралю. Исторический шанс, появившийся в связи с Февральской революцией, всенародным представительством в форме Учредительного собрания, естественным разномыслием и многопартийностью, был ленинцами безжалостно ликвидирован."

Как его представляют в аннотации (я о Волкогоне): доктор исторических и философских наук, одно время зам. начальника Главного политического управления Советской Армии и ВМФ - и вот на тебе. Изменилась принятая к исповеданию концепция истории, изменился и взгляд на составляющие ее события, вплоть до самых фундаментальных.

Больше того, поначалу сами большевики, в том числе и Ленин, говорили не о революции, а о перевороте, именовали состоявшиеся события переворотом. С этим как быть?

Другими словами, теория тут пока еще слабо связана с существом событий, которыми приходится оперировать историкам. Не случайно поэтому она и оформляется в виде отдельной дисциплины, именуемой, как правило, философией истории, со своей историографией и источниковой базой (мухи отдельно, котлеты отдельно, что-то в этом роде).

И философией, кстати, она тоже именуется не случайно, ибо, как и философия, состоит из набора (сводится к изложению) именных концепций, ни одна из которых удовлетворить критериям научности оказывается не в состоянии (потому и именные). То есть, как и философия, наукой по большому счету не является и, значит, объяснить по тому же счету обсуждаемые в ее контексте события не может. С дистанции прошедшего с момента опубликования каждой из них времени это становится особенно очевидным.

Отдельная тема - значимость этих теорий, или концепций в общественной жизни, которую не следует недооценивать. Имеется в виду, что от выбора той или другой из них в качестве руководства к осмыслению текущих событий ощутимым образом зависят (могут зависеть) и принимаемые в тех или других сообществах теми или иными их правителями и правительствами решения, проводимая ими в отношении своих и чужих народов и государств политика. Характерный пример относительно недавнего прошлого - политика равно внутренняя и внешняя, проводившаяся Советской властью на территории России на протяжении всего периода ее тут существования. Другой пример

из той же недавней истории – политика, проводившаяся правительством Германии после прихода к власти Гитлера с его партией и до их поражения во Второй мировой войне. Для иллюстрации, думаю, достаточно.

Россия с конца XVIII века превращена была буквально в полигон испытания таких именных концепций, первыми среди которых следует назвать либеральную и коммунистическую, оказавших решающее влияние на принимаемые сменяющимися тут друг друга правительствами и режимами решения, как и весь ход состоявшихся по следам этих решений событий. Ход, как уже было сказано, совсем не тот, каким он виделся сочинителям этих концепций – убедительная индикация того, что в них мы имеем дело все-таки не с наукой.

Другая индикация не менее убедительная ненаучного характера этих концепций (теорий, учений), о чем следует здесь сказать – ориентация в их принципиальных заключениях на сущности не доступные опыту, по другому именуемые еще трансцендентными сущностями. Центральное место среди которых отводится такой откровенно трансцендентной сущности, как идеальное (совершенное) общественное устройство, утверждаемое в них на роль (или в качестве) достойного завершения исторического процесса.

4. В роли актуального в нашем случае примера – марксистская концепция (марксистское понимание, прочтение) истории, где в идеал возведено общественное устройство, при котором все заняты производительным трудом, как он в ней понимается (так называемый непосредственный, или инструментальный труд). Уместным будет, наверное, упомянуть и об отсутствии в подобного рода идеальном обществе таких атрибутов современного классового общества, как деньги и частная собственность, государство и армия, полиция и профессиональное чиновничество и т. д. Список можно продолжить.

Марксистское понимание истории представляет для нас здесь особый интерес, поскольку именно под него ломалась тысячелетняя российская цивилизация. Точнее будет сказать – сломана была в конечном счете. Ибо до Октября 1917 г. (до октябрьских событий) она ломалась под либеральную концепцию той же истории, где в роли идеала (достойного завершения истории) фигурирует общество равных прав и возможностей – тоже умозрительная конструкция, тоже призванная подчинить своему осуществлению проводимую властью политику. Отличие в том, что соответствующая власть не была тут установлена. Не случилось (не сложилось). По причине чего на повестке дня у нас, как уже было сказано, марксистская концепция истории. Для начала – как она привиделась самому Марксу. Следует это сразу оговорить, ибо есть варианты (о них далее).

Начать с того, что за исходный пункт постижения (понимания, объяснения) истории в этой концепции принимается способ материального производства, представленный натуральным помещичьим хозяйством с прикрепленными к нему так или иначе крестьянами, каким оно было

в Западной Европе в Средние века. За образец при этом взято было помещичье хозяйство Франции того периода, где и когда помещики предпочитали не вести свое собственное хозяйство, а сдавать принадлежащую им землю в аренду. Что, может, стоит еще отметить, богатство в таких сообществах традиционно ассоциировалось с владением собственностью в виде того или иного количества пригодной для обработки (сдачи в аренду) земли.

Важнейшее отличие от пришедшего такому способу ведения хозяйства на смену уже в Новое время на том же Западе буржуазного, именуемого еще капиталистическим, способа производства состоит в том, что крестьянин на арендованном им участке не только труженик, но еще и собственник, владелец собственности в виде, по крайней мере, какой-то части используемых им при обработке этого участка вещественных средств производства. Мы уже поднимали этот вопрос выше в связи с проблемой классовой идентификации крестьянства, вставшей перед большевиками после прихода их к власти (совершенного ими переворота) в России.

Это и есть то, что именуется феодализмом, или феодальным способом производства. Во всяком случае, мы здесь будем придерживаться именно такого его определения.

Феодальный способ производства – типичный продукт общественного разделения труда, при котором с одной стороны находится политически господствующий класс, владельцев земли в данном случае, а с другой – класс производителей материальных благ (арендаторов, опять же, в рассматриваемом здесь конкретном случае), берущих этот господствующий класс на полное свое материальное содержание – в обмен на оказываемое им со стороны этих последних политическое покровительство. Тоже труд, который, однако, Маркс в своих выкладках за производительный признавать отказывается. Почему? – а вот так, обоснования этой своей установки, допускающего проверку опытом, он не приводит.

Теперь, что происходит дальше. А дальше в этой среде вызревает новый тип, или вид общественных отношений (как это на глазах у Маркса, можно сказать, в современной ему Европе и происходило), при которых непосредственные производители материальных благ (бывшие крестьяне) уже не являются собственниками каких бы то ни было используемых при этом вещественных средств производства, а как следствие, отстранены и от деятельности по управлению, размещению, финансированию организованного на таких началах производственного процесса, как необходимых составных частей вообще любого общественного производства. Короче, отстранены от всего того, что может быть определено как предпринимательство – то, чем занят появившийся в это время новый тип участника производственного процесса (общественного производства), именуемый буржуа.

И опять проявляемую тут активность Маркс за производительный труд признавать отказывается. Почему? – все потому же, смотри сказанное об этом выше.

И так далее через ряд революций к светлому, каким оно пред-

ставлялось Марксу, будущему. Нет смысла останавливаться здесь на этом подробнее.

Ну а на роль фундамента всего этого построения, призванного придать ему искомую научность, определена тут открытая, якобы, Марксом способность такого очищенного от политической активности и деловой предприимчивости труда – и его только – создавать, или производить стоимость, в том числе и прибавочную. Другими словами, создавать, или производить общественное богатство, меру которого представляет собой эта самая стоимость в его учении. Причем, имеется в виду еще и труд, занятый исключительно в сфере материального производства. Любой другой труд, согласно этому открытию, занятый в любой другой сфере, как бы и от чего бы он ни был очищен или не очищен, такой способностью не обладает.

Нетрудно показать, что гипотеза эта или, лучше сказать, выдумка (другого названия она не заслуживает) проверки на эту самую научность не выдерживает. Достаточно уже обратить внимание на то, что никаких измерительных процедур, обычных в таких случаях, какие могли бы послужить подтверждению делаемых на основании этого открытия выводов, тут не приводится. Остается принимать на веру. Выше я уже обращал (пытался обратить) внимание читателя на эту особенность открытий нашего классика.

В роли характерного примера – тезис, или утверждение о перераспределении стоимости произведенного таким образом продукта, или товара между производителем и продавцом, сразу скажем, как и во всех остальных случаях, никакими измерительными процедурами не подтверждаемый. Остановимся на этом подробнее. Далее цитата из учебника политэкономии за 1960-й год. Все строго по Марксу:

а. Стоимость, включая прибавочную, создается наемными работниками, занятыми в производстве товаров и только в производстве.

б. Труд наемных работников, занятых реализацией товаров, то есть превращением товаров в деньги и денег в товары, не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, но он дает торговому капиталисту возможность присваивать часть прибавочной стоимости, созданной в производстве.

О том же словами самого Маркса: "Подобно тому, как неоплаченный труд рабочего непосредственно создает для производительного капитала прибавочную стоимость, неоплаченный труд торговых наемных рабочих создает для торгового капитала участие в этой прибавочной стоимости." (Капитал, т. 3)

Объяснение, будем считать, понятно. Но как бы оно ни было понятно (или не понятно), наличие его еще не отменяет необходимости установления факта или фактов, которые оно призвано объяснить. В данном случае, повторим еще раз, что труд наемных работников, занятых в сфере производства товаров, создает стоимость, а труд таких же работников, занятых в сфере обращения, или реализации этих товаров, стоимости не создает, или не производит. Тем более, оно не может эти факты устанавливать. Факты должны устанавливаться все-таки в результате некоторой независимой от возможного их

объяснения процедуры. Примеры можно приводить и еще.

Что же получается? Величина признана существующей, я говорю сейчас о стоимости, процедура ее измерения или, по крайней мере, регистрации ее присутствия (наличия) – отсутствует. Как в таком случае узнать, где и каким образом эта самая стоимость содержится либо не содержится, производится либо не производится – читайте Маркса. Если, конечно, несмотря на все сказанное, продолжать придерживаться всей этой несуразицы.

Как бы то ни было, в результате всех этих якобы научных построений общество (население) оказывается поделенным на тех, кто занят определенным так производительным трудом и в силу этого представляются производителями всего общественного богатства, и остальное общество, которое такие производители вынуждены брать на свое полное материальное содержание. Всячески при этом муссируется стесненное материальное положение идентифицированных таким образом непосредственных производителей, особенно нетерпимое в свете того, что, как сказано, именно и только они являются производителями всех имеющихся (распределяемых, перераспределяемых) в обществе материальных благ.

Это и есть те самые классы, на которые – по Марксу (приходится еще и еще раз подчеркивать) – расслаивается буржуазное общество по признаку занятости его членов в общественном производстве. Очевидно – все по тому же Марксу – находящиеся между собой в непримиримом противоречии, или конфликте. Остается объявить этот конфликт движущей силой происходящего на наших глазах исторического процесса. Опять же, декларация, никакими вразумительными аргументами, какие могли бы быть признаны научными, не подтверждаемая.

Еще раз, ввиду важности, о том, чем мы обязаны теории стоимости Маркса, признанной, на минуточку, его великим открытием. Именно, общество, согласно этому его открытию, оказывается поделенным на классы, лишь один из которых представляется производителем всего общественного богатства – класс наемных рабочих, занятых непосредственно в сфере материального производства. Мы сейчас говорим о развитом буржуазном обществе, которое нас здесь (в данный момент) собственно интересует. Все остальное население, какие бы классы или сословия оно ни представляло, оказывается при таком раскладе в положении захребетников. Таким образом определена зона конфликта, до поры тлеющего, который, опять же, по Марксу, должен непременно трансформироваться в открытый.

Дело остается за малым – подтверждением соответствующих умозрительных построений необходимыми в подобных случаях измерительными процедурами, то, что называется еще эмпирическим подтверждением. А именно этого, как было уже выше сказано, и не происходит, на основании чего концепция истории Маркса должна однозначно квалифицироваться как не научная. Не научная – т. е. не дающая объяснения реальному ходу событий, что состоявшаяся с тех пор история со всей возможной определенностью и наглядностью подтверждает.

Чтобы было понятнее, о чем идет речь, сошлюсь на положение дел

с эмпирическими подтверждениями подобных умозрительных построений в естественных науках. В качестве примера (иллюстрации) может послужить идея, или гипотеза атомного строения вещества, известная еще с античных времен. Однако лишь Дж. Дальтону удалось, скажем так, операционализировать понятие атом, связав его с понятием атомного веса и введя в науку процедуру измерения последнего. И только с этого момента представление об атомном строении вещества стало фактом, или получило право считаться фактом этой самой науки. Марксова идея (теория, гипотеза) происхождения стоимости, повторю еще раз, такого подтверждения по сегодняшний день не имеет.

Здесь следует, наверное, сказать, что сомнения в научной состоятельности теории стоимости Маркса не являются чем-то новым. Многие его критики указывают на то, что он просто постулирует, а отнюдь не доказывает ее основные положения. Позволю себе сказать больше: противоречия этой теории слишком очевидны, чтобы могли укрыться в том числе и от самого Маркса. И если он, тем не менее, от нее не отказался, то лишь потому, что требовалось хоть как-то обосновать (кровь из носу) утверждение, согласно которому доходы имущих классов в условиях капиталистического способа ведения общественного хозяйства покоятся исключительно и только на эксплуатации класса наемных рабочих. После чего уже можно ставить вопрос о невозможности продолжения существования столь одиозного способа производства, как и присущего ему способа распределения материальных благ.

Вот цель, призванная оправдать использованные для ее достижения средства. Благо желающих прочесть эти проблемные отношения (нарождающихся классов предпринимателей и наемных рабочих) именно таким образом было более чем достаточно. Было и продолжает оставаться. Спрос, можно сказать, родил предложение. А дальше, как говорится, история рассудит, в чем мы тут, в частности, и пытаемся разобраться. Другого объяснения проявленной Марксом настойчивости в его теоретических построениях я не вижу. Ну и напрашивающийся заключительный аккорд этой симфонии разоблачения положения дел в странах с господствующими в их экономике рыночными отношениями: это идея объединения в них таких непосредственных производителей для ведения классовой борьбы, а в дальнейшем – и освобождения от своих поработителей и эксплуататоров. К чему в буржуазном обществе существуют (появляются) невиданные прежде возможности, как следствие идущих тут необходимо процессов концентрации производства и демократизации общественных отношений. И почему бы их не использовать для разжигания этой самой классовой борьбы, или в более дипломатичной формулировке – искомым социальным преобразованиям?

Невиданные ранее возможности для разжигания классовой борьбы – второе важнейшее (после трудовой теории стоимости и следующего из нее классового деления общества) открытие концепции истории Маркса. Далее на повестку дня выносятся организационные вопросы ведения такой борьбы (разжигания социального конфликта).

Задним числом остается констатировать, что Маркс недооценил

значимости решений именно упомянутых последних вопросов для искомого обострения этой борьбы, заложенный именно в них потенциал (взрывной, прямо скажем) преобразования общественных отношений. Как показали дальнейшие события – еще и не обязательно в самых продвинутых в экономическом отношении странах. Я говорю сейчас о политике европейской социал-демократии и ее достижениях в проведении этой политики, в конечном счете не оправдавших возлагавшихся на нее Марксом надежд. И повторим еще раз, к науке – собственно науке, на чем так акцентируется социалистическая пропаганда всех мастей – все эти спекулятивные построения отношения не имеют.

5. Но посмотрим, что в это время происходило в России.

В России, стране традиционно земледельческой, земли столь же традиционно было много, стоила она мало либо вообще не стоила, было бы кому ее обрабатывать, соответственно – с кого брать подати. Соответственно, опять же, богатство определялось числом душ – работников на этой земле. Равно и в барских имениях, и в крестьянских хозяйствах. А сами труженики оценивались по их способности к труду, опять же на земле (в поле) прежде всего. Им же измеряться и затраты на приобретение необходимых для этого орудий (средств) труда, и налоги, разного рода отработки барину и т. д. И так практически до интересующих нас событий.

Суть, однако, не меняется. И в таком случае мы имеем дело с разделением труда, навязанным местному населению политическими средствами, в соответствии с которым и с которыми наш труженик вынужден был делиться с представителями господствующего здесь класса (господствующей части населения) производимым им продуктом в той или другой форме. Отсюда понятно и отношение его к этим представителям как к паразитам (до всякого Маркса), терпимым лишь при угрозе насилия со стороны стоящего за всем этим порядком вещей государства.

Характер сложившихся здесь отношений легко переносился наемными работниками из тех же крестьян на их взаимоотношения с нанимателями уже в городе, на которых эти недавние сельские труженики смотрели (продолжали смотреть) как на своих прежних бар, а на свою работу – как на выполнявшиеся ими совсем еще недавно на них (на таких же, как они, похожих на них, в их хозяйствах, обычно в поле) отработки. С тем отличием, что механизмы сдерживания их агрессии, регламентирующие (продолжающие регламентировать) взаимоотношения тех и других в барских поместьях (имениях), здесь отсутствовали. Тем легче в их среде марксистская пропаганда находила себе аудиторию с подготовленным всем опытом прежней жизни пониманием базовых для разжигаемого ею конфликта требований. Применительно к России по крайней мере (пореформенной России, будет точнее) это было именно так.

Сам Маркс, правда, считал, что его теория (учение) отношения к России не имеет, что ее выводы имеют (носят) прогностический ха-

рактер исключительно и только для Европы Западной, прежде всего для Англии. Однако тут подобного однозначного признания его учение не получило. Начиная с того, что назвать нанимателей-предпринимателей в подобном обществе иждивенцами уже то время представлялось делом проблематичным.

А вот барина на Руси, всю его многочисленную дворню, наезжающих по разным поводам чиновников из города и т. п. – очень даже напрашивалось. А еще в сочетании с культивировавшимися здесь в народе столетиями уравнительными настроениями и оправдывающим их уравнительным же или общинным, что будет, неверное, правильнее сказать, мировоззрением. То же и в отношении нанимателя-предпринимателя в городе со всеми неизбежными в этом случае особенностями в его взаимоотношениях с нанимаемыми им работниками, о которых говорилось выше. Тут Маркс с его коммунистическими идеалами, непримиримыми обязательно противоречиями и апокалипсическими пророчествами оказался как нельзя более кстати.

Первым понял и правильно оценил это Ленин. И, что, наверное, не менее существенно, сделал из этого правильные выводы. Прежде всего, конечно – для теории (философии) истории, дабы привести ее в соответствие с представляющейся перспективной в условиях российской действительности противоправительственной активностью, открывающимися тут для нее в тот момент возможностями. Их три по большому счету (я о выводах), посмотрим какие (на самом деле больше, но остановимся на этом).

Для начала, он не разделил уверенности Маркса в том, что рабочие способны автоматически осознавать свое предназначение в существующем обществе, каким оно виделось Марксу согласно его учению (его историософской концепции). Или в более ультимативной формулировке: "О самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи..." Как показал уже накопленный к тому времени опыт рабочего движения в той же Англии, автоматически, т. е. предоставленные сами себе, они могли осознать только свои экономические потребности, вроде необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, опять же, исключительно экономическую, не подумайте что другое, требований принятия тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Ленин характеризовал такое движение как, в сущности, буржуазное по своему характеру, так как оно не ставит своей задачей уничтожение капиталистических отношений. Но таким образом под вопрос поставлено было одно из основных положений концепции истории Маркса – о социалистической природе пролетариата.

Не разделил Ленин и другой уверенности Маркса – в том, что ожидаемая революция непременно должна произойти в странах, преуспевающих в своем экономическом развитии. Что не менее важно – со сформировавшимися в процессе этого развития, обзаведшимися уже своим классовым сознанием пролетариатом и буржуазией. И опять опасение было оправдано накопленным к тому времени опытом взаимоотношений названных классов в странах, которые отличает это

самое экономическое развитие. И опять под вопрос поставлено одно из основных положений концепции истории Маркса – его учение об общественно-экономических формациях как этапах (ступенях) однонаправленного прогрессивного развития человечества.

Что остается? Остается классовая борьба, уже не увязываемая обязательно и только со степенью развитости в той или иной стране экономических отношений. И остается некая люмпенизированная масса выходцев, вообще говоря, уже неважно из каких групп и слоев (сословий) общества и каким образом обеспечивающих в нем свое проживание. Главное в данном случае – их готовность примкнуть к любому протестному движению (в отличие от упомянутых английских рабочих). Этого и достаточно. В России в своем подавляющем большинстве ими были заполнившие города европейской ее части и не успевшие еще поменять свой традиционный менталитет (мироощущение, мировосприятие, мировоззрение) недавние еще совсем крестьяне (см. сказанное об этом выше).

И далее декларация, сравнимая по своему ключевому значению с упомянутым тезисом Маркса о значимости классовой борьбы в динамике исторического процесса: только образованные представители имущих классов могут полностью понимать реальные, в отличие от поверхностных, нужды рабочих. В действительности – упомянутой выше люмпенизированной массы, интересы которой, вообще говоря, дальше разрушения всего и вся сами собой не распространяются.

И второе как следствие: для того, чтобы осуществить революцию, требуется партия, состоящая прежде всего и главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью – тех самых образованных представителей имущих классов. Имеются в виду в данном случае представители имущих классов "перешедшие на точку зрения пролетариата" (В. Ленин). Читай: заполнивших к этому времени города в России упомянутых люмпенов.

По существу, таким образом, в ленинском прочтении учения Маркса место сформулированных им неотменяемых законов развития общества (якобы неотменяемых и якобы законов, Ленин, как видим, совершенно спокойно посылает их подальше) занимает хорошо спланированная и удачно проведенная политическая акция, образцом которой и стала (предстояло стать и стала в конечном счете) состоявшаяся тут в октябре революция.

И еще одно совершенно необходимое условие: наличие буржуазных свобод – хотя бы только свобод, без какого-либо присутствия буржуазии (буржуазных классов, как практически и происходило в России) – какие могли бы обеспечить успех пропагандистской активности такой партии (необходимое условие, повторим еще раз).

Русская революция, таким образом, по Ленину, или согласно тому, как представлял ее Ленин, не должна была быть похожей на классические западноевропейские революции XVIII – XIX вв. И эта непохожесть должна была проявиться прежде всего в решающей роли в ней означенной люмпенизированной массы и не менее решающей роли руководящей ею партии (а в самой партии – решающей роли в каждый данный момент

ее руководителя). Идея, получившая оформление в ленинской теории гегемонии пролетариата (упомянутой выше люмпенизированной массы на самом деле) в предстоящей буржуазно-демократической революции.

И, наконец, тезис, призванный примирить обе концепции: прорыв хотя бы одного звена в "цепи империализма" в условиях мировой войны непременно вызовет (должен вызвать, не может не вызвать) цепь революций в Европе, которые сразу же сольются в одну непрерывную (перманентную) мировую пролетарскую в конечном счете революцию.

В плане теории, как видим, в таком раскладе на передний план выдвигается группа тезисов, имеющая к состоянию экономики стран-участниц этого процесса, состоянию в них производительных сил уже откровенно номинальное отношение. Как вообще говоря – и к учению Маркса в его классическом изложении в целом, каким оно вышло из под пера самого Маркса. (Как учение Павла к учению Христа, напрашивается сравнение). Важнее другое, что для России так поставленная задача и ее обоснование оказались уже вполне (можно даже сказать полностью) адекватными имевшим место тут расстановке сил и возможному развитию событий. Это и есть ленинизм.

В отличие от меньшевиков, продолжавших исповедовать концепцию истории строго по Марксу. Т. е. заиклившись, напрашивается сказать, на перипетиях классовой борьбы, какой она следовала из его учения и какой в современной им России, согласно тому же учению, не могло быть, что называется, по определению.

Тут самое время сказать, что у Ленина в этих его представлениях (изысканиях) относительно развития событий были в той России свои предшественники. Первым в этом ряду следует назвать Нечаева с его пониманием хода событий, результатом которого и которых должны были стать глубоко законспирированная и слепо выполняющая волю своего духовного руководителя организация (партия) и захват ею власти.

"Революционер не имеет личных интересов, дел, чувств, привязанностей, собственности, даже имени. Все в нем захвачено одним исключительным интересом, одной мыслью, одной страстью: революцией! Революционер порвал с гражданским порядком и цивилизованным миром, с моралью этого мира, он живет в этом мире, чтобы его уничтожить... Революционер уничтожает всех, кто мешает ему достигнуть цели. Тот не революционер, кто еще дорожит чем-нибудь в этом мире." Это Нечаев.

С конца 70-х годов верх стали одерживать идеи Ткачева, которые он сформулировал во многом на основании нечаевского опыта. Также и он утверждал, что ближайшая цель должна состоять в создании хорошо законспирированной, дисциплинированной организации, которая должна захватить власть. После чего, проповедовал Ткачев, революционная организация подавляет и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все учреждения, которые противодействуют целям революции, и создает новую государственность.

"Поторопитесь же! Такие минуты не часты в истории... Не медлите же! Революционер не подготавливает, а делает революцию. Делайте же ее! Делайте скорее! Всякая нерешительность, всякая проволочка –

преступны!" Это Ткачев. (Ничего не напоминает?)

Народная воля, возникающая по следам раскола в организации Земля и воля, взяла на вооружение идеи Ткачева. Главной своей задачей она также считала захват власти. После чего предполагалось созвать Учредительное собрание и предложить ему программу мер по передаче земли крестьянам, фабрик и заводов рабочим. (Опять же, ничего не напоминает?)

Ленин никогда не скрывал своего восхищения перед народолюбцами, перед их организацией, отлаженной и четко действовавшей. Народолюбцы идейно породнили его с Ткачевым, а через него – и с Нечаевым. Как и Ткачев, и Нечаев, Ленин был сосредоточен на мысли о разрушении – страшном, полном, повсеместном и беспощадном. В этом наши революционеры обнаружили полное единство. Как и в том, что всю государственную власть следует отдать в руки промышленного пролетариата, руководимого кучкой преданных делу революционеров. Остальные же классы, прослойки, слои общества, кем бы они ни были представлены, должны быть попросту уничтожены.

Объявление идейным предтечей Маркса в таком контексте представляется ходом уже в значительной степени конъюнктурным, призванным оправдать в глазах европейской социал-демократии сложившуюся уже по существу программу предстоящих действий по преобразованию существующего в стране режима.

Ну и аргумент не менее существенный: появляющаяся в результате (в итоге) возможность воспользоваться авторитетом научности, к тому времени уже прочно закрепившимся за учением Маркса. Планируемый переворот в свете чего представляется уже не только как волевой акт, но и как историческая необходимость.

Модернизированный указанным выше образом марксизм идеально решал все эти задачи.

6. И еще вопрос: о планах после взятия в стране власти. Распространено мнение, что планов не было со ссылками на отдельные высказывания тех же Маркса, Ленина и т. д. В действительности ответ на него зависит от того, о каких планах речь, что под этим имеется в виду. Согласно теории, построить социализм в одной стране, в окружении враждебного капиталистического мира невозможно. Соответственно, и планы могли относиться, на этом этапе по крайней мере, только к продолжению революции. Соответственно, для Ленина Октябрь означал начало классовой войны между его партией – авангардом мирового пролетариата и международной буржуазией. Октябрьский переворот стал бы для него бессмыслицей, если бы не вел к классовой войне в мировом масштабе. Анализируя события тех лет, Ленин отмечал: "Мы и начали наше дело в расчете на мировую революцию". В противном случае большевики не рассчитывали сохранить власть на долгий период.

Именно для реализации этой идеи (этого плана) Ленин в марте 1919 г. создал в Москве Штаб Мировой Революции – Коминтерн и бро-

сил в 1920 г. против Панской Польши Красную Армию, срочно переименованную по такому случаю в Армию Коминтерна. Задача, которая была поставлена перед нею: прорваться через Варшаву в Германию и там поднять мировую революцию. Во всяком случае, ближайшие планы были именно такими. Фантастически легкая победа в октябре 1917 года кружила голову. Как писал Троцкий в 1919 году: "Если сегодня центром Третьего Интернационала является Москва, то - мы в этом глубоко убеждены - завтра этот центр передвинется на запад: в Берлин, Париж, Лондон." А там недалеко уже и до победы (торжества) пролетарской революции во всем мире.

А строительство новой жизни - это потом. 12 марта 1919 года Ленин так говорит: "Дело строительства целиком зависит от того как скоро победит революция в важнейших странах Европы. Только после такой победы мы сможем серьезно приняться за дело строительства."

Ключевое слово тут "серьезно". Ибо попытки наладить какую-то жизнь предпринимались и в этот период, просто уже в силу того, что надо было как-то жить, не более того. Разумеется - в соответствии с принципами коммунистического общежития, как их установившаяся новая власть понимала, одно тут не исключает другого. Но пока еще это не было главной задачей.

И только после неудач революции в Европе, после провала попыток зажечь революционный пожар в Германии в 1923 году, большевики, наконец, начали понимать (пришло понимание того), что надо что-то строить в России. И первая проблема, которая встала во весь рост в этой связи, естественно в такой крестьянской стране, как Россия - что делать с этим самым крестьянством? Ибо, согласно все той же теории, крестьянин не просматривался поблизости от страны, созревшей для социализма. Тем более - в стране, приступившей уже к его строительству. Крестьянин с его наделом должен был исчезнуть к этому времени, уступив место огромным, оборудованным по последнему слову техники хозяйствам капиталистического типа, которые так же легко было бы экспроприировать, как и подобные же предприятия, или хозяйства в городе.

Обстоятельства, таким образом, подводили к тому, что в специфических условиях российского села, за отсутствием в нем "огромных, оборудованных по последнему слову техники капиталистических хозяйств", экспроприации подлежали непосредственно сами крестьянские хозяйства. Проблема в классической марксистской историософии непредвиденная.

Но, с другой стороны, что было делать российским социалистам? Ждать неизвестно сколько лет, пока капитализм не создаст в русской деревне такую же ситуацию, как в Англии? Или, хотя бы, как в обеих российских столицах? И это после того, как они прочно прибрали власть к своим рукам? Оставалось, как уже где-то было сказано, импровизировать, продуктом чего стала проводимая в отношении деревни политика, сначала так называемого Военного Коммунизма, потом - НЭПа, потом - Коллективизации. Но опять же, по существу это пока все еще продолжение революции, только теперь уже на селе, т.

е. все еще не строительство новой жизни.

И заодно уже, ради полноты картины всех изменений, внесенных Лениным в марксизм, продиктованных самим ходом событий. Это еще и открытие им на материале поставленного его людьми эксперимента производительного характера предпринимательского труда. Именно, опыт, приобретенный в период Военного Коммунизма, позволил Ленину сделать неожиданное открытие: капиталист, оказывается, владеет неким волшебным даром, которого полностью лишен героический пролетариат, и тут не могли помочь труды Маркса и Энгельса. "Капиталисты знали, как обеспечить товарами, а вы не знаете" – объяснял он в 1922 году на съезде партии. Другими словами, труд предпринимателя тоже следовало признать производительным. Ленин сокрушался об исчезновении этой породы людей: "Кто теперь обучит умению торговать и производить?" Напрашивающийся выход из положения: "Почему бы не пригласить иностранных капиталистов в Россию и не пообещать, что они будут получать колоссальные прибыли? Наши люди будут наблюдать за их работой, узнают их секреты и, воспользовавшись ими, Россия сможет догнать Запад." Намечались даже какие-то шаги в этом направлении. Ленин, в частности, предлагал принять политику концессий в отношении иностранных капиталов.

Налицо вклад в марксистскую политэкономия (вкуче с научным коммунизмом) не оцененный в полной мере, по-моему, им самим. Хотя, как сказать. НЭП в таком контексте вполне может быть интерпретирован как приглашение своих "не наших", к тому времени еще не до конца изгнанных и истребленных, к участию в восстановлении общественного хозяйства на прочитанных новым способом коммунистических началах. Ход событий, по крайней мере не противоречит такому его объяснению.

Сталин этой ленинской новации категорически не принял. Но мы то сейчас хотя бы можем воздать ему должное – его прозорливости, аукнувшейся уже в конце столетия (через все отрицания) в капитальном пересмотре и переосмыслении хода и результатов всей проводившейся прежде в этой сфере политики, получившем наименование Перестройка.

А вот Муссолини понял и принял и, что еще более существенно – сделал из этого правильные выводы относительно групп населения, которые могли представлять (должны были) социалистическое движение в его стране. Как и из ясного понимания того, что у определенно-го таким образом "пролетариата" таки есть отечество. В отличие от пролетариата по Марксу и Ленину, у которого, как известно, отечество отсутствует.

Главная новость в этой связи состояла в том, что ставка вместо интернационализма, оправданного применительно к условиям и обстоятельствам той России, стала делаться на национализм с его идеями, оправданными в условиях той Италии, и теми, кто эти идеи поддерживает (разделяет). Это, во-первых, городской пролетариат в значительной степени обуржуазившийся тут к этому времени (в отличие от того, опять же, с чем большевики имели дело в России)

и, во-вторых – мелкая и до некоторой степени средняя буржуазия, интересы которых вполне удовлетворялись в границах национального рынка. (С крупной буржуазией было сложнее, не будем тут на этом останавливаться). Добавьте сюда люмпенизированную массу, традиционную для городов этой части Европы, особенно в то время многочисленную (последствие главным образом недавней войны), готовую, как уже было сказано, примкнуть к любому протестному движению (бузить, был бы повод). И тоже вопрос о власти тут на первом месте. И тоже центральная задача – создание партии, способной эту власть прибрать к рукам.

И еще одна новость, следующая из сказанного выше: организованное на столь широкой основе социалистическое движение имело все шансы (все основания) прийти к власти в том числе и демократическим путем, в результате демократического выбора.

Модернизированный таким образом ленинизм получил название фашизма.

Круг, таким образом, замкнулся. Социалистическое движение, у истоков которого стояли Маркс и Энгельс, обрело, наконец – в фашизме – после всех имевших место проб, свое адекватное для тех стран и народов, которым оно непосредственно было адресовано, воплощение. По пословице: как пес возвращается на блевотину свою – я тут уже цитирую Библию. Но это уже другая история.

7. Поскольку мы хотим понять (напомню), что тут все-таки произошло, нам не остается другого, как сформулировать свою концепцию, или теорию русской истории, с которой можно было бы согласовывать развитие, или ход интересующих нас событий. В отличие от того, о чем говорилось выше – уже без оглядки на конечные цели исторического процесса в виде никогда и никем еще не виданных и не осуществленных идеалов (общественных идеалов) достижению которых, якобы, должен быть подчинен этот их ход (цивилизация погибла, какой уже тут идеал). За исключением разве что выживания, которое очевидным образом может быть квалифицировано в качестве цели любого государства в его истории – равно и конечной, и каждодневной. В том числе и русского государства – от возникновения и до фактического прекращения его существования в 1917 году. Искомая концепция представляется в таком случае в виде совокупности эмпирических обобщений, претендующих на объяснение этой истории, основывающихся на фактах, относящихся к способу и обстоятельствам существования (выживания) определенного так ее предмета – на сей раз из тех, которые да доступны опыту, способному подтвердить делаемые в ее отношении выводы.

Теперь, о каких фактах, или признаках, удостоверяющих существование русского государства идет речь, что тут имеется в виду. Я назову некоторые из них, представляющиеся необходимыми для предстоящего изложения. Начать естественно с признаков государства вообще, где бы и когда оно ни возникло и ни оказалось способным

заявить о своем существовании.

Это, конечно, население, населяющие государство народы.

Это территория им и ими занимаемая с ее ресурсами выживания того и другого (населения и государства).

Еще один общий признак – обязательные соседи, с которыми нашему государству на протяжении его истории приходится вступать в те или иные отношения (взаимоотношения). Поначалу – по поводу вообще самой возможности его тут существования в качестве самостоятельного государственного образования. Потом в основном – по поводу прохождения разделяющих их границ, обязывающее его (т. е. уже существующее государство) к тем или иным усилиям по модернизации его политической системы (действующего режима) и армии.

То, что для нас представляет особый (специальный) интерес в связи с решаемой задачей (еще один общий признак): мы в нем имеем дело с организмом, наделенным в лице своей политической элиты (господствующего сословия) сознанием и волей – т.е. с организмом, подобным человеку. Что ставит нас перед необходимостью признать за государством еще и статус субъекта и, тем самым, до известной степени творца своей истории. Творца своего выживания, можно и так это сформулировать, успехов и неудач предпринимаемых им в этом направлении усилий. До какой именно степени можно считать его таким творцом – в каждом конкретном случае требует отдельного рассмотрения. Или так скажем: учета меняющихся обстоятельств, каковые этими волей и сознанием должны приниматься во внимание в проводимой политике, начиная с внутренней, и как они в это самое внимание были приняты. Остановимся на этом подробнее.

Идея на самом деле не новая, восходит к Г. Спенсеру, к его сравнению общества с живым организмом, подобным человеческому телу. Мы здесь солидаризируемся с этим сравнением с той поправкой, или отличием, что организм этот устроен все-таки по-другому и функционирует он тоже по-другому. Достаточно уже того, что в качестве существенной составляющей он обязательно включает в себя еще и территорию с ее ресурсами выживания, как уже было сказано, к которой и которым (территории и ресурсам) государство самым тесным образом привязано. Одно только население без территории государства не составляет (может составлять нацию, но это еще не государство). Организмы, подобные человеческому телу, понятно, ничего похожего в роли своих характерных признаков предъявить нам не в состоянии.

И еще, что в данном случае представляется существенным, самым, наверное, существенным, с чем нам в дальнейшем предстоит иметь дело. Именно, одних только воли и сознания, или способности политического руководства принимать решения недостаточно для того, чтобы приводить в необходимое для их претворения в жизнь движение находящиеся в его распоряжении человеческие и материальные ресурсы. Особая сложность этой последней задачи состоит в том (или следует из того), что упомянутые человеческие ресурсы тоже ведь состоят из организмов, наделенных способностью принимать решения, и тоже преследующих – как и представляющее их государство – свои и толь-

ко свои частные интересы. Что ставит наше политическое руководство перед специфической не менее необходимостью принуждения этих последних к согласованному поведению, которое было бы оправдано все-таки его в первую очередь, т. е. государства, а не их – каждого в отдельности – выживанием. И опять напрашивается повторить, что организмы подобные человеческому телу ни с чем подобным не сталкиваются и ничего похожего продемонстрировать (предъявить нам) в качестве своих характерных признаков не в состоянии.

Можно считать, что таким образом обозначена роль принуждения в качестве (статусе) важнейшего принципа самой возможности существования государства. Ну и в его границах – принуждения морального, как наиболее эффективного, в силу чего, в свою очередь, опять же, важнейшего инструмента такого принуждения. Тем самым, как следствие, определено значение для существования государства воспитания этих отдельных организмов, призванное (способное) внушить им необходимые к тому убеждения.

А именно, во-первых, убеждение в том, что настоящее (сегодняшнее, текущее) благополучие каждого из таких частных организмов, как и его потомства, находится в прямой зависимости от благополучия государства, в обеспечении которого у каждого из них своя ответственность (за территорию, в частности, как за свою). И во-вторых – убеждение в том, что будущее благополучие каждого из них и их потомства находится в зависимости от благополучия ближнего в своем народе, в обеспечении которого, опять же, у каждого такого частного организма (члена общества, подданного государства) своя ответственность. В виде уважительного отношения прежде всего к родителям, потом – вообще к старшим, к начальствующим в своем народе, которые от Бога, как и родители, согласно христианской традиции, взаимопомощи в критических обстоятельствах и т. д.

В состоявшихся в наборе своих институтов государствах (в необходимом наборе) воспитание убеждений первого рода вменяется в обязанность системе государственного образования и воспитания, как бы то и другое ни были тут поставлены (есть варианты). Или можно сказать и так: государство в лице своих специализированных соответствующим образом учреждений и институтов берет на себя такую ответственность. Воспитание убеждений второго рода вменяется в обязанность церкви. Церковь выступает здесь в роли подрядчика и в этом смысл проявляемой государством в ней заинтересованности.

Подробности того, как обе эти группы убеждений проявляются (должны проявляться, должны себя обнаруживать) в поведении подданных в выпадающих на их долю разных жизненных обстоятельствах, аккумулируются в специальных (специальным образом составляемых и подбираемых) текстах, носящих характер, применительно к первому случаю – разнообразной литературы патриотического содержания, применительно ко второму – Священных Писания и Предания и того, что называется житийной литературой. То и другое – обязательные инструменты формирования коллективной памяти любого народа, наличие которой представляется обязательным же условием формирования

его национальной и цивилизационной идентичности.

Понятно должно быть после всего сказанного, что смена режима сложившегося уже государства предполагает и изменение составляющих действующего тут механизма принуждения населения к согласованному поведению (важнейшая из которых, как уже было сказано, составляющая, отвечающая за принуждение моральное) – дабы сохранить при всем том его управляемость. Процедура по всему имеющемуся опыту чрезвычайно болезненная. О том, как это происходило в России по следам совершенного в октябре 1917 года большевиками переворота, мы еще будем говорить.

Особый случай – государства, где принуждение к согласованному поведению ограничивается единственно и только насилем. В роли примера так называемые Восточные деспотии. То есть, государства с не вполне сформировавшейся государственностью в необходимом наборе требуемых для этого институтов, так можно их еще идентифицировать. Характерным следствием чего может служить их хроническая неустойчивость. Хотя, конечно, и тут каждый случай требует отдельного рассмотрения.

И еще две проблемы, сопровождающие выживание любого государства, которым есть необходимость уделить тут внимание. Первой представляется перенаселение, возможное и периодически действительно случающееся, имеющее для каждой страны свои последствия. Второй – появление неуживчивых, не желающих вести себя принятым (установленным, установившимся) образом в данном сообществе элементов (индивидов), тоже периодически перерастающее в проблему. Первое, к слову, тут легко переходит во второе и в совокупности (объединившись) образует оппозицию действующей власти (до определенного момента пассивную), ставящую ее объективно перед необходимостью принятия мер по ее изоляции. Далее вопрос, как она с этим справляется.

Наконец, два признака характерных для способа существования уже одного только русского государства (опять же, для наших целей будем считать достаточно). Если совсем коротко, это, во-первых, крайне низкая в сравнении с остальной Европой продуктивность ведомого тут производящего хозяйства и, во-вторых, обилие свободных земель, пригодных для освоения под такое хозяйство. То и другое – на протяжении всей обсуждаемой здесь его истории. Более подробно мы будем говорить об этом в следующих главах книги (главах, посвященных этой истории).

И заодно уже. Сказать, что человек обладает сознанием и волей в качестве его отличительных признаков (то, что отличает его от животного), еще недостаточно для определения его как человека. Обязательно присутствие еще и убеждений, делающих его причастным к той или иной общности ему подобных. И только в этой причастности и в связи с таковой или таковыми можно говорить о нем как о человеке, а о каждой такой общности, в свою очередь, как о человеческой – не стадо. Именно и только через категорию "убеждение" оформляется причастность человека к этносу, нации, цивилизации,

партии, сословию и т. д. (необходимое условие). В частности – и к государству, поскольку и если интересы этого государства становятся еще и его частными интересами. В политике экономической, культурной, национальной и т. д. должны учитываться все эти частности, иначе ожидания от ее проведения не оправдываются. Как это и произошло в России с Перестройкой и ориентированной на нее демократизацией общественной жизни.

Собственно вся концепция – в той ее части, которая относится к способу и обстоятельствам существования русского государства в качестве предмета интересующей нас здесь его истории. Насколько этого может быть достаточно для предстоящего изложения, оговорюсь еще раз.

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

1. Теперь, как это все претворялось в представляющем эту историю ходе событий, как и претендующих на его (их) объяснение в нашем случае эмпирических обобщениях, на примерах из истории России-Руси, начиная с ее Московского периода. Но сначала – три замечания, которые представляются необходимыми, прежде чем мы обратимся уже непосредственно к самой состоявшейся здесь истории.

Замечание первое.

Выше было уже сказано несколько слов об ожидаемой специфике русской истории, обязанной этой своей ожидаемостью природным (географическим, климатическим) особенностям занимаемой Россией части Европы. Остановимся на этом подробнее.

Рассматривая историю человечества мы ясно видим, что первые очаги, как мы говорим, цивилизации, признаком которой (одним из признаков) считается появление государств, возникли сначала в нескольких районах Земного шара, таких как долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда и некоторых других рек, наиболее благоприятных по природным условиям для ведения в них производящего хозяйства. Прежде всего, конечно, земледелия, которое нас здесь прежде всего и интересует. Не менее ясно видим мы и другое – распространение этих очагов со временем на районы все менее и менее благоприятные по тем же природным условиям для ведения такого хозяйства. Хотя в каких-то случаях приходится принимать во внимание и другие факторы. В качестве примера – южно-русские степи при всем их плодородии (относительном, конечно).

И так на протяжении пяти – шести последних тысячелетий (кто как считает), отделяющих образование в Поднепровье Древнерусского государства, с которым принято связывать начало русской истории, от первых возникших в названных долинах цивилизаций. Как видим, новый способ ведения общественного хозяйства, а с ним и организации общественной жизни (государство вместо племени или племен-

ного союза) не быстро и не легко доказывали свое право на существование, а старые сдавали свои позиции. Упомянутое Поднепровье, а потом междуречье Оки и верхней Волги – последние рубежи этого движения на Европейском континенте, особенно мучительно и тяжело преодоленные, в силу все тех же малоблагоприятных для укоренения здесь земледелия природных условий.

Хотя с рубежами этого движения – в литературе его именуют еще колонизацией, колонизационным движением – не все так однозначно. Я имею в виду, что с образованием Киевской, а потом и Московской Руси колонизация не прекратилась, но продолжалась на протяжении всей их истории, обретая т. о. характер особенности самого способа их здесь существования, а тем самым – и особенности самой состоявшейся их истории.

Первым обратил на это внимание все тот же С. М. Соловьев, как он сам об этом говорит: "Древняя русская история есть история страны, которая колонизируется." Что следует подчеркнуть, у него это относится именно и только к Древней, или Киевской Руси и ее истории и не распространяется на историю Руси Московской.

В качестве основного признака уже всей русской истории колонизацию назвал В. О. Ключевский. И еще, что стоит, может, упомянуть – делил историю этого региона на периоды в зависимости от продвижения основной массы населения и от географических условий, оказывавших сильное влияние на ход исторической жизни.

Нет смысла останавливаться на этом более подробно, поскольку нам здесь деление русской истории на периоды видится по-другому. Начиная уже с того, что Киевская Русь и Московская Русь для нас не одно и то же, не одна и та же Русь, о чем впереди предстоит отдельный разговор (см. Замечание третье).

Замечание второе.

Как уже было сказано (повторим еще раз), восточная ветвь славянства заняла наименее выгодные по природным условиям части Восточноевропейской равнины со всеми вытекающими последствиями для ведомого тут производящего хозяйства. Имеется в виду его крайне низкая продуктивность, как следствие обилия малоплодородных почв, ненадежных осадков и сильно укороченного по сравнению с остальной Европой периода полевых работ. Добавьте к этому коварство ранних осенних и поздних весенних заморозков, способных погубить и урожай, и весенние всходы многих зерновых культур. Что в совокупности позволяет определить этот регион как зону рискованного земледелия. И это было земледелие, на котором зиждилось благосостояние равно обоих названных государств на протяжении всего периода отмеренной им истории – обстоятельство, подчеркиваемое многими авторами со ссылкой на влияние природной (географической, климато-географической) среды.

Как следствие, объем получаемых государственной казной средств едва покрывал потребности поддержания необходимых в том и другом случае государственных служб. И уже совсем не оставалось средств для мероприятий по модернизации этих служб, как и находящегося

под их патронатом общественного хозяйства. Во всяком случае - на регулярной основе, как у соседей, того же Запада, ставшего в Московский период истории Руси главной угрозой ее здесь существования.

К слову, московская налоговая политика (киевская налоговая политика - отдельная тема) на взгляд западного наблюдателя того времени создавала впечатление, что правительство намеренно препятствует появлению в руках населения избыточного продукта, незамедлительно выкачивая его новым налогообложением. Верно, только не намеренно, а вынужденно. Так что об избыточном продукте, как это понимается на Западе, каким могло бы распорядиться по своему усмотрению занятое в производственной сфере (в материальном производстве) население, речи в тех российских условиях быть не могло.

Тем более, не могло быть речи о его накоплении в этих условиях, подобно тому, как это имело место на том же Западе, ставшем материальной предпосылкой культивировавшейся там в течение многих веков предприимчивости. Как и соответствующей такому способу ведения хозяйства ментальности, ставшей, в свою очередь, предпосылкой обязательных по Марксу - и по факту, там, где это таки имело место - буржуазных преобразований.

И это еще не все. Государство, в силу все тех же причин, постоянно претендовало здесь в том числе и на продукт необходимый для простого воспроизводства крестьянского хозяйства (включая сам прокорм). Так что представление о русском крестьянине, как несчастном создании, извечно стонущем под гнетом разного рода поборов, едва способном обеспечить себе и своей семье самое жалкое существование, отвечает (плюс-минус) имевшей место действительности. Верно и то (раз уж мы затронули эту тему, нельзя тут не сказать), что практика этой самой действительности уже в послеоктябрьский период заставляет пересмотреть представление о том, что есть и каким на самом деле может быть "самое жалкое существование". Но это уже тема для какой-то другой работы.

И еще о чем следует здесь сказать. Невозможность проявления хозяйственной инициативы, или предприимчивости в таких условиях вела к консервации общественного хозяйства, а тем самым - и к его отсталости на фоне прогрессирующего в этом отношении Запада. Шире - консервации системы общественных отношений в целом, однажды здесь сложившейся и продемонстрировавшей уже свою устойчивость. Как законсервировался в это же время и способ решения двух других важнейших проблем, порождаемых необходимостью выживания любого подобного общежития: проблемы избыточного населения и проблемы очистки (избавления) общества от появляющихся беспокойных (неуживчивых) элементов, создаваемой теми и другими периодически напряженности в обществе.

А именно, напряжение это снималось общей подвижностью сельского в подавляющей своей части населения страны, носящей в целом центробежный характер. Имеется в виду освоение (колонизация) новых земель либо вторая возможность, характерная для все того же московского периода русской истории - податься в казаки. Без

необходимости в другом случае усилий со стороны государства по урегулированию неизбежно тут и там назревающих конфликтов.

Все это в сопровождении столь же давно и непрерывно идущего здесь процесса расширения пределов самого государства. И пока это расширение могло иметь место, пока пределы государства можно было с той или иной степенью безнаказанности раздвигать, русский крестьянин продолжал пребывать в этом непрерывном движении. Благодаря чему тут до достаточно позднего времени проблемы избыточного, беспокойного в том числе населения, можно сказать, не существовало. (Имевшие, все-таки, место эксцессы, имели, как правило, другое происхождение, не буду на этом здесь останавливаться.)

И еще. Огромная протяженность границ (чем дальше, тем больше) и враждебное окружение (как окружению и положено) неизменно выдвигали на первый план проблему охраны этих границ, другими словами – военных расходов. Минимальные при том возможности налогообложения (добавьте сюда состояние дорог) выдвигали на тот же первый план вторую проблему – сбора (бесперебойного поступления) этих налогов. Все вместе обуславливало в качестве единственно жизнеспособных мобилизационную экономику и мобилизационный же режим управления (организации и управления) всем этим хозяйством. По другому не было возможности компенсировать недостающую производительность и набегающее отставание.

Таким режимом, удовлетворяющим набору названных специфических условий, в которых приходилось выживать русскому государству стала монархия в ее специфическом не менее московском исполнении. Точнее – тандем монархии и церкви, установившийся здесь начиная с Ивана III (а до этого – церкви и московских князей) в этом отношении, можно сказать, себя оправдавший. Факт, который состоявшаяся история только подтверждает.

Понятно должно быть после всего сказанного, что Просвещение в его гуманитарной (гуманистической) составляющей с культивируемой в нем лютой ненавистью к церкви и стоящему за ней самодержавию, начавшее усиленно распространяться в России начиная с XVIII в., было ей абсолютно противопоказано в условиях введомого тут производящего хозяйства и надвигающихся кризисов. Но не будем, опять же, забегать вперед.

Замечание третье.

Начать имеет смысл с напоминания о том, что согласно сложившейся традиции, история Руси Московской представляется продолжением истории Руси Киевской, имея предметом одно и то же возникшее в IX в. в Поднепровье русское государство. Разве что переход от одной из этих историй к другой отягощен был, с одной стороны, княжескими усобицами, с другой – монгольским (татарским, татаро-монгольским) нашествием.

На самом деле, Русь Московская, возникшая на территории той же Восточной Европы двумя веками позднее фактического прекращения существования Руси Киевской, никоим образом не может быть квалифицирована в качестве реанимации Руси Киевской – поскольку и если

мы говорим о государственности Руси Московской и Руси Киевской. Тут все было и происходило по-другому. Достаточно будет, думаю, обратить внимание на такие характерные особенности того и другого (того, что было и происходило там и там, в той и другой Руси), иллюстрирующие это отличие.

Например, на то, что города в Московской Руси возникали как княжеские опорные пункты, а не как торговые фактории на торговых путях, как это было на Руси Киевской. Соответственно, в них не было внутреннего самоуправления, практически отсутствовало и торгово-промышленное население. Соответственно, из источников исчезают упоминания о городских вече, конфликтах городов с князьями и т. п.

Еще одна новость в этом контексте: отношения с племенами уступают место отношениям с общинами, так что о племенах в этой вновь образовавшейся Руси мы уже не слышим. Можно сказать, что владения обрели здесь географические границы вместо этнических, как это было на Руси Киевской.

Или на то, например, что Киевская Русь, напрашивается сказать, государственного строительства не знала, за исключением, может быть, отдельных эпизодов чисто технического присоединения городов и подчинения тех или иных племенных союзов ("не платите хазарам, платите нам"). Соответственно, не знала она практически и предполагаемой таким строительством политики, именуемой внутренней. Соответственно, и история ее это почти исключительно история ведомых ею войн и дипломатии. В Московской Руси, напротив, государственное строительство велось на протяжении всей ее истории и, собственно, составляет основное содержание этой истории.

Другой пример. Фактором, определяющим национальную культуру, как и национальную политику, православие стало только в Московской Руси. Что же касается Руси Киевской, то стоит обратить внимание на то, что церковь буквально была принята из Византии вместе с принцессой Анной на правах приданного, не очень понятно зачем нужного и обслуживала, раз уж принята, как и сам брак, отношения исключительно внешние. (Отношения, в которых ставка делалась на Константинополь, в противоположность Риму, на то время естественная, не более того.) И таковой для села по крайней мере, для туземного населения – а это не менее 98% населения тогдашней Руси – до конца и оставшейся.

Заодно уже, напрашивающийся вопрос: стал бы Владимир осаждать Корсунь, получив Анну, но не получив обещанного крещения? Сильно подозреваю, что не стал бы. Такова на тот момент была подлинная цена состоявшейся христианизации Руси. Не случайно быть может по всему поэтому такое важное в истории России событие, как принятие христианства, в русских источниках освещено крайне смутно. Как ни странно, неизвестна даже точная дата крещения Руси. Немного мы знаем и об организации ранней русской церкви. До сих пор неизвестно имя первого митрополита Руси и некоторые даже сомневаются в том, что он вообще был тогда поставлен.

Христианство, повторим еще раз, стало основой всего уклада жиз-

ни, законодательства, народного и государственного быта только в Московский период этой истории. В это же время была вовлечена в государственное строительство и церковь.

И еще одно отличие, которое следует тут отметить – фигура казача, появляющаяся, опять же, только в Московский период всей этой истории и сыгравшая свою совсем не второстепенную роль в ведшемся здесь на протяжении всего этого времени государственном строительстве.

Примеры можно приводить и еще (примеры отличий). Татарское нашествие, положившее конец государственности Киевской Руси, всего лишь подчеркнуло все эти отличия, разделив историю данного региона на два периода, разделив, наконец, историю русского народа на те же два периода, с определенными оговорками можно согласиться и на это – но никак не историю интересующего нас государства.

При всем том, весомые аргументы могут быть приведены и в оправдание признания истории Киевской Руси в качестве начала истории российской, или русской государственности в ряду с историей Руси Московской. Назовем некоторые из них, представляющиеся наиболее существенными.

Прежде всего и в первую очередь – это потребность в героическом начале. Собственное начало Руси Московской откровенно позорное.

Еще один достаточно сильный аргумент: в рамках доктрины "Москва – третий Рим" у Руси Киевской свое законное место в ряду с Русью Московской в роли ее предшественницы в связи с важнейшим в таком контексте событием – принятием на Руси христианства.

И еще. Включение в состав Московского государства Малороссии, также получало оправдание в признании приемственности истории Руси Киевской и Руси Московской.

Отдавая должное этим аргументам, отдадим себе и отчет в том, что мы здесь решаем другую задачу. Как уже где-то говорилось, нас интересует только то, что действительно имело место, что действительно состоялось. Посему принимать во внимание (реагировать на) подобного рода "весомые аргументы" в своих построениях мы не будем.

И перейдем, пора уже, к самой истории. Тема книги, напомним – революция в России 1917 г. и ее место в русской истории. Тема данной части работы – дать представление о тех постоянных факторах, или причинах (обстоятельствах) которым образовавшееся здесь государство (Московская Русь) обязано было своим существованием, а представляющий его режим самодержавия – своей устойчивостью. А до этого – еще и своим возникновением. Как-никак, половину тысячелетия они здесь просуществовали. Или так еще можно сказать: с чем и на фоне чего Московская Русь подошла к Новому времени, начало которому было положено реформами Петра I.

И только зная о том, что обеспечивало (оказалось способным обеспечивать) их устойчивость, можно будет ставить вопрос о том, каким образом могло быть все это поколеблено – до обрушения не только действующего режима, но и сложившейся государственности в целом в конечном счете в ходе известных событий 1917 г. И, конечно

- что в итоге пришло на смену. Но это уже темы, или вопросы для следующих частей (глав) книги.

Далее история в главных ее эпизодах, в которых особенно отчетливо высвечивается (обнаруживает себя) значимость интересующих нас факторов. Я остановлюсь на двух таких эпизодах, в нашем случае будет достаточно. Это образование Московской Руси и, так называемый, Петровский период, на протяжении которого в конечном счете образовавшееся государство прекратило свое существование.

2. С образования Московской Руси, или Московского царства и начнем. Ну и поскольку образованное царство оказалось жизнеспособным, эпизод этот в интересующем нас плане заслуживает особого внимания, которое мы здесь ему и постараемся уделить.

Первый по порядку вопрос, традиционно выносимый на обсуждение в работах специалистов в этой связи: о роли татар, или монгольского ига в этом образовании. То самое упоминавшееся выше позорное начало. Хотя, собственно, почему позорное? Евреи, например, начинают свою историю как народа с египетского рабства и ничего позорного в этом не видят. Состоявшийся исход снимает саму возможность такой оценки.

То же и с образованием Московской Руси, поскольку государство в конце концов состоялось. Оценка снимается, вопрос, вместе с тем, остается. Например, Карамзин настаивает на том, что иго способствовало объединению. И еще: что Москва обязана своим возвышением хану. Сто лет спустя Ключевский о том же: "Если бы князья были предоставлены вполне сами себе, они разнесли бы всю Русь на бесвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскутья". Историки XIX в. видели положительную сторону татарского ига в качестве катализатора возникновения единого государства во главе с Москвой.

Между тем, княжества продолжали мельчать и множиться и в условиях монгольского (татарского) ига. В порядке иллюстрации. В начале XIII в. Владимирское великое княжество имело в своем составе четыре удела-княжества. Во второй половине - т.е. уже при татарах - к ним прибавилось еще три, в том числе Московское княжество. Дробятся и другие княжества - Ростовское, Ярославское, Рязанское и т. д. То есть, причину объединения русских княжеств и возвышения притом Москвы, как и образования в конечном счете именно Московского царства, следует искать в чем-то другом. Или, скажем так, более осторожно: еще и в чем-то другом.

Я назову тут четыре таких фактора, или причины, одинаково, можно сказать, ответственные за то, что искомое объединение все-таки состоялось. (Их на самом деле больше, но остановимся на этом.)

Прежде всего причина связанная с татарами (все-таки, и с татарами тоже): они не претендовали ни на землю (территорию), ни на веру (не имели претензии к исповеданию). Более того, церкви они еще и покровительствовали. Наконец, что тоже имело значение при тех обстоятельствах: они не препятствовали объединению.

Следующая не менее значимая причина: заинтересованность самой церкви в таком объединении. Защита веры, защита православия была для церкви главной задачей. Естественно, к тому было больше возможностей в Руси объединенной, чем в каждом из более мелких, конфликтующих к тому же княжествах по-отдельности. Тем более перед лицом наступающего антиправославного Запада. Точнее (или) даже так. Именно для того, чтобы церковь могла выстоять перед лицом наступающего Запада, требовалось объединение. Причем, обязательно еще и вокруг русского князя. История той же церкви на территории сопредельной Литвы наглядное подтверждение обоснованности такой политики русской церкви. Для церкви это был вопрос самого ее выживания. Но то же и для самой Руси. Тут интересы их совпадали.

Отсюда третья причина: понимание того, что главный фронт – Западный, при всей ничтожности по сравнению с Восточным фронтом конфликта с чисто военной точки зрения. Потому же оправдан был, безусловно, и союз с этим самым Востоком. Перед лицом смертельной, как считала церковь, угрозы с Запада, веротерпимые татары становились союзниками. И поскольку союз этот позволял церкви влиять на политику (в той мере, в какой он это позволял), церковь использовала свое влияние для продвижения дела объединения Руси.

Так опосредованно, повторим еще раз, татары способствовали объединению Руси. Ибо так уж нужна была им самим объединенная сильная Русь? Задним числом, во всяком случае, оценивая динамику событий в этой области, можно сказать, что им это было не нужно. И до какого-то момента, опять же, оглядываясь назад, можно сказать, они это понимали.

Но остается открытым вопрос: вокруг кого и на каком основании? Почему не вокруг Владимира, например, или того же Киева, где, кстати, до какого-то времени (там и там) находилась резиденция митрополита? Или Твери и тверских князей, составлявших в этом отношении долгое время конкуренцию той же Москве? То есть, явно одних только усилий церкви (предпосылок, создаваемых церковью) для этого было еще недостаточно. И мы т. о. переходим к формулированию четвертой причины, должной ответить на вопрос, почему именно вокруг Москвы?

Выдвинуто множество объяснений этого возвышения. В зависимости от взглядов историка, от политической конъюнктуры и моды в науке, предлагаются объяснения географические, политические, экономические, психологические. На чем мы здесь остановимся – это капитальная ломка традиционного для рюриковичей до этого порядка наследования в обеих его ипостасях, включая раздел княжества между детьми, определявший во всех остальных случаях тенденцию к их дроблению. Именно, московские князья, начиная с Ивана Калиты, при разделе наследства всегда выделяют большую долю старшему сыну. Причем, этот "излишек на старейший путь", как выражаются грамоты, становится постоянно все больше. Так постепенно старший наследник собирает в своих руках все больше земли и набирает, соответственно, все большую силу. Соответственно, обретает силу и

русская политическая идея.

Это не значит, что не могла начаться смута в какой-то момент, как это имело место при Василии Темном, к примеру. Но характер ее уже другой и ее завершение тоже другое – возвращение к прежним единовластию и порядку. В этой связи стоит обратить внимание: на стороне Василия каждый раз оказываются и духовенство, представляющее церковь, и служилые люди, представляющие светскую (т. е. не церковную) часть сложившегося тут к этому времени режима власти. Перемена в порядке наследования начинается, таким образом, приносить свои плоды.

Закономерный (по ходу развития событий, в который мы здесь углубляться не будем) итог – обретение объединенной таким образом Русью независимости от бывших еще совсем недавно союзниками татар. Начавшаяся смута уже в стане татар внесла свой вклад в это событие.

Обратная сторона: церковь, оставшись один на один с самодержавием, оказалась перед ним беззащитной. Задним числом, таким образом, обнаруживает себя и еще одна роль, или функция татарского ига в русской истории, важнейшая, как это следует из принявшего направление хода событий – это сохранение необходимого в видах стабильности власти баланса сил самодержавия и церкви. Баланса, которому образовавшаяся Русь, как и представляющий ее режим, обязаны были, во-первых, уже самим своим возникновением и, во-вторых, еще и своей устойчивостью – покуда и пока этот самый баланс до какой-то степени соблюдался.

Но татары сходят со сцены, начинается длительный период вытеснения церкви сначала из политики, политической жизни образовавшегося государства, а параллельно с некоторых пор – и из его общественной жизни (уже в императорский период).

Первое проявление этой тенденции обнаруживается уже при Иване III в появившемся соблазне обойтись с церковью как еще одним уделом (после того, как решен был вопрос с последними княжескими уделами). Опыт был предпринят поначалу в отношении новгородского архиепископа и монастырей, земли которых он раздал в поместья боярским детям. Когда земель не хватило, московский князь решил воспользоваться великорусскими монастырскими землями. И встретил решительное сопротивление духовенства. Иван уступил, оставил монастырям их владения.

И еще одно проявление все той же тенденции: разразившаяся тогда же дискуссия между "стяжателями" и "нестяжателями", живое участие в которой принял и великокняжеский двор. Важнейшим предметом разногласий было отношение все к тому же монастырскому имуществу. Но также – и исповедуемые нестяжателями внутренняя свобода мысли, терпимость к чужому мнению, отказ от навязывания внешних форм благочестия. В конечном счете и здесь, после известных колебаний, Иван пошел на попятную. Пока уступил, на зуб, однако, то и другое было попробовано. Знаменателен, при всем том, в данной связи факт самой возможности такой дискуссии и то, в какой степени уже в то

время ее решение зависело от воли князя.

Триста лет спустя сопротивление церкви уже не остановит Екатерину II ни в осуществлении секуляризации церковных земель, ни в создании режима наибольшего благоприятствования распространению идей Просвещения. Национальную политику к этому времени церковь более не определяла.

И совсем уже коротко – о Смуте (с большой буквы), ставшей по факту всех сопутствовавших ей событий, кроме всего прочего, еще и испытанием сложившегося режима на прочность. Имеются в виду в данном случае события конца XVI – начала XVII вв. в России, когда в народе утрачен был консенсус (скажем так) по поводу легитимности действующей власти. Или как говорит об этом С. Ф. Платонов: "Главная беда заключалась, конечно, в том, что население не знало кому повиноваться и за кем идти". Но, в конце концов, царь был избран после всех попыток решить этот вопрос каким-либо иным образом (самозванство, приглашение на царствование, имитация выборов). И режим, таким образом, выстоял.

Тут важно еще и другое: что по тем временам уже сам принцип выбора царя воспринимался с огромным трудом. Как если бы – писал В. О. Ключевский – от них требовали выбирать отца или мать. Проявилось все это в нескончаемом недовольстве, давшем основание определить XVII век как бунташный.

Но ко всему привыкают и в XVIII веке подобные вещи более уже никого не волновали. Страна, таким образом, делает очередной шаг на пути к происшедшему таки, спустя известный период, определяемый как Петровский, крушению сложившегося тут на протяжении предшествующих веков строя жизни.

ПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД

1. Петровский период – время решительного переосмысления места конфронтации с Западом в русской исторической жизни, инициированное прежде всего представителями самодержавия, которое этой конфронтации, инициированной церковью (в свое время), обязано было самим своим появлением на свет. Знать, высшая прежде всего, начала усиленно приобщаться к европейской образованности и образу жизни, обретая, как следствие, не свойственную прежней знати и обстоятельствам жизни в своей собственной стране ментальность.

В аристократические дома образованность эту, вкупе с образом жизни, вносили нанятые за границей, во Франции главным образом, учителя. Часть молодежи получала образование за границей, в не-малом числе, опять же, все в той же Франции. К концу XVIII века многие дворянские семьи говорили на французском языке уже не только в обществе, но и дома. Конечно, русский оставался языком высокой литературы и (в славянском варианте) церковных служб. Но

фактом остается и то, что в общественной и личной жизни дворянство восприняло образ жизни и язык народа, всем ходом его истории к этому времени уже подготовленного к его Великой революции. А с ними и через них – и культурные предпочтения и вынашиваемые в них ценности. Не забудем: речь идет о сословии, призванном служить ближайшей опорой действовавшей тогда традиционной власти.

Барьером такому положению вещей до определенного момента в России могло служить православие. Но политика власти в отношении церкви, о которой говорилось выше, серьезнейшим образом ослабляла этот барьер. В итоге сформировался идеальный канал для идеологической экспансии Запада, аналогов которому Россия до сих пор не знала. Результаты чего стали обнаруживаться явно уже в веке XIX, начиная с восстания декабристов (посеянное требует времени для созревания).

Вот что (и как) говорит обо всем этом В. О. Ключевский. Я имею в виду в данном случае его лекции, прочитанные в 1890/1891 учебном году в Политехническом музее. Объект внимания – XVIII век, определяемый вслед за Европой Западной, как век Просвещения. Век, или столетие, обозначившее интересующий нас поворот в русской истории. Несколько характерных для того времени эпизодов, которых в нашем случае и достаточно. Опять же, без кавычек. Итак.

Реформы, начатые предшественниками Петра и им продолженные, были предприняты под влиянием Западной Европы и исполнены при содействии людей той же Европы. До той поры русское общество жило влияниями туземного происхождения, условиями своей собственной жизни и указаниями природы своей страны. С XVII в. на это общество стала действовать иноземная культура, богатая опытами и знаниями представляющих ее народов. Это пришлое действие, или влияние встретилось с доморощенными порядками и вступило с ними в борьбу, волнуя русских людей, путая их понятия и привычки, осложняя их жизнь, сообщая ей усиленное и нервное движение. Западное влияние еще не проникало в народ глубоко, но в верхних классах общества, по самому положению своему наиболее открытых для внешних влияний, оно постепенно приобрело господство.

В том же направлении действовала и внешняя политика Московского государства. Присоединение Малороссии и союз с Польшей в XVII в., войны и завоевания Петра Великого поставили Россию в новые внешние отношения, втянули ее в международную сутолоку Западной Европы, наделали ей новых друзей и врагов. Россия сделалась органическим членом европейской народной семьи и из равнодушной наблюдательницы западноевропейских движений превратилась в их деятельную, хотя иногда невольную и нежелательную участницу. Это участие навязывало новые заботы русской дипломатии, клало новые впечатления на русское общество, рождало в нем новые интересы.

Обе эти перемены привели к тому, что нельзя стало жить и действовать, как жилось и делалось прежде. Прежде все делалось по преданию, по завету отцов и дедов, по унаследованным от них привычкам. Все это оказалось, по крайней мере для верхних классов общества, непригодным, неприложимым к новому положению дел. Теперь стало

необходимо рассчитывать новые условия, соображать другие средства, всматриваться в новых друзей и врагов, а это путало непривычную к сложным расчетам мысль.

О влиянии Запада много спорили у нас в русском обществе XVII в. Но тогда оно именно занимало больше мысль и едва касалось жизни. Его принимали по каплям, морщась при каждом приеме и подозрительно следя за его действием. Петр положил конец этим колебаниям. Бросив споры и сомнения насчет того, опасно или нет сблизиться с Европой, он начал широкою рукою забирать практические плоды ее культуры, усовершенствования военные, торгово-промышленные, ремесленные, сманивать мастеров, которые могли бы всему этому научить его русских невежд, заводить школы, чтобы закрепить в России необходимые для всего этого знания.

Западное влияние продолжилось и после Петра с тем отличием, что теперь оно действовало на наше общество уже не одними только техническими знаниями и житейскими удобствами, но и приносимыми им понятиями, вкусами, страстями. А стоит напомнить ко всему прочему, что к середине XVIII в. относятся наиболее крупные произведения просветительной французской литературы, оказавшие наибольшее действие на образованный европейский мир. В нашем обществе они нашли себе поддержку и поощрение, опять же, в верхних слоях общества, при дворе в первую очередь. Именно при дворе завязывались первые прямые и тесные сношения с корифеями французского литературного мира.

Еще в царствование Елизаветы Вольтер был избран в члены русской Академии наук и ему поручено было русским правительством написать историю Петра Великого, чему много содействовал влиятельный человек при дворе Елизаветы Иван Иванович Шувалов, основатель Московского университета, поклонник новой французской литературы, находившийся в переписке с Вольтером. Горячей поклонницей этой литературы была и Екатерина, которая по вступлении на русский престол спешила войти в близкие сношения с вождями нового литературного движения. Сохранилась ее переписка с тем же Вольтером, продолжавшаяся с 1763 до 1778 гг., когда умер этот писатель. Здесь оба корреспондента не жалели комплиментов друг для друга. Еще в 1762 г. она приглашала бывшего товарища Дидро по изданию энциклопедии Даламбера приехать в Петербург, чтобы принять на себя труд воспитания наследника русского престола, и очень пеняла математику-философу за отказ содействовать счастью целого народа. И т. д.

Гораздо важнее всего этого было то, что новые идеи поступили при Екатерине в педагогический оборот. Под влиянием их дано было новое направление школьному воспитанию русского юношества – того самого, которому предстояло перенять у своих отцов бразды правления государством. Воспитание отныне должно было внушать этому юношеству новые, согласные с природой человека здравые чувства, нравы и правила, т. е. перевоспитывать человека – как представляли себе такие педагогические авторитеты того времени, как Локк и Руссо. Эти педагогические идеи нашли себе радушный прием в русском

правительстве и обществе при Екатерине. Новая система воспитания, долженствовавшая создать "новую породу людей", деятельно проповедовалась в русской литературе, между прочим, Фонвизиним в его комедиях и самой Екатериной в ее педагогических сочинениях. По этой воспитательной системе строились при Екатерине новые школы и воспитательные заведения и перестраивались старые.

Новое направление школьного образования отразилось и на домашнем воспитании: одни и те же педагогические идеи проводились и в правительственных школах, и в учебных комнатах высших дворянских домов России. Француз-гувернер и во второй половине века удержал здесь за собой воспитательную монополию. Многие из этих учителей были знакомы с последними словами французской литературы, иные даже примыкали к крайним направлениям тогдашнего политического движения. Сам двор в этом отношении поощрял общество смелым примером. Если Екатерине не удалось привлечь Даламбера к воспитанию наследника Павла, то она желала по крайней мере внуков своих воспитать согласно с правилами современной педагогики и выписала для них швейцарца Лагранжа, открыто исповедовавшего республиканские убеждения. Придворные люди подражали двору. Иностранцы, приезжавшие в Петербург в конце царствования Екатерины, с удивлением замечали, что большинство гувернеров в вельможных домах все демократы.

Благодаря таким наставникам, пристрастие ко всему французскому и, между прочим, к французским политическим идеям быстро распространялось в высшем образованном русском обществе. Поддерживаемое распространявшимися здесь все более произведениями французской литературы, оно оставляло в понятиях и вкусах глубокий осадок. Конец цитаты.

Все это, повторю еще раз, В. О. Ключевский.

Так шаг за шагом, "ходом самой жизни" русское дворянство становилось проводником того, что называется западным Просвещением, первое место в котором с некоторых пор прочно занял вопрос о форме власти. Вопрос, постановка которого еще во времена Петра, т. е. еще совсем недавно казалась немислимой. Понятно само собой, что опорой трона, как и какой это от них ожидалось, такие подданные быть уже не могли. Иноземное влияние, доведенное до такого предела, было последним моментом в ходе той трансформации, которая совершалась в умственной и нравственной жизни русского дворянского общества XVIII в., которым, как известно, русская история еще не заканчивается.

В дальнейшем эстафету этого неумолимо совершаемого процесса превращения своих в чужих приняли так называемые разночинцы – чужие ко всему своему уже с самого своего появления на арене русской истории.

2. Среди них нашла себе место, заявила о своем существовании во всеуслышание и группа, которая не удовлетворялась (не готова была удовлетвориться) одними только реформами. Это был слой, начавший

складываться в 50-е годы (мы сейчас говорим уже о XIX веке). В него входили главным образом дети духовенства, купечества, мещанства, получившие образование в университетах - в дальнейшем, с легкой руки Петра Боборыкина, придумавшего это слово, переименованные в интеллигенцию. Разночинная интеллигенция видела себя духовным орденом, посвятившим свою жизнь делу освобождения народа, для чего совершенно необходима была по ее понятиям революция. Разногласия могли быть (допускались) только по поводу того, какая именно: буржуазная, социалистическая, какое участие в ней примет община и т. д.

Власть, со своей стороны, проводимой политикой эти настроения только усиливала. Приведу только один пример, которого, по-моему, и достаточно, принимая во внимание масштабы содеянного, как и влияние на ход состоявшейся по его следам истории. Я имею в виду в данном случае реформы П. А. Столыпина в качестве очередной попытки решения столь болезненного к этому времени крестьянского вопроса.

Задумано было так. Если принудить крестьян к выходу из общины с наделом, то произойдет быстрое их расслоение, богатые скупят все наделы и станут фермерами, а остальные - батраками. Получится капитализм на селе, опора строя. Так было задумано, действительность этих ожиданий не оправдала. Но по-порядку.

В двух словах о формировании взглядов Столыпина на интересующие нас вопросы. Важнейшее значение в их формировании имели годы службы в Ковно и в Саратове. Прежде всего, конечно, в Ковно - бывшая польско-литовская территория. Вообще в западных губерниях России общинного землевладения не знали, крестьянин тут был полноценным хозяином земли. Именно в западном крае, как вспоминал сам Столыпин, он имел возможность лично убедиться во всех преимуществах крестьянского хуторского хозяйства. В преимуществах хуторского хозяйства убеждала и соседняя Германия, которую П. Столыпин часто посещал в ковенский период своей жизни. Сравнивая значительно лучшее положение сельского населения тут и там с положением в центральной России, Столыпин готов был согласиться с теми, кто видел в общинном землевладении главное препятствие развитию села.

За годы службы в Саратове Столыпин понял еще и как сильна привязанность мужика к общине, привлеченного ее уравнительным характером. Что еще более укрепляло его в сделанных в отношении общины во время предшествующей службы в Ковно выводах. И это были выводы не одного только Столыпина, тут он был далеко не оригинален.

Но рассуждать можно ведь и по-другому. Именно, общинное землевладение не главное препятствие, а пока всего лишь главное, бросающееся в глаза отличие от виденного на Западе (в том же Ковно или Германии). В ранг препятствия в данном случае оно возведено по принципу, культивировавшемуся тогда на все лады в образованных на западный лад слоях общества в России: все, что не так, как на Западе - плохо, без малейшей попытки понять природу этого отличия. Задуманная реформа - типичный пример и продукт такого мышления.

На самом деле, начинать надо было с того, что в России, на ее традиционных территориях, в отличие от Запады, не знали другого

землевладения, кроме общинного. (С помещиками своя история, не будем на этом здесь останавливаться.) Не случайно. Действительность состояла в том, что в российских условиях благополучие крестьянского двора зависело в первую голову от количества работников – величина во всех этих дворах переменная. А благополучие слабых дворов – положение, в которое мог попасть буквально каждый – еще и от благополучия общины. Это кроме того, что периодические неврожаи способны были выбить из колеи любое единоличное хозяйство. Зона рискованного земледелия, напомним. И опять община была тем первым адресом, куда такой разорившийся крестьянин мог обратиться за помощью. Традиционной в общине была взаимоподдержка крестьян и в случае голода. Предоставленные сами себе, они могли просто не выжить.

Главные ценности буржуазного общества – индивидуализм и конкуренция в таких обстоятельствах в среде крестьян естественно не могли найти признания. Но как следствие, отсутствовали условия и для проявления частнособственнической инициативы, тут Столыпин был абсолютно прав. Другое дело, что в связи это отсутствие следовало ставить еще и с самой возможностью ведения тут крестьянского хозяйства, а с ним – и возможностью существования надстроенного над этим государства. Не до предприимчивости.

Соответственно (или следовательно) общину на самом деле на территории России следовало сохранять и укреплять в качестве опоры существующего строя, а не упразднить. То есть, все с точностью до наоборот. Мужик в данном случае понимал свой интерес (а с ним и государственный) лучше Столыпина. И, насколько это было возможно (насколько было в его силах), сопротивлялся проводимым реформам.

Что в итоге, если попробовать его подвести. Действительность, как уже было сказано, ожиданий возлагавшихся на реформу не оправдала. Во-первых, община в целом не поколебалась. Ну и во-вторых, где и поскольку какой-то выход из общины все-таки имел место и богатые крестьяне на самом деле скупали земли бедняков, они в большинстве случаев не устраивали ферм, а сдавали землю в аренду тем же крестьянским дворам. То есть, сельскому кулаку, или богачу выгоднее было отдавать землю опять же общине и тянуть с нее проценты за аренду. Бедняки же, которые все-таки расставались с общиной и землей, уходили не в батраки, а в город.

В это время в городе.

Первое, что следует отметить – массовый приток в города рабочих, по большей части из безземельных и малоземельных крестьян. В период с января 1910 г. по июль 1914 г. число рабочих в России возросло на одну треть. В середине 1914 г. более половины рабочих Петербурга были, что называется, пришлыми. В подавляющем большинстве это были рабочие в первом поколении, продолжающие оставаться по своему менталитету крестьянами.

И второе, не менее существенное в контексте надвигающихся событий: они же стали главными носителями революционного духа в той рабочей среде, полагавшими слишком умеренными даже меньшевист-

ские и эсеровские программы, предпочитая им более созвучные их настроениям лозунги анархистов и большевиков. Вот он по последствиям важнейший результат реформ, действующей властью совершенно непредвиденный.

Острота вопроса усугублялась кроме того обнаружившимся в XIX в. ограничением возможности колонизации. Ибо всему есть пределы, в конце концов они начали себя обнаруживать и тут. И опять, порождаемая этим неустроенность в своей значительной части хлынула в города, прежде всего, конечно, в обе столицы. Сюда же, соответственно, переместились и очаги напряжения, создаваемого периодически этой неустроенностью и дававшие до этого знать о себе главным образом в удаленных от них окраинах. Реформы Столыпина объективно могли лишь усугубить это положение вещей, само по себе непростое, не достигнув ни одной из поставленных в них целей.

Кризис городов, как это можно обозначить, порожденный заполнившей города крестьянской массой, не нашедшей себя в своей традиционной среде при своем традиционном занятии и в прежние (недавние еще совсем) времена столь же традиционно отсасывавшейся окраинами. Окраины в это время – впервые, следует обратить внимание, со дня образования государства – перестали выполнять свою санитарную функцию. Для традиционной власти эта новая чреватая волнениями реальность стала своеобразной экзотикой, с которой не было своего опыта как управляться. И власть не нашла ничего лучшего, как обратиться к опыту в этой области Запада, свидетельством чему стал взятый ею курс на демократизацию общественной жизни, ориентированный в первую голову на население городов.

Но, как мы не раз уже говорили об этом, Россия – не Запад. Тут реакцией на проводимые демократические преобразования могло стать и становилось на самом деле только усиление и без того уже начавших принимать опасные размеры протестных настроений. В роли характерного примера – организация невиданных ранее здесь рабочих союзов, завершившаяся Кровавым воскресеньем. Или другой пример: принятие нового устава университетов, в конечном счете поставившее правительство перед необходимостью их закрытия.

Временное правительство всего лишь эту губительную практику продолжило, распространив ее еще и на армию – до полного развала страны и этой самой армии. Это уже развитие идеи, до какого в вольнолюбивой Европе не додумались (российское ноу-хау).

Катастрофа надвигалась на сложившийся порядок и еще с одной стороны. Россия была просто не в состоянии нести расходы, требуемые на содержание необходимой для управления всем этим необозримым хозяйством администрации. Как следствие в ней была принята самая примитивная административная модель. Именно, администрация, назначаемая из центра (столицы), присутствовала, в основном, в городах (тоже не всех). Были, кроме того, на местах незначительные полицейские и жандармские силы. Казне это много не стоило. Деревня же и вовсе управлялась самостоятельно – посредством сельских общин, несущих коллективную ответственность за сбор податей

и призыв рекрутов (еще одна функция общин в той России). Добавьте сюда 100 тысяч помещиков-крепостников, осуществлявших здесь же до определенного времени необходимые административные функции. Затрат от казны это уже и вовсе не требовало. Ну и в случае массовых волнений, правительство вынужденно было (оставалось) прибегать к помощи регулярной армии, своей последней защите.

Так называемые Великие реформы Александра II, особенно отмена крепостничества в 1861 г., лишившая помещиков административных прав, поставили практически всю эту управленческую систему на грань катастрофы (в дополнение ко всему сказанному выше). Последующие судорожные попытки удержать ситуацию под контролем положение могли только усугубить. Крушение режима, таким образом, стало лишь делом времени. Оно и последовало.

ТАК ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ПРОИЗОШЛО?

Начинается грандиозный опыт. Одному чёрту известно, во что это выльется. Будем посмотреть. Во всяком случае, будущее всегда интереснее пройденного.

.М. Горький

Произошла, как было не раз уже сказано, революция – если акцентироваться на признаках, упомянутых в принятом нами выше ее определении (или согласно упомянутым в нем ее признакам). Как-то: преобразование классовой структуры и политической системы общества. Имеет место очевидным образом и то, и другое. Проблемы начинаются, когда мы переходим к следующему этапу определения происшедшего. Или скажем так, требуется уточнить, о какой именно революции идет речь: буржуазной; несостоявшейся пролетарской, если принять к сведению последние события, объединяемые под общим названием Перестройка; несостоявшейся буржуазной, если принять к сведению те же последние события, а тогда как это понимать? Вот главное, вокруг чего, собственно, имеющая смысл в настоящее время дискуссия и происходит (должна, по крайней мере, происходить) и на чем мы тут сосредоточим свое внимание.

Напрашивающаяся рабочая версия, отвечающая достаточно распространённому мнению, в том числе и среди специалистов, что революция произошла все-таки буржуазная и что Перестройка является завершением (представляет собой завершение) начавшегося тут известными событиями 1917 года революционного процесса. Своего рода Термидор, если воспользоваться аналогией с завершающим этапом Великой

французской революции.

Но Перестройка затевалась, как мы знаем, совсем не с теми целями, что и упомянутый Термидор во Франции, что все предшествовавшие ей при советском режиме годы виделось впереди совсем другое будущее. И если возникали по ходу какие-то разногласия, то исключительно по поводу того, как именно строить это самое будущее – сначала социалистическое, потом коммунистическое. Дискуссии могли вестись по поводу допустимых средств (с человеческим лицом, с нечеловеческим лицом), но никогда – по поводу того, что именно в итоге, в конечном счете предстояло построить.

И акцент таким образом переносится на период, предшествовавший этому завершению – от Октябрьского переворота 1917 года и до распада Союза и запрета КПСС, до последнего момента определявшийся как период построения социализма. В подцензурной литературе, по крайней мере, было именно так. Так что же это на самом деле было, как все то, что тут на протяжении отмеренного таким образом промежутка времени происходило следует понимать? Знание чего, в свою очередь, должно послужить ключом к решению вопроса о природе и новой, установившейся здесь по следам совершившейся Перестройки общественной формации, и самой приведшей к ее появлению (установлению) революции. Во всяком случае, ближайшая задача, которую нам предстоит здесь разрешить, состоит именно в этом.

Постановка вопроса на самом деле не новая, если принять во внимание существование еще и эмиграции, продолжавшей активно переживать то, что происходило в России до и после октябрьских событий. Напомню приведенную выше цитату из "Очерков" А. И. Деникина, изданных, напомню, опять же, первым изданием еще в 1924 г.: "История откроет нам современные истоки большевизма – того огромного и страшного явления, которое раздавило Россию и потрясло мир... найдет такую связь, суровую закономерность и, может быть, трагическую неизбежность."

То самое, о чем говорилось выше, и с тех самых пор. Разве что, в соответствии с установившейся традицией, принято говорить все-таки о Советской власти в качестве режима, при котором велось тут упомянутое строительство, а не о большевизме. Хотя, конечно, кому как. Ну и, может быть, вместо достаточно туманных современных истоков следует говорить о его (ее) природе или происхождении.

И еще одно высказывание на ту же тему, замечательно, по-моему, передающее атмосферу этого непрекращающегося поиска. Уже Федор Степун, год 1948-й: "Хотя мы только и делали, что трудились над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали... Каюсь, иногда от постоянного всматривания в тайну России, от постоянного занятия большевизмом, в душе поднимается непреодолимая тоска и возникает соблазн ухода в искусство, философию, науку. Но соблазн быстро отступает. Уйти нам нельзя никуда."

И еще: как это видится уже из нашего времени, можно сказать. Год 1999. А. Кара-Мурза и Л. Поляков. Из их предисловия к антологии Русские о большевизме:

"Чем дальше в прошлое уходит от нас коммунистический период истории России и породивший его большевизм, тем в более парадоксальную ситуацию попадает исследователь, намеревающийся рассматривать этот феномен с чисто научных, объективистских позиций. Казалось бы, распад мировой коммунистической системы, исчезновение СССР и фактическое окончание холодной войны обеспечивают идеальные условия для исследовательской работы, когда ни идеологические мифы, ни политические клише, ни даже симпатии и антипатии духовно-эмоционального плана (не говоря уже о сознательных фальсификациях, ставших нормой практически с первого дня прихода к власти большевиков), уже не могут стать непреодолимыми преградами на пути к постижению феномена большевизма. Однако в реальности мы наблюдаем совершенно иную картину. В посткоммунистической России споры о роли большевистской революции в истории страны, о смысле большевизма... по меньшей мере не утихают."

Споры не утихают, как видим, при том, что ничто не стоит на месте и состоявшаяся с тех пор история, в том числе и упомянутая Перестройка, действительно кое-что открыли. Посмотрим что (мои две копейки в продолжающуюся дискуссию).

Одним из принятых способов решения подобного рода вопросов, в том числе и в соответствующей специальной литературе – мы об этом не раз уже говорили – является сравнение происшедшего в России с событиями, имевшими место в ходе Великой французской революции. Не случайно, ибо уж очень много у той и другой общего (подобного, похожего), способного навести на содержательные заключения. Так что не будет неоправданным, если и мы тут последуем этой традиции. И, конечно, как и в остальных случаях, поскольку речь заходит об истории (повторю еще раз), не менее продуктивными в проводимых сравнениях представляются ожидаемые отличия и попытки понять приросту этих отличий.

Итак, что нам дает сравнение.

а. И там, и там революцию следует признать буржуазной. В России – по следам последних событий, оправдывающих такое признание до какой-то степени, или в качестве рабочей версии, как об этом сказано было выше.

б. И там, и там переход к новой общественной формации, венчающей революцию, совершился в три этапа, если под этапами подразумевать события (перевороты), знаменующие смену действовавших в том и другом случае до этого режимов. Замыкающий третий этап во Франции в этом ряду получил наименование Термидор, в России – Перестройка.

в. И там, и там в результате второго этапа к власти пришли левые радикалы с их левой, антифеодальной в первую очередь, политикой и левыми же, именуемыми еще пролетарскими, приемами решения задач этой политики.

г. В обоих случаях ближайшим результатом стало установление диктатуры этих левых радикалов. Во Франции это была якобинская диктатура; в России – тот самый упомянутый выше не раз уже большевизм, именуемый еще диктатурой пролетариата. Есть у него и другие

названия, суть от перемены названия не меняется.

Далее начинаются расхождения, следующие с неизбежностью из отличия решаемых при обозначившейся там и там расстановке политических сил задач. Именно, во Франции с некоторых пор все это стало вызывать нарастающее недовольство сохранившихся здесь все еще в значительном числе и принимавших самое активное участие в происходивших событиях буржуазных элементов. Ибо параллельно проводилась тоже достаточно жесткая антибуржуазная политика (наряду с антифеодальной), выражавшаяся в введении контроля над ценами и т. д. Именно этим давлением объяснял В. И. Ленин – тут мы должны с ним согласиться (а где такое было, чтобы мы с ним не соглашались?) – Термидор и причины падения якобинской диктатуры. Нарастающее недовольство буржуазных элементов стало в данном случае решающим фактором, определившим развитие событий.

В России, за отсутствием практически буржуазных элементов, на первое место в качестве такого решающего фактора, или решающей силы выдвинулась люмпенизированная городская масса (городская чернь по некоторым источникам) с ее недовольством сохраняющимся все еще рыночным распределением. Как и рекрутируемые из ее рядов боевые отряды. Они, таким образом, просто обречены были возглавить революцию. Они ее и возглавили. Но что дальше?

Жесткая антибуржуазная политика по этой причине проблемы установившейся тут новой власти не создавала, в отличие от того, что происходило во Франции. А вот с политикой антифеодальной проблемы таки были, во Франции установившемся в ней якобинскому режиму, можно сказать, неизвестные. А именно, в России к перечню подлежащих решению пролетарскими методами задач добавилась еще и необходимость очистить сознание населения от элементов общинного (читай: антибуржуазного) мировоззрения, которое пронизывало тогда на самом деле буквально все слои российского общества (так или иначе), не только, собственно, крестьянство (крестьянское сословие). Что в совокупности и предопределило характер в целом всего этого периода – от Октября и до запрета КПСС – во всех его составляющих, как-то политика внутренняя и внешняя, экономика, образование, искусство и т. д.

Мероприятия новой власти, если судить о них с обозначенных таким образом позиций, с самого начала предпринимались именно в этом направлении и, как можно уже заключить по достигнутому на момент развала СССР результату, должны оцениваться как исключительно эффективные. Ну а что это были за мероприятия – послушаем, что говорит об этом Бенедикт Сарнов (один из любимых моих авторов, признаюсь уже заодно):

Вся жизнь при этом буквально была перевернута до дна. Все корни ее, уходящие в историческую почву оказались перерубленными. Революционное отрицание старого мира приняло всеобъемлющий характер. Оно направлено было одновременно не только на Бога, царя, отечество, собственность, быт, нацию, но также на мораль, культуру, семью.

Т. е. на все то (это уже мой текст), что составляет, под влиянием

чего формируется так или иначе мировоззрение человека. Остается добавить, что не менее решающим фактором, работающим на результат в данном случае, должно было стать и стало на самом деле еще и время. Напрашивается сравнение с хождением евреев по пустыне после исхода их из Египта. Тоже ведь имелось в виду изменение мировоззрения целого народа. И тоже на результат работало еще и время, в течение которого народ в буквальном смысле был выключен из прежней жизни – пока не вошло в возраст поколение, не знающее Египта.

Кстати, и тут все это время впереди у них маячило светлое будущее, в тот раз – в виде рек, текущих молоком и медом. Тоже не слабо. С другой стороны, а как еще, не посулив в конце чего-то совсем уже небывалого, необыкновенного – равно и там, и там – можно было столько лет водить народ по пустыне?

В России Советской все это вместе взятое и составило содержание того, что до последнего момента – развала этой самой СССР – называлось строительством социализма.

В качестве резюме на сегодняшний день можно констатировать, что потенциал сопротивления преобразованиям общественной жизни, с каким встречались проводимые реформы в начале прошлого века (реформы Столыпина, в частности), к концу этого века решительно снизился, что Перестройка со всей очевидностью продемонстрировала. Установленный большевиками в стране фактически режим зоны (Зоны, правильнее было бы сказать, т. е. с большой буквы) в этом отношении оправдал себя полностью. Это уже о методах. Но и в самом деле, где еще, как не в зоне вытраивается из человека все человеческое, аккумулярованное в опыте его прежней жизни и резюмированное в сформировавшемся на протяжении этой жизни мировоззрении? По крайней мере – на период его пребывания в зоне. А если в зоне (Зоне) он еще и родился?

С другой стороны, а что еще могли предложить в качестве режима пришедшие тут к власти (захватившие власть) профессиональные уголовники, если назвать вещи своими именами, никакого другого опыта организованного общежития, кроме тюрьмы, каторги, ссылки, а также разного рода нелегальных (читай: криминальных) формирований не накопившие? Они ничего другого и не предложили.

С социализмом (коммунизмом, большевизмом) будем считать, разобрались. Но что имеем на выходе? Обратите внимание: при отсутствии здесь, как и в бывшей царской еще России, к моменту начала реформ буржуазии. Т. е. адрес для подобных реформ, несмотря на проделанную гигантскую работу по искоренению общинного мировоззрения, все еще отсутствует и развитие событий ни по образцу того, как это происходило в ходе Великой французской революции, ни по образцу того, как это планировалось (задумано было) в своё время в России, оказывается всё ещё невозможно. Между тем, реформы на сей раз таки были проведены и некоторое новое общество таки сложилось. Но какое?

Тут я опять предоставляю слово Бенедикту Сарнову, с которым в очередной раз солидаризируюсь. Из его сборника статей "И где опу-

стишь ты копыта". На сей раз с кавычками. И еще - с оговоркой, о которой по окончании цитаты.

"Раздумывая о судьбе сегодняшних российских реформ, совсем не мешает поразмышлять и о характере современного российского человека. А тут никакой политик, никакой социолог, никакой экономист не увидит того, что сумеет разглядеть своим особым, только ему присущим зрением - писатель, художник... Души людей, искалеченные чудовищным давлением советского тоталитаризма, уже давно стали объектом пристального внимания русского писателя. В пьесе-сказке Евгения Шварца "Дракон", написанной в 1943 году, рыцарь Ланцелот вызывает на поединок и убивает дракона, державшего в страхе целый народ. Поверженный дракон, издыхая, злорадно говорит победившему его Ланцелоту: "Меня утешает, что я оставляю тебе прожженные души, дырявые души, мертвые души!".

Но тогда явление было только названо (что, впрочем, не так уж мало). По-настоящему же осмысленно и художественно исследовано оно было только недавно писателями, вошедшими в литературу и завоевавшими признание лишь в самые последние годы: Сергеем Довлатовым, Людмилой Петрушевской, Вячеславом Пьецухом, Евгением Поповым. Этих (кстати сказать, очень разных) писателей объединяет интерес к герою-люмпену...

Вот, например, повесть Людмилы Петрушевской "Свой круг". В ней изображен круг тесно связанных между собой и постоянно общающихся друг с другом людей. Но как же он пестр и причудлив! В этот тесный круг на равных входят ученые и проститутки, поэты и бомжи, студентки и их разноплеменные сожители, дети улицы и дети министров и т. д. Но весь смысл повести как раз в том и состоит, что перед нами не просто случайное сборище людей, выпавших из своего социального слоя, а модель всего нашего общественного устройства. В полной мере это относится ко всем названным писателям. Все они в своих произведениях изображают и художественными средствами исследуют не героя - люмпена, а - люмпенизированное общество (два слова последних Сарновым выделены, к чему присоединяюсь - М. З.)...

Изображению этого люмпенизированного общества служат все художественные средства, которыми пользуются эти писатели. Этой цели подчинены, а точнее, ею обусловлены все их художественные открытия... обнажающие всю глубину и непроходимость той пропасти, которая отделяет сегодняшнюю Россию от старой досоветской."

О пропасти, отделяющей сегодняшнюю Россию от старой досоветской хорошо сказано. И все-таки, как назвать такое общество? Люмпенизированным, на чем настаивает Сарнов - готов присоединиться, как я выше уже сказал об этом. К слову, от писателей "с их особым, только им присущим зрением" большего, наверное, и нельзя потребовать. И, однако, для решаемой тут задачи определения современного российского общества все еще недостаточно, ибо ничего еще не говорит нам о господствующих в нем экономических отношениях.

Буржуазным - опять же, да, если иметь в виду проведенные тут до сегодняшнего дня реформы. И опять - под сомнением (если не в

качестве рабочей версии, повторю в который уже раз), ибо в установившихся здесь при всем том отношениях отсутствует важнейший компонент, позволяющий признать их буржуазными - их буржуазность. Та самая буржуазность, которая проявляется в отношении к конкурирующей фирме все-таки не как к конкурирующей банде, а к возможному потребителю (клиенту, покупателю, контрагенту по сделке или договору) - не как к ушастому фраеру, которого глупо (нелепо, недостойно, запахло, если одним словом) было бы не облапошить, если к тому представляется малейшая возможность. Во всяком случае, по факту того, что сегодня в России происходит, это выглядит именно так.

Остается сказать, поскольку нечего больше сказать: какое общество, такие и отношения. Вопрос с его названием, или, по-другому, с определением его места в ряду других общественно-экономических формаций для меня, по крайней мере, остается открытым. На сегодняшний день ответа на него у меня нет. Во всяком случае, Маркс с его периодом первоначального накопления - это явно из другой истории. Открытым, соответственно, остается и вопрос о природе завершившейся таким удивительным образом революции.

Ну и возвращаясь к возможному варианту развития событий по Ленину (обещанное исключение: что было бы, если было бы...), т. е. если бы ему было отпущено еще хотя бы десять лет жизни. Я говорю сейчас о признании им труда предпринимателя, проявляющегося в его предприимчивости, в качестве производительного. Идея, подхваченная потом Муссолини, как мы уже говорили, развившего ее до признания конфликта национального на месте (или вместо) классового в роли движущей силы общественного развития, или прогресса.

Ленин, все-таки, понимал это по-другому. Или скажем так. Можно представить себе развитие им этой идеи до постановки задачи воспитания нового типа пролетария - пролетария с навыками предпринимателя. При таком пролетариате, надо понимать, и задача построения социализма осмысливалась бы в куда более щадящих по отношению к используемому в нем человеческому материалу формулировках, и задача Перестройки решалась бы с куда большим со стороны этого пролетариата пониманием. А значит - с куда меньшими в том и другом случае для того и другого потерями.

И нам остается повторить за умнейшим Уинстоном Черчиллем: "В XX веке Россия пережила две крупные трагедии. Первая заключалась в приходе Ленина к власти, вторая - в его преждевременном уходе..."

ЭПИЛОГ

Планировался еще и эпилог, в котором, в частности, намечалось аргументировать идею, согласно которой революция на самом деле на этом далеко еще не заканчивается. Как поется (пелось) в некогда популярной в определенной аудитории песне: "Есть у революции начало, нет у революции конца".

Но не сложилось. Так что об этом как-нибудь в другой раз. Если будем живы и Бог позволит – рекомендуемая Библией оговорка в подобных случаях, т. е. поскольку речь заходит о планах.

Приложение I

ИЗ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ И НЕ ТОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЯ ПО РАЗНЫМ ПОВОДАМ

1. Имеет смысл для начала осветить, хотя бы коротко, положение дел с собственно научностью в исторической науке, чему как раз и посвящено данное замечание. Понятие "наука", уточню на всякий случай, ибо слова неоднозначны, употреблено здесь в том его значении, в каком принято обычно говорить об областях знания, в которых уже существует теория либо, по крайней мере, накоплен заметный запас эмпирических обобщений, также обладающих определенными возможностями рационального объяснения. И еще: здесь и далее мы будем говорить об истории России в традиционном для историографии русской истории ее прочтении – т. е. как истории национальной, соответственно, включающей в себя в качестве органической составляющей еще и историю Руси Киевской, начиная с самого ее появления на карте Восточной Европы, стоит обратить на это внимание.

А теперь, насколько сказанное сейчас об употреблении понятия "наука" может быть повторено в отношении науки истории: исторической науки вообще и истории России в частности? Попробую ответить.

Первое, что следует констатировать, что теории в том смысле, в каком принято говорить, например, о механике после известных работ Галилея и Ньютона, историческая наука до сих пор не знает. Нет ничего похожего на то, что могло бы быть удостоено в ней такого определения. Притом, что установка на теоретическое осмысление ее предмета безусловно присутствует, чему свидетельством существующая по этому поводу литература. Реальные достижения, однако, ограничиваются лишь рядом более или менее удачных эмпирических обобщений, что тоже, вообще говоря, следует считать достижением, имея в виду упомянутый выше их объяснительный потенциал. Это кроме того, что их наличие является еще и непременным условием самой возможности появления тут в будущем теории. Следует только не забывать (отдавать себе отчет в том), что любая попытка воспользоваться ими за пределами того круга явлений, которые непосредственно послужили

для их формулирования, представляется в высшей степени проблематичной, ввиду все еще поверхностного, как правило, характера таких обобщений.

В роли актуального в данном случае примера сошлюсь на эмпирические обобщения, ставшие результатом наблюдений, проводимых в течение уже более двух с половиной тысячелетий, перипетий событий, составляющих историческое бытие стран Западной Европы. Работа, следует отдать должное, проведена огромная и в целом ряде случаев сделанные обобщения следует признать удачными. И все же, как бы удачны, или верны сами по себе они ни были, они, вместе с тем, никоим образом не годятся для объяснения тех событий и процессов, которые когда-либо имели место в России, что неоднократно было подтверждено самой ее историей. Не потому что неверны, повторю еще раз, но, как было сказано, потому что поверхностны. Или можно так еще сказать: в силу своей все еще значительной зависимости от особенностей событий и исторических процессов, имевших (продолжающих иметь) место в развитых на сегодняшний день странах Западной Европы, для них только и характерных.

Таковыми следует признать прежде всего идеи и концепции стадийного развития общества, какие приняты и оправданы до некоторой степени на самом Западе; свободы как направления исторического прогресса, опять же в западном понимании того и другого (свободы и прогресса); либерализации экономики и демократизации общественной жизни в роли средства решения накапливающихся социальных проблем, опять же в формах, в каких они здесь только и возможны. Можно назвать и еще. Все эти концепции создавались на фактическом материале западноевропейской истории, во многом – до противоположности – отличным от того, что имело и продолжает иметь место в России. Как следствие, у них не оказалось шансов послужить к объяснению происходивших в ней событий, оказаться и тут в том числе теоретически значимыми.

Второе, на что следует обратить внимание – так и продолжающееся, несмотря ни на что, заимствование концепций (идей, эмпирических обобщений) исторического процесса, получивших признание среди западноевропейских представителей исторической науки, для оценки и объяснения исторической реальности, имевшей, как и продолжающей иметь место в настоящее время в России. Очень часто – даже без видимости их критики, просто в силу признания их "там". Подобно тому, как заимствовались в разное время на том же Западе и продолжают заимствоваться образцы одежды, вооружения, породы скота и птицы, сорта полевых культур, технологии и технологическое оборудование для самых различных производств и т. д. Эмпирические обобщения, формирующие историческое видение западноевропейского ученого – всего лишь одно из заимствований в этом бесконечном ряду.

Но, как уже давно и хорошо известно любому и каждому, имеющему хоть сколько-нибудь продолжительный опыт жизни в России, не все то, что годится и оправдывает себя "там", обязательно будет оправдывать себя еще и "здесь". История перечисленных выше заим-

ствований дает тому достаточное количество примеров. Другое дело, следуют ли за этим какие-нибудь выводы и если следуют, то какие. Именно в отношении заимствований опыта интерпретации имеющихся свидетельств русской истории никакие выводы не последовали. Целиком это относится и к либеральной, господствовавшей до 1917 г., и к марксистской концепциям этой истории – одинаково заимствованным и одинаково в качестве знания на почве российской действительности себя не оправдавшим. Кажется достаточно уже обожглись? Ан нет, времена меняются, установка на заимствование остается. И сейчас многие историки не находят ничего лучшего, как вновь и вновь обращаться к апробированным на Западе, на материале западноевропейской истории теоретическим и методологическим наработкам при решении проблем российской истории. Разве что начинает приходить понимание того, что они в таком случае выполняют роль актуальных идеологических стереотипов, не более того.

Но в результате приходится констатировать практическое отсутствие эмпирических обобщений на материале самой русской истории, будь то прошлой или настоящей, какие могли бы послужить ее объяснению, подобно тому, как обобщения (идеи, концепции) коллег российских ученых из стран Запада служат объяснению (хотя бы отчасти) истории их стран и народов, тех или иных относящихся к ним событий. Иначе говоря, понимание русской истории отсутствует даже в том неполном и неглубоком виде, в каком оно достигнуто на сегодняшний день западноевропейскими учеными в отношении их собственной истории в итоге, как было сказано, более чем двух с половиной тысячелетнего упорнейшего труда по ее объяснению. Как следствие, иначе чем кризисным положение дел в современной историографии русской истории, представленной работами будь то отечественных (российских) историков или их зарубежных коллег, назвать нельзя.

Третье, что тоже немаловажно. Не только в России, но и на том же Западе современная историографическая ситуация оценивается многими в настоящее время, в первую очередь из числа самих работающих там ученых, как кризисная, ввиду очевидной (теперь уже очевидной) несостоятельности, в том числе и для объяснения их собственной истории, ряда недавно еще господствовавших (признанных) в их кругах концепций исторического знания. Тем более абсурдным выглядит заимствование этого опыта в попытках объяснения того, что имело, (имеет, продолжает иметь) место в России.

В качестве альтернативы, правда, выдвигается порою требование изложения фактов как таковых, дабы предоставить читателю возможность самому делать необходимые выводы. Но, во-первых, читатель, как правило, не владеет необходимыми навыками такой работы. Говоря по-другому – делания этих самых выводов. А кроме того, факты ведь все равно приходится подбирать – в том числе и для такого изложения истории – в соответствии с какой-то заранее сформулированной концепцией, иначе в них можно просто утонуть. И мы опять возвращаемся к тому же, как говорится в таких случаях, "на круги свои" со всеми последствиями.

В итоге: существует не малого объема литература по вопросу объяснения российской истории, содержащая самые разнообразные по глубокости соображения и подходы к решению этой проблемы, и вся она, по существу, может быть охарактеризована одним словом – не работает. История России по-прежнему продолжает оставаться дисциплиной в своем положительном содержании сугубо описательной (событийной), крайне бедной сколь-нибудь значимыми для нее самой, для объяснения ее собственного предмета эмпирическими обобщениями (не говорю, что их совсем нет).

Хорошо сказано об этом у М. О. Кояловича в его книге История русского самосознания. (Минск. Лучи Софии. 1997). Издана она впервые, правда, еще в 80-х годах девятнадцатого столетия, однако остается безусловно актуальной и по сегодняшний день, как остается актуальным и проводимым в ней взгляд на состояние дел с тем, что может быть названо объяснением в историографии отечественной истории:

"Еще в юные годы моих изысканий по русской истории, когда приходилось вращаться в необозримой массе фактов, как в громадном, густом и темном лесу, я, естественно, искал в этом лесу тропинок, дорог, проложенных и прокладываемых другими к изучению этого леса и к выходу на такую возвышенность, с которой можно было бы обозревать все его пространство и узнавать главнейшие его части, изученные по этим тропинкам и дорогам. На этих путях я часто видел как бы руководящие надписи: "Объективность, научность"! Но историческое чутье и горький опыт слишком часто показывали, что эти надписи не верны, что вместо их нужно бы написать: "Субъективность, известный угол зрения"! Я возвращался назад с этих путей, забирался в новые чащи фактов, искал новых указаний, но опять находил ту же неверность и на новых путях. В томительных поисках надежных путей к истине я стал обращаться к ученым, известным во всем мире своей объективностью, – к немецким ученым, занимавшимся русской историей (тогда это были немецкие ученые – М. З.). Но к величайшему изумлению увидел, что у них еще большая неверность в надписях на путях познания "Объективность, научность", что у всех этих г.г. Байеров, Миллеров, Шлецеров под внешней оболочкой научности, объективности скрывается самый узкий немецкий субъективизм." (Стр. 13).

И еще несколько далее:

"Читатели могут видеть, что я пришел к этому вопросу не только по указанию русского чувства, но и по научным требованиям. Занимая столько лет кафедру русской истории, я не мог не полюбить исторической истины, и не менее других могу уважать научные приемы знания, облегчающие достижение ее. Но чем дальше, тем больше я приходил также к тому убеждению, что в истории область объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно, нередко даже в области простейших голых фактов. И древнейший наш летописец, писавший бесхитростно свою летопись, и последний подъячий московских времен, составлявший простую бумагу, и ученейший русский историк новейших времен – все субъективны, все высказывали и высказывают так или иначе свое понимание дел."

(Стр. 34).

Перед нами именно то, о чем у нас шел разговор выше. Правда выводы Коялович сделал прямо противоположные и задачи, соответственно, поставил перед собой в своей книге несколько иные, чем мы здесь пытаемся решить:

"Желая не менее других, чтобы в нашем знании по русской истории увеличивалась более и более сумма достижимых объективных истин, но в то же время устранившись от бесплодной погони за объективной истиной там, где ее в чистом виде быть не может (это ж надо так разувериться в возможностях познания! - М. З.), я признал более научным и полезным разобратся прежде всего в разного рода субъективизмах по изучению русской истории." (Стр. 34-35).

Я как раз остаюсь в убеждении, что объективность, научность тут все-таки достижимы, притом, что поставленная Кояловичем задача - разобратся с разного рода субъективизмами - остается по-прежнему актуальной. Разобратся, чтобы очистить пространство для собственно научных обобщений, для начала эмпирических, но таких, которые могли бы на самом деле послужить объяснению русской истории. Прежде всего, конечно, в таком важнейшем для всего ее понимания вопросе, как появление в Поднепровье государства киевских русов в столь специфических, нигде более не встречающихся условиях.

Такое, конечно, легче сказать, чем сделать, ибо обыденное наше мышление, к которому по необходимости мы вынуждены будем здесь прибегать (пока не построена теория), можно сказать, по природе своей сплошь пронизано этими самыми субъективизмами - не теми, так другими - освобождение от которых на практике отнюдь не такая простая задача, как это может на первый взгляд показаться. Но попробуем.

2. Аналогичное положение, скажем уже заодно, сложилось и в политической экономии - относительно недавно сформировавшейся экономической дисциплине, претендующей на объяснение идущих где-то в глубине экономических процессов, каковые неизменно сопровождают перипетии событий политических, составляющих видимый слой исторического бытия любых народов. Ибо также и здесь сколь-нибудь удачные эмпирические обобщения относятся целиком к экономической истории и политике развитых стран Европы, а все неудачи при попытках следовать разработанным на их основании рекомендациям приходятся на Россию. (Не только на Россию, конечно, но остальные нас в данный момент не интересуют.) И опять, как и в предыдущем случае, здесь до последнего дня, можно сказать, продолжает отсутствовать понимание того, что бы все это значило. В качестве иллюстрации - такая вот констатация положения дел в этой области и его оценка согласно одному из современных учебников (Мостовая Е. Б. Основы экономической теории. Москва-Новосибирск. 1997):

"В 90-е годы мы стали свидетелями серии сокрушительных провалов отечественных и зарубежных экономистов, ведущих теоретические

изыскания на макроуровне. Эти провалы для многих служат доказательством отсутствия экономической теории или, во всяком случае, отсутствия ее в России." (Стр. 11).

Напрашивающееся уточнение после всего сказанного. Упомянутая серия сокрушительных провалов, свидетелями которой мы стали в 90-е годы, прилась на российскую экономику, а не на "экономистов, ведущих теоретические изыскания", будь то отечественных или зарубежных. С последними ровным счетом ничего не случилось. А вот обязана она была им своими провалами – это действительно. Причем, обязана предсказуемо, ибо и те, и другие воспитаны были на западноевропейской экономической классике, а стало быть, исходили в своем понимании стоящих перед российской экономикой насущных задач из изложенных именно в ней азов этой науки, прошедших апробацию на имевшем место именно и только там опыте. Означенные провалы, поэтому, отнюдь не являются доказательством отсутствия экономической теории вообще либо ее отсутствия в России. Они свидетельствуют о другом – об отсутствии ее для России. Тут совсем другая экономическая ситуация, какую получаемое в том числе и отечественными экономистами образование, как и их буквальная завороченность достижениями западноевропейской экономики, попросту не позволяют увидеть. И с этого пути их, кажется, не в состоянии свернуть никакие провалы.

Приведу только один пример: Егор Гайдар с его свидетельством полученного образования и усвоенных приоритетов; как следствие – видением проблем российской экономики и постановкой задачи ее перестройки в его бытность премьер-министром. Ну и – результатами его премьерства, безусловно ожидаемыми, согласно знаменитой формуле сменившего его на том же посту Черномырдина: хотели как лучше, а получилось как всегда. "Как всегда" в российских условиях – это хуже прежнего, причем еще и много хуже, как правило. И это именно всегда, когда дорвавшиеся до руля российской экономики политические авантюристы, ошеломленные достижениями западноевропейских промышленности и сельскохозяйственного производства – действительно ошеломляющими, надо признать – хотя и "как лучше", не задумываясь при этом, благодаря чему там такое вообще стало возможным. Благодаря чему стал возможным, в частности, тот увиденный ими на Западе рынок, с которым у них связываются до последнего времени все надежды на поднятие отечественной экономики и который они столь безуспешно пытаются внедрить у себя в России.

Я имею в виду в данном случае его книгу Дни поражений и побед. (Вагриус. Москва. 1996). Собственно для искомой характеристики нашего автора достаточно уже одного абзаца из предисловия к ней. Вот как он представляет в нем свои Дни:

"Здесь мне хотелось рассказать, как видел все происходящее молодой ученый из интеллигентной московской семьи, волею судьбы втянутый в круговерть новейшей российской истории. Надеюсь, что это поможет лучше понять, о чем я и мои коллеги-единомышленники думали, чего опасались и на что надеялись, когда разрабатывали и

проводили в жизнь стратегию и тактику рыночных реформ в России." (Стр. 10).

Но попытка реформирования экономики, как и вообще общественной жизни на началах рынка – того самого, европейского – в России уже предпринималась, я имею в виду период с 1861 по 1917 гг. Причем, в обстановке куда более к тому располагающей, если вообще возможно говорить о расположении обстановки в России к подобного рода переменам. Чем это для нее обернулось, хорошо известно. При таких обстоятельствах куда важнее было бы "лучше понять" как такое вообще могло произойти, что могло подвигнуть нашего молодого ученого, вкупе с его единомышленниками, на повторение столь однозначно провального для экономического благополучия страны эксперимента? Гайдару вынесение на обсуждение этой проблематики в голову не приходит – очевидное следствие той самой замороженности достижениями западноевропейской экономической практики, о которой говорилось выше. Думаю, для характеристики его как экономиста в тех обстоятельствах большего не требуется.

Как можно понять из его книги, начало этой его замороженности было положено еще в детстве, детским же, соответственно, впечатлением от "невиданного по советским масштабам богатства магазинов" (Стр. 18), пережитым им во время посещения Югославии – следствие взятого здесь тогда курса на либерализацию экономической жизни. Этого оказалось достаточно. Все последующие его устремления, как следует из нее же, целиком были подчинены решению одной задачи: разобраться, как такие вещи вообще становятся возможными. И наш автор углубился в литературу, к которой и где только сумел получить доступ. Естественно, это была литература, аккумулирующая опыт экономических отношений и экономической политики наиболее развитых и удачливых в этом отношении стран Европы, т. е. даже не Югославии:

"Старший брат Никита дарит книжку, ставшую любимой на десятилетия, двухтомник Адама Смита... Достая изданный в 1963 г. небольшим тиражом базовый университетский учебник экономики, очень популярный в эти годы в Америке, да, пожалуй, и по всему миру – Экономике П. Самуэльсона... В 1973 поступаю на экономический факультет МГУ... Университетская библиотека открывает огромные возможности для самообразования: Рикардо, Милль, Бем-Баверк, Джевонс, Маршалл, Пигу, Кейнс, Шумпетер, Гелбрейт, Фридман и многие, многие другие." (Стр. 24-26).

Вот список авторов, ставших его учителями. И, конечно, Маркс. Причем, Маркс в этом ряду не исключение, ибо воспитывался на той же литературе, разве что список ее по понятной причине был в то время много короче. Марксизм – производное западноевропейского опыта общественной жизни периода становления тут буржуазных отношений, как и фантазий, навеянных этим же опытом (см. три источника марксизма). Я не говорю сейчас о правильности или ошибочности сделанных им или кем-то из упомянутых авторов выводов, но о том, что сделаны они на основании изучения и обобщения опыта экономических

отношений буржуазного общества – до противоположности отличного от опыта экономической жизни, какой можно было бы почерпнуть из изучения российской экономической истории.

Гайдар, по существу, повторил тот же путь в своем образовании как экономиста, соответственно, о его выводах можно повторить то же самое. Он их резюмировал в следующих тезисах, после всего сказанного совершенно ожидаемых:

"Становится совершенно очевидным, что, не запустив рыночные механизмы, принципиальных проблем советской экономики не решить... Видимо единственно возможный осмысленный путь – попытаться сформировать предпосылки постепенного эволюционного поворота экономики на западный путь развития... Иными словами, цель-минимум состоит в том, чтобы с наименьшим ущербом выйти из социалистического эксперимента, подталкивая власть в направлении постепенных рыночно ориентированных либеральных реформ." (Стр. 33-34).

Где-то растут бананы, а у нас – репа. Бананы, как известно, слаще репы. Осознание этого факта делает "совершенно очевидной" необходимость выхода из социалистического эксперимента с репой, подталкивая власть в направлении постепенного перехода к эксперименту с бананами.

Но, повторю еще раз, такой эксперимент в России уже проводился при куда более благоприятных для ожидаемого его исхода обстоятельствах, чем во времена (в период) премьерства Гайдара. А тогда куда большее впечатление должны были производить пустые полки магазинов наследовавшего ему (этому эксперименту) и явившегося его прямым следствием периода построения здесь социализма. Продолжая принятую выше аналогию – ни репы, ни бананов, что в условиях России, безусловно, следовало ожидать. Не впечатлили.

В этой связи примечательным выглядит выбор им эпиграфа к своей книге-исповеди: "Но поражение от победы ты сам не должен отличать". Наш бывший премьер, похоже, надеется, что история его еще оправдает.

В заключение три цитаты из книги известного писателя Юрия Полякова, Апофегей российского масштаба. Интервью разных лет. (Москва. Росмэн. 2004), одного из немногих здравомыслящих людей в современной России, голос которых слышен. Правда, голоса эти, сколько бы их ни было, следует признать, ничего или почти ничего тут не решают, о чем остается только сожалеть. Но это отдельная тема, в которую я сейчас углубляться не буду.

Итак, цитата первая. Из интервью, данного в 2002 г. журналисту Солидарности (Стр. 448-449):

"Мы в истории крушения советской цивилизации имеем почти беспрецедентный пример предательства элитой государственных и национальных интересов. Реформы определяли люди с западной ориентацией. Они, быть может искренне, хотели, чтобы у нас было так же, как и там. Они не понимали, что Россия – совершенно особый мир и что все цивилизации в мире идут своим путем. Искусственное перенесение форм, выстраданных англо-американской цивилизацией

в иных исторических обстоятельствах, приведет к их отторжению... Понятно, что это близко нескольким тысячам людей, которые больше живут на Западе, чем в России. Но определяют то жизнь страны не они, а миллионы людей, живущих по иным принципам и традициям... И когда на одну чашу весов ставишь полные московские магазины и обожравшихся буржуев, а на другую чашу – обнищавшую Россию, то возникает вопрос: а в чем привар-то?"

Тут Поляков не прав. Миллионы эти в данном случае откровенно держат за баранов, что, судя по тому, как они реагируют на происходящие (происшедшие) перемены, не далеко от истины. А в остальном – практическое повторение того, о чем говорилось выше.

Еще о том же практически. Из интервью газете Гудок, от 23 июля 2002 г. (Стр. 412):

"Товарищи или господа, называйте себя как хотите, но если вы будете делать из России Америку, вы просто погубите Россию, которая, кстати говоря, нисколько не хуже, а во многих отношениях лучше Америки."

С поправкой, опять же: не хуже и не лучше, просто у нее нет выбора, как оставаться самой собой. Альтернатива – Поляков тут совершенно прав – перестать существовать вовсе как страна, как государство народа с тысячелетней историей, точнее, того, что еще осталось, пока еще осталось (и если еще осталось) от этого народа и его государства.

И еще из того же интервью тремя страницами далее. По поводу проведенной в Литературной газете дискуссии, имевшей, как тут же сказано, большой общественный резонанс. Дискуссия на тему: Десять лет, которые потрясли...:

Вопрос корреспондента: "Скажите пожалуйста, а лично для себя вы что-то новое вынесли из этой дискуссии?"

Ответ Полякова: "Я вынес из этой дискуссии печальный вывод: если консервативно мыслящие деятели культуры и политики готовы к диалогу, то либеральное крыло абсолютно не готово. К сожалению, мы опять сталкиваемся с тем, с чем уже сталкивались в нашей истории: консервативные силы общества оказываются более толерантны, более готовы к компромису, социальному и идеологическому, нежели те силы, которые пишут на своих знаменах лозунги свободы. Вот парадокс."

Могут сказать только, что либерализм в России своих корней не имеет. Это всего лишь реакция на существование благополучного Запада, так сказать, на рефлекторном уровне, подобно реакции павловской собаки на звонок. И она, эта реакция будет существовать столько, сколько будет существовать Запад. Компромиса не будет. Можно назвать это трагедией трех последних веков русской истории. Итог проведенной в Литературной газете дискуссии – всего лишь очередное тому подтверждение.

3. А сейчас сама история на примере образования на территории Поднепровья государства киевских русов. Та же Восточная Европа с

теми же особенностями ведения в ней производящего хозяйства. Соответственно – и с особенностями состоявшегося тут его (государства) образования, и с господствующими в объяснении (описании) этого образования субъективизмами, если продолжать придерживаться принятой упоминавшимся выше Кояловичем терминологии. С некоторыми из них мы попробуем здесь разобраться. Вот, например, что говорит об этом образовании А. Е. Пресняков в своих Лекциях по русской истории, начнем с этого:

"Вопрос о том, как представить себе процесс перехода от древнейшего племенного быта к историческому строю городских земель-областей, труднейший в истории Руси. Все попытки вывести второе явление из первого в виде органической эволюции не дают никакого результата и обречены на неизбежную неудачу. Городские волости-земли явились на развалинах племенного быта, не из него выростали, а его разрушали." (А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М. 1938. Т. 1).

Согласимся с автором: все попытки вывести второе явление из первого в виде органической эволюции действительно обречены на неудачу. Сюда же следует отнести и все попытки вменить этому новому историческому строю своих, доморожденных князей, что неизменно приводит, не может не привести все к тем же эволюционным построениям обретения славянами Поднепровья своей государственности. А значит – и к той же неудаче таких построений. Причина может быть одна: мы в данном случае имеем дело с возникновением нового качества человеческого общежития, а такие переходы, или возникновения не совершаются постепенно.

На таком фоне так называемую норманскую теорию выгодно отличает проводимый в ней самым последовательным образом взгляд на возникновение Древнерусского государства как на явление, носящее скачкообразный характер. Остановимся на этом подробнее. Вот как излагает ее основные положения В. О. Ключевский в своих Лекциях по русской истории:

"До половины IX в., т. е. до прихода варягов, на обширном пространстве нашей равнины от Новгорода до Киева по Днепру направо и налево все было дико и пусто, покрыто мраком. Жили здесь люди, но без правления, подобно зверям и птицам, наполняющим леса. В эту обширную пустыню, заселенную бедными, разбросанно живущими дикарями, славянами и фидами, начатки гражданственности впервые были занесены пришельцами из Скандинавии варягами около половины IX в. Известная картина нравов восточных славян, как ее нарисовал составитель Повести о начале Русской земли, по-видимому, оправдывала этот взгляд. Здесь читаем, что восточные славяне до принятия христианства жили "зверским образом, скотски", в лесах, как все звери, убивали друг друга, ели все нечистое, жили уединенными, разбросанными и враждебными один другому родами... Итак. Нашу историю следует начинать не раньше половины IX в. изображением тех первичных исторических процессов, которыми везде начиналось человеческое общежитие, картиной выхода из дикого состояния." (Лекция VII).

Выхода из дикого состояния, повторим еще раз, каким проживающие в этих местах аборигены обязаны были пришельцам из Скандинавии.

Картина, безусловно, утрированная. В самом деле, вынужденные жить в лесах, и в таком случае люди жили, конечно, не без правления и не одними только враждебными друг другу родами. И если убивали друг друга, то опять же, по-людски, а не "как все звери" (много ли сама процедура от этого выигрывала – другой вопрос). И не начатки гражданственности были занесены пришельцами "в эту обширную пустыню", а начатки государственности, что совсем не одно и то же. Но по интересующему нас существу она верная: новое качество не вырастает из старого, а возникает на его месте и при этом еще и разрушает его, как это совершенно верно замечено Пресняковым в процитированном выше отрывке из его Лекций.

Искомое решения, вместе с тем, мы не имеем и на этом пути, при всех отмеченных его преимуществах. Пока не имеем во всяком случае. Ибо племена тут обитали и раньше, вооруженные банды из стран, обладавших уже известным опытом государственного строительства объявлялись и раньше, а государства не было.

Норманисты так называемые, проблему эту видят и время от времени предпринимают попытки найти выход из создавшегося положения. Воз, однако, и ныне там. В качестве примера, посмотрим как она решается Карамзиным, я имею в виду, конечно, его знаменитую Историю государства Российского:

"Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных и хитрость честолюбивых вводили самовластие. В России оно утверждалось с общего согласия граждан, так повествует наш летописец – и рассеянные племена славянские основали государство, которое граничит ныне с древнею Даниею и с землями Северной Америки с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира." (Глава IV).

Наш историк, таким образом, видит искомое решение по существу в некоей аномалии, носящей характер выходящего из всех рядов случая. Он восхищается этим случаем, умиляется им, приглашает нас разделить с ним его умиление. Дело, однако, с места не двигается. Ибо случай подобного рода, чтобы состояться, должен быть все-таки подготовлен какой-то отсутствовавшей прежде возможностью, по-другому – созревшими в недрах старой общественной формации необходимыми для этого предпосылками. В предлагаемом Карамзиным решении этой проблемы о появлении такой возможности ни полслова.

В нескольких словах, заодно уже, о значении этого труда Карамзина для историографии русской истории в целом, в контексте принятого здесь изложения, думаю, будет не лишним. Если совсем коротко, выходом его отмечено появление на Руси историка и истории принципиально нового типа, который можно уже назвать современным. С него же, по существу, ведет официальный тсчет своего существо-

вания и историография этой новой истории. Далее цитата из статьи Ю. Лотмана Колумб русской истории:

"Пушкин назвал Карамзина Колумбом, открывшим для своих читателей Древнюю Русь подобно тому, как знаменитый путешественник открыл европейцам Америку. Употребляя это сравнение, поэт сам не понимал до какой степени оно правильно. Мы знаем теперь, что Колумб не был первым европейцем, достигшим берегов Америки, и что само его путешествие сделалось возможным лишь благодаря опыту, накопленному его предшественниками. Называя Карамзина первым русским историком, нельзя не вспомнить имен Татищева, Болтина, Щербатова... Но только его История государства Российского сделалась не еще одним историческим трудом, а первой историей России... Она перевернула сознание русского читающего общества."

Впечатление действительно было произведено огромное, однако Ю. М., по моему, увлекся, вменив Карамзину в заслугу еще и переворот в сознании (самосознании) русского образованного общества того времени. Но как Колумбу нельзя вменить в заслугу переворот в общественном сознании совершенной им экспедиций, так нельзя сказать этого и в отношении труда Карамзина. Сначала все-таки переворот в умах, который подготавливает триумфальное восприятие подобных событий.

В таком контексте приведенная оценка места Карамзина в историографии русской истории определенно нуждается в уточнении, какое мы находим в другой его характеристике, данной все тем же Пушкиным: "Первый историк и последний летописец". Внимание, или акцент т. о. переносится с новизны как таковой на прагматическую значимость предприятия в глазах общества, в соответствии с тем, что пришло время, когда в моду вошло новое понимание подобных событий.

На этом аналогия с Колумбом и его экспедицией заканчивается и начинаются расхождения. Главное среди них для нас состоит в следующем. Задача, которую решал Колумб, в чем ему решающую поддержку оказало новое для того времени отношение в обществе к подобным предприятиям – превратить частное дело, предпринимавшееся до сих пор по случаю и на свой страх, в государственное и регулярное. Карамзин, напротив, получил поддержку со стороны верховной власти, включая монарха, именно своей частной инициативе, своему особому мнению в прочтении истории, до сих пор на таком уровне не поощрявшимся – вплоть до демонстративного отсутствия цензуры. Традиционная власть таким образом делала очередной шаг (какой уже по счету) в направлении своей делегитимации.

4. Но вернемся к вопросу о возможности, или предпосылках, подготовивших появление государства киевских русов. Напомню, мы остановились на том, что с наступлением нового периода в отечественной историографии, отмеченного выходом в свет Истории Карамзина, в решении вопроса о возникновении Киевской Руси, в качестве причины этого возникновения прочно занял не мотивированный появлением

подготовившей его возможности случай. Вместе с тем предпринимались отдельные попытки ввести все-таки в изложение столь судьбоносного для осевших здесь народов события представление о такой возможности, утраченное в связи с отказом от принятой в Повести парадигмы исторического мышления и видения предмета начала русской истории. Другое дело, насколько они могут считаться результативными.

Одной из таких попыток подходящей для иллюстрации положения дел в этой области на сегодняшний день представляется решение этого вопроса, предлагаемое М. Я. Геллером в его Истории российской империи. (Т. 1. МИК. Москва. 1997). Достижения, как увидим, свелись к расширению рамок процесса. Означенный главный недостаток – отсутствие того, что можно было бы признать (принять) за искомое объяснение обсуждаемого здесь появления Киевской Руси, между тем, остается. Цитирую:

"Есть в появлении Руси в это время в письменной истории логика, которую можно назвать, используя слово, ставшее модным гораздо позже, логикой геополитики. Возникновение в середине VII в. арабской мусульманской империи делит Средиземное море на две части: южную – мусульманскую, северную – христианскую. Раздвигая границы своих владений, арабы в IX в. превращают Средиземное море в свой домен, закрывают его для западной торговли. Купцы поворачиваются на север. Создаются торговые пути, использующие Северное море, Рейн, Балтику. Из Балтики норманы, варяги, как называет их летопись, выходят в Черное море. Повесть временных лет подробно описывает "путь из варяг в греки" и обратно: вверх по Днепру, затем волоком ладьи перекачиваются до Ловати, оттуда попадают в Волхов, Неву, затем – Варяжское море (Балтика), по нему – до Рима, из Рима в Константинополь, Черное море и снова Днепр... Вдоль "пути из варяг в греки" стоянки торговых караванов постепенно превращаются в укрепленные фактории, затем – в города... Особое место среди городов занял Киев, ставший столицей первого русского государства. Летопись называет 882 г. временем основания Киева, "матери городов русских". (Стр. 15-16).

И все. Более уже к вопросу происхождения Киевской Руси Геллер не возвращается. Попробую прокомментировать.

Возражение 1. Арабы в IX в. не закрывают Средиземное море для западноевропейской торговли, не то у них отношение к торговле вообще, как и торговым путям в частности. Закрытие его для западноевропейских купцов – другое дело. Но согласитесь, это не одно и то же. Сама же торговля, очень похоже, благодаря такому соседству, только выиграла, оживилась, чему можно найти подтверждение в источниках.

Возражение 2. Купцы повернуть на север не могли, ибо и тут их ничего хорошего не ожидало. Напомню: в том же IX в. началась скандинавская экспансия, нашествие викингов, назовите как хотите, перекрывшее им аналогичным образом доступ к торговле уже по морям Балтийскому и Северному. Разбойниками викинги были отменными, как известно, не хуже, во всяком случае, арабов. Почему северный путь

при этом мог оказаться для купцов более безопасным, Геллер, опять же, не объясняет.

Возражение 3. И на самом деле источники отмечают оживление торговли в этот период по северному торговому пути. Однако велась она, как и следовало ожидать, самими викингами (варягами, согласно Повести) и, что еще более существенно, шла в обход Поднепровья – по Дону и Волге. Соответственно, никакого отношения к происходившим здесь в то время политическим потрясениям иметь не могла и не имела. Данные археологии того времени свидетельствуют об этом, по-моему, совершенно однозначно.

Возражение 4. Наконец, "путь из варяг в греки" – это именно путь из варяг в греки и ничего более. Из варяг ладожских, уточним, обретавшихся на скудной донельзя на пропитание, как и на все остальное в то время, будущей Новгородской земле – в Византию в поисках лучшей доли, связывавшейся тогда в их кругах в первую очередь с наемничеством. Не случайно по всему поэтому мы застаем на нем Аскольда и Дира с их родом, держащими путь на Царьград в видах, надо понимать, именно такого наемничества.

Другое дело – встретить на нем еще и купца. Первое и единственное упоминание о пути из варяг в греки в таком качестве мы находим в Повести в связи с экспедицией, предпринятой Олегом. И то, обратите внимание, купцом он тут всего лишь придурился:

"В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов... И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что де мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим."

И все. Ни в каких других источниках, ни даже в самой Повести путь этот в роли торгового более не упоминается. Тем более, не приходится говорить о нем как спасителе европейского рынка того времени.

Вернемся к Геллеру. Осталось ли еще что-нибудь от надуманной им от начала до конца геополитики? По-моему, ничего. Как и от предлагаемого им решения интересующего нас тут вопроса.

Подведем итог.

Мы не можем назвать причиной возникновения государства русов в Приднепровье приглашение варягов "из заморья" хотя бы уже потому, что никто их туда не приглашал. А там, куда якобы приглашали, государства так и не возникло. Хотя приглашение само по себе, если бы оно и было, не могло решить этой проблемы.

Мы не можем назвать в качестве такой причины в том числе и цивилизованность узурпировавших тут власть находников, их уже состоявшееся знакомство с началами государственного строительства, богатый опыт которого был накоплен к тому времени в странах Западной Европы. Ибо, как уже было однажды сказано, вооруженные банды из стран, обладавших известным опытом такого строительства

объявлялись тут и раньше, а государства не было. Притом, что определенная их цивилизованность, можно предположить, таки сыграла свою роль при образовании Киевской Руси.

Мы не можем назвать в качестве такой причины и оживление транзитной торговли между Европой Западной и, так называемым, Востоком по "пути из Варяг в Греки", поскольку свидетельствами такого рода попросту не располагаем, ни письменными, ни археологическими. Хотя и оживление такой торговли само по себе, если бы оно и имело место, совсем не обязательно решило бы эту проблему. В подтверждение можно сослаться на пример все той же Новгородской земли с проходившим по ней торговым путем, оживление транзитной торговли по которому в это время таки имело место, государство же так и не возникло. И не только "ближе к концу IX в.", но и ближе к концу X в., и ближе к концу XI в. и т. д., вплоть до огосударствления этой территории при Иване III (это другое).

Посмотрим теперь, что мы можем. Я назову здесь одно такое обстоятельство, которое, если и нельзя назвать достаточным для появления государства киевских русов, то, во всяком случае, может быть идентифицировано в качестве необходимого условия его тут появления, или возникновения, как и последующего существования в качестве состоявшегося уже государства. Это резко активизировавшаяся в рассматриваемый период экспортная торговля из региона Поднепровья, подтверждаемая на сей раз равно письменными источниками как и данными археологии (в отличие от мифической транзитной), что является важным свидетельством существующего уже в этих краях государства. Связь неизбежная, ибо наемникам (варягам), представлявшим госаппарат в данном случае, совершенно необходимо было платить, а обязательное по тем временам для этого золото и серебро могли быть приобретены князьями только одним способом: на внешних рынках. Своего золота, как и серебра, в Киевской Руси не было.

Конечно, международный разбой мог составить и составлял на самом деле, как мы знаем, важную статью доходов киевских князей, призванных удовлетворить их потребность в этих металлах. Однако основные поступления в казну должны были обеспечиваться все-таки регулярным экспортом, иначе государственная активность взваливших на себя ее бремя варягов потеряла бы смысл. По крайней мере - для них самих. Важная подробность: экспортная торговля активизировалась в это время исключительно за счет поставляемых на внешние рынки славянских рабов.

Следует, может, еще сказать, что экспортировавшееся из Киевской Руси ее славянское население в роли товара отмечено было самым высоким качеством, отвечавшим самым высоким предъявлявшимся тогда к такого рода потребительным стоимостям требованиям. Но и в самом деле, славянин из Восточной Европы удовлетворял этим требованиям уже в силу условий, в которых ему приходилось вести свое хозяйство, которые, будучи предельными, воспитывали в нем предельную же неприхотливость и исключительное трудолюбие. По-другому здесь

просто невозможно было выжить. В итоге как работник он был вне конкуренции. А при необходимости – и как воин, при деятельном и удачливом командовании.

5. Теперь очередь свидетельств, которые могли бы подтвердить сделанное предположение о характере проводившейся новорожденным государством русов налоговой политики (характере ведомого в нем производящего хозяйства, можно так еще это сформулировать). То, что в это время рынки соседних стран были заполнены толпами славянских рабов – факт, как сказано, достаточно подтверждаемый источниками. Нам, однако, для наших целей этого не достаточно. Крайне важно, кроме того, еще и другое: чтобы рабы эти попадали в руки князей (варягов), прежде чем окажутся в итоге на рынках тех или других стран, в виде подати, или, что в данном случае то же самое – в результате и процессе совершаемого ими ежегодно в их землях полюдья. Искомые свидетельства, стало быть, должны содержать описания полюдья или полюдий, которые, остается надеяться, будут включать необходимые к тому подробности и, тем самым, разрешат стоящую перед нами сейчас проблему.

Традиционно в роли такого свидетельства, позволяющего как будто составить достаточное представление о том, как в действительности происходило и в чем состояло полюдье, называют его описание, содержащееся в трактате Константина Багрянородного (Парфирогенита) Об управлении империей. Привожу по имеющемуся у меня его переводу:

"Зимний же и суровый образ жизни росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется кружением, а именно – в Славинии вервианов (древлян?), кривитеинов (кривичей?), севериев (северян?) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепре, возвращаются в Киев."

Первое, что обращает на себя здесь внимание – отсутствие малейшего намека на собираемые подати в виде уводимых для продажи в рабство славян "которые являются пактиотами росов". Возвращающиеся из полюдий архонты, похоже, никого кроме себя самих сытых и пьяных в Киев не везут (не ведут). Мог ли император, знающий не понаслышке о значении для управления народами собираемых с них налогов, упустить такую подробность, буде она на самом деле имела место? Полагаю, что нет. При условии, конечно, что подробность эта таки имела место, это во-первых. А во-вторых – была еще и понята, если имела.

То, что имела место, более того, составляла основную цель всего мероприятия, говорит уже использованный для его названия термин: полюдие. У нас впереди об этом еще предстоит разговор. А вот в том, что была понята – у меня большое сомнение. И еще в чем я сильно сомневаюсь – в том, что мы имеем тут дело со свидетельством в собственном значении этого слова. Константин, очень похоже, в данном случае был больше озабочен другой проблемой: всего

лишь подобрать для проводимых на Руси полюдий подходящий аналог из практики управления государствами, с которой и которыми он был тогда больше знаком. И такой аналог он нашел в том, что в его описании фигурирует как кружение. Очень похоже, что перед глазами у него при этом стояло кружение Карла Великого, под которое он и подравнял свое описание оставшихся непонятыми им полюдий. А тогда мы имеем в нем дело всего лишь с обычным приемом объяснения неизвестного явления через известное, с каким мы встречаемся и в других греческих источниках, коль скоро их авторы сталкиваются с подобными же проблемами.

Так начавших в VIII в. создавать свои колонии в Приазовье и Причерноморье неведомых до тех пор им шведов, греки, не долго задумываясь, стали называть росами – по имени населявших ранее (некогда) эти места, но по какой-то причине потом их покинувших, чем-то похожих на них русов (ругов). Впервые, кстати, шведы так названы в источнике за 839 г. со ссылкой именно на греков. Я говорю сейчас о знаменитых Бертинских анналах.

Другой пример. Тех же русов, объявившихся вновь на черноморском побережье уже в IX в. и уже в Таврии, греки до какого-то времени называли тавроскифами – по имени прежде населявших эти места чем-то похожих на них скифов. И лишь разобравшись спустя какое-то время, вернулись вновь к их прежним наименованиям: росы, русы и т. д.

Для иллюстрации, думаю, достаточно.

В качестве примера попытки, одной из последних, разобраться все-таки с природой полюдья, приведу посвященный специально решению этой проблемы отрывок из книги И. Я. Фроянова Рабство и данничество. Вот как это выглядит в его исполнении (см. стр. 466 – 469):

"Как представляется нам возникновение полюдья? Прежде всего, необходимо подчеркнуть недопустимость отождествления дани с полюдьем. По происхождению дань – явление внешнего порядка, тогда как полюдье – фактор внутренней жизни восточнославянского общества... Косвенным аргументом здесь могут послужить лингвистические данные.

Как известно, слово "дань" является праславянским. Иное дело термин "полюдье", который лингвистами признается восточнославянским. Его позднее появление указывает по нашему мнению на поздний (сравнительно с данью) характер полюдья. И это понятно, поскольку вражда племен, сопряженная с ограблением побежденных победителями существовала издревле, а внутренние сборы, за исключением, пожалуй, культовых, появлялись по мере становления института вождей, т. е. в результате внутриобщественных перемен и сдвигов."

Тут уместно будет сделать небольшой перерыв, дабы процитировать сноску, данную Фрояновым несколькими страницами ранее, раскрывающую термин полюдье еще с одной стороны:

"Характерен в этой связи сам термин "полюдье", восходящий к слову "люди". На языке восточных славян "люди" есть "свободные члены рода, свои среди своих" (Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л. 1986. Стр. 144). Важно подчеркнуть, что в эпоху

родового быта людьми называли своих (там же). В Древней Руси люди выступали как "свободные подданные, народ, подвластный, но свой." (Там же, стр.141). Отсюда и полюдье - это сбор со своих, но не с чужих. Последние, как мы знаем, платили дань." (Стр. 462).

Естественно напрашивающийся вопрос из тех же лингвистических соображений: почему сбор "со своих", а не "своих"? Мы далее к этой теме еще вернемся. Теперь же продолжим прерванную цитату.

"Не противоречит нашему предположению древнейшее происхождение слова "дар", семантически связанного с полюдьем и дублетного дани. Дело в том, что смысл слова "дар" не был неизменным. По наблюдениям ученых, он менялся следующим образом: дар - культовый дар - дары князю - налог, подать. В этой смысловой цепи наше внимание останавливают дары князю. По-видимому, они возникают тогда, когда должность вождя становится постоянной. А это происходит, судя по всему, в результате складывания родственных союзов типа летописных полян, северян, словен и пр., наблюдаемого на заре восточнославянской истории (VI - VIII вв.).

Учреждение постоянной должности вождя-князя есть следствие внутренних процессов, протекающих в восточнославянском обществе, на определенном этапе развития которого возникает потребность в такой должности. И она создается. Вокруг нее формируется правящая племенная верхушка. Постоянный вождь-властитель необходим обществу и оно всячески поддерживает его. Одной из форм поддержки и были дары людей - своих, соплеменников. Сбор даров проходил посредством объезда племенной территории, другими словами - хождения по людям. Отсюда название объезда: полюдье. Вскоре и дары, собираемые во время обхода людей стали называться тоже полюдьем.

Таким образом, полюдье есть порождение родоплеменного сообщества. Оно органически входило в систему общественных связей первобытного строя, не нарушая его традиционных устоев. Полюдье нет никаких оснований считать следствием окняжения восточнославянских племен, или их завоевания. Полюдье возникало как общественно необходимый и общественно полезный институт, обеспечивающий нормальное функционирование власти правителя (вождя, князя), а следовательно, и социума в целом.

Нечто похожее на полюдье проглядывает в сообщении Тацита о германцах: "У германских племен существует обычай, чтобы все добровольно приносили вождям некоторое количество скота или земных плодов; это принимается как почетный дар, но в то же время служит для удовлетворения потребностей." Во франкском королевстве была распространена практика подарков королю. В Малых Лоршских анналах за 750 г. говорится, что подарки приносили королю "по старому обычаю". Кроме этих регулярных подарков королевскому семейству приносили еще и особые дары по случаю его домашних торжеств."

Ну и так далее. Нет смысла продолжать, нового уже не будет. Перейду к комментарию. Насколько можно коротко и лишь самое в нашем случае главное.

Начнем с того, что институт вождей не возникает в результате

внутриобщественных перемен и сдвигов, как не возникает, например, в результате внутриобщественных сдвигов институт семьи или институт изгойства. Я могу назвать и еще. Другими словами, институт этот сопровождает человека на протяжении всей его истории вплоть до рассматриваемых тут событий, какие бы социальные трансформации при этом ни происходили. Таким образом, полюдьё, поставленное в столь жесткую связь с действующим институтом вождей, тоже должно было бы сопровождать человека на протяжении всей его истории, чего в действительности не происходит.

Далее. Дань с полюдьём действительно недопустимо смешивать. И это единственное, пожалуй, с чем можно здесь согласиться. Но полюдьё не следует смешивать в том числе и с даром. Дар, подарки – категории, характеризующие отношения скорее личные, ни "семантически", ни "дублетно" с полюдьём не связанные. Кстати, их в жесткую связь с институтом вождей поставить как раз можно и, даже, нужно. Но и в самом деле, первое, что происходит уже в стаде или стае высших животных – устанавливается иерархия. Первое следствие установившейся иерархии – появляется вожак. Первое следствие его появления – ему достаются, уступаются, "добровольно преподносятся" лучшие куски. Назовите стадо племенем, а подносимые куски даром – ничего ровным счетом не изменится.

Как и институт вождей, в государстве традиция дарения быстро редуцируется и в любом случае не составляет содержания, ни даже сколь-нибудь существенной части господствующих здесь отношений классов (сословий). Тогда как полюдьё может и составляет. В противном случае государство попросту не образуется. Ставить то и другое в один ряд, пытаться объяснить одно через другое – расписываться в непонимании содержания уже двух терминов.

Короче, перед нами тот же прием объяснения неизвестного явления через известное, с каким мы встречаемся и в трактате Константина Багрянородного в предпринятой им попытке объяснения полюдьё через кружение. Только теперь место кружения занял дар, на сей раз еще и непонятый, пожалуй, не меньше, чем непонятым для цитируемого здесь автора осталось полюдьё. В итоге интересующая нас специфика этого явления, подобно тому, как это произошло и с описанием его у Константина, остается невыясненной.

Теперь, какой мне видится реконструкция явления, или события, именуемого полюдьём. Опираясь при этом я буду прежде всего на свидетельство Повести временных лет, не менее известное, чем описание полюдьё в трактате Константина Багрянородного; далее – на арабские источники, тоже достаточно известные; наконец – на лингвистические соображения, как известные, так и не очень, но по-моему, замечательно очевидные.

Начнем с летописного свидетельства, роль которого отведена здесь описанию полюдьё князя Игоря в Древлянской земле. Напомню существенные в нашем случае его подробности:

"В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: "Отроки Све-

нелъда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем князь с нами за данью, и себе добудешь, и нам." И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: "Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще."... Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: "Если повадился волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит." И послали к нему, говоря: "Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань.""

Первое, о чем следует сказать: судя по способу, каким эта "дань" собирается, речь, конечно, идет о налоге, или подати, каким, или какой в этих местах представляется интересующее нас полюдье. По той же причине не приходится говорить и о подарках, как того хотелось бы Фроянову. Не располагает к подобным ассоциациям в том числе и используемая лексика: "и себе добудешь, и нам", "и творили насилие над ними мужи его". Подарки с бою не берутся.

Еще одна характерная в этом отношении деталь – назначение осуществляемого сбора, прочитываемое в обращении дружины к Игорю: "Отроки Свенелда изоделись оружием и одеждой, а мы наги." Еще одно подтверждение того, что речь в данном случае идет не о подарках князю, но о содержании дружины, на что тогда в первую очередь подобные сборы предназначались.

И еще остающаяся невыясненной подробность: что все-таки собирали тут Игорь с его дружиною в качестве "дани"? Вот что говорят об этом сами древляне, ну почти говорят: "Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его. Так и этот." Характер "дани", как видим, если и не назван напрямую, то, по крайней мере, обозначен с пугающей прямо-таки образностью в свете того ее содержания, о котором мы говорили выше.

Посмотрим теперь, чем могут нам помочь арабские источники. При всей очевидной их спорности, источники эти обладают тем преимуществом, что сообщают о событиях, происходивших в самой Восточной Европе, с самими ее жителями, что еще не менее важно – без попытки какой-либо их модернизации. Жанр, удачно определенный С. Э. Цветковым как бытовая зарисовка. Приведу цитату с одной такой зарисовкой из его Русской истории (Книга I), для наших целей будет достаточно:

"Из всех евангельских заповедей русы с грехом пополам следовали только одной: будьте как птицы небесные, которые "ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницу". Действительно, по словам Ибн Русте, у русов не было "ни поместий, ни деревень, ни пашен". Но Русская земля была гнездовьем хищных птиц, она процветала за счет грабежа соседних народов и прежде всего – окрестных восточнославянских племен. Русы, говорит тот же автор, "питаются только тем, что увозят из земли славян. Они производят набеги на славян, причем садятся на корабли, отправляются к славянам, захватывают их в плен, увозят их к хазарам и болгарам (волжским) и продают."... Славянские рабы

были главным предметом экспорта в Русской земле." (Стр. 439 - 442).

Ссылка на Евангелие в данном случае по меньшей мере неуместна. В остальном - именно та картина классового (сословного) расслоения и классовых взаимоотношений в русском обществе того времени, включая совершаемые в их контексте полюдья, о котором и которых мы говорили выше. Разве что автор наш (я в данном случае говорю о Цветкове) на сей раз пытается "семантически и дублетно" связать их уже с грабежом. Но тут уж или - или. Я имею в виду, что при существующем государстве награбленное не может составлять основной предмет осуществляемого с его территории экспорта, о чем мы тоже уже говорили. Либо же до образования государства дело все еще не дошло, чего, насколько можно понять, не имеет в виду и сам автор.

Наконец, лингвистические соображения, некоторые из них ранее уже приводились. С них и начнем. В таком, например, порядке. Что слово это позднее, это раз. Отражает, судя по употреблению, отношения внутренние, еще и регулярные, что не менее существенно, это два. Судя по имеющимся описаниям - отношения новой власти во главе с князем (князьями) с местным славянским населением в роли податного, это три. Наконец, слово это восточнославянское, т. е. несет в себе некоторую специфику, обретенную в отношениях с податным населением именно в Восточной Европе. Она то нас сейчас и интересует.

Так вот, специфику слова полюдье, поскольку речь идет о первоначальном его употреблении, следует искать прежде всего в его этимологии, как ничто другое, наверное, в подобных случаях способной отразить это употребление. Этимология же, тут более чем прозрачная. В самом деле, людье или людие в древнерусском языке то же самое, что люди в нашем современном, в употреблении встречается и то, и другое. Тогда полюдье - это по людье. В переводе на современный русский следовало бы сказать: по люди. Чувствуете разницу? Не как у Фроянова: по людям, а как оно было на самом деле поначалу. Как ходят по грибы, по ягоды. Специфика действительно только восточнославянская, совершенно совпадающая с той, которая прочитывается здесь в том числе и с использованием других источников.

Ну и о сроках.

Сойтись должны были два условия. Первое - достаточно уже заселенная и обжитая славянскими колонистами территория, чтобы можно было содержать на ней необходимую для образования государства профессиональную администрацию. Будем считать - нам просто ничего другого не остается, ибо какая-то статистика отсутствует - что к моменту образования Киевской Руси условие это на территории Поднепровья было уже выполнено.

Но должно было быть выполнено и еще одно условие, не менее в интересующем нас плане существенное: появление в этих местах исключительно энергичной и воинственно настроенной дружины находников, готовых взять под свое управление и защиту проживающее здесь население, как и исполнение остальных следующих из этого

обязанностей. Вот он, все еще остающийся момент случайности, с которым приходится считаться, поскольку речь заходит о времени образования Киевской Руси. Как с девушкой на выданье: девушка уже созрела (возможно уже перезрела, возможно уже не девушка), однако и в таком случае должны еще объявиться до нее охотники. Хазары, как мы знаем, такой охоты не проявили, предпочитая довольствоваться данью (что в случае с девушками на выданье называется добрачными отношениями, или связями).

Остается уповать, повторю еще раз, на дружину находников, готовых на большее, чем обложение населения этих мест данью, для чего им предстоит еще сломить сопротивление колонистов – неизбежное, коль скоро эти последние начнут уяснять для себя направление такого развития событий. Напомню: речь идет уже не просто о необходимости определенных выплат продуктами и т. д., но под удар в таком случае ставятся еще и их традиционные институты управления. И если при всем том такая дружина в конечном счете объявляется и ей это удастся (девушку, оказывается, надо еще уламывать, манерная такая девушка), на свет появляется новое государство. Оно, конечно, должно еще доказать свое право на существование в конфликтах со своими соседями, с теми же хазарами в нашем случае (бывшими хахалями манерной девушки), что тоже не быстро делается. Но это уже подробности.

Такой энергично настроенной дружиной находников стал в данном случае прибывший из района Ладоги отряд вооруженных шведов под предводительством Аскольда и Дира. То было время, когда разрастающееся население существовавшей в этих местах с конца VIII в. шведской колонии с возрастающей регулярностью исторгало из себя подобные отряды, или банды, (дружины), назовите как хотите, отправлявшиеся в разные стороны в поисках службы и удачи. Главным образом – в Византию (в Царьград), где, ввиду ведомых постоянно ею (им) войн, легко находили себе применение. Они и стали первооткрывателями и первопроходцами знаменитого – правда благодаря исключительно Повести временных лет – пути из варяг в греки, на котором мы и застаем упомянутый отряд шведов. В версии Повести событие это выглядит следующим образом:

"И было у него (Рюрика) два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: "Чей это городок?" Те же ответили: "Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам." Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян."

Событие датировано 862-м годом.

Повторю еще раз. В отряде (дружине, банде, шайке) Аскольда и Дира мы имеем дело всего лишь с одним из таких отрядов на давно и хорошо знакомом им пути, включая, само собой, расположенные на нем торговые города. Включая, само собой, и Киев. Вместе с тем,

именно с данным их здесь появлением связывается новая история Киева и окружающего его Поднепровья. Но что могло заставить их изменить ранее принятому решению и остаться на сей раз в этом городе, как сказано об этом в процитированном выше отрывке из Повести, ведь остановка явно не была запланированной?

Ответ напрашивается сам собой. Изменить ранее принятому решению, намеченной ранее цели заставило наших бояр, очевидно, то, за чем мы и застаем их вместе с их дружиною непосредственно следом за сделанной ими тут остановкой. Я говорю сейчас об открывшейся перед ними возможности начать владеть землей полян, т. е. встать во главе государства. Что в данном случае могло рассматриваться как другое, подвернувшееся решение все той же проблемы - трудоустройства на государственную службу, как она тогда понималась, ради которой они, собственно, и отправились в Царьград со своим родом. Новость, подвигнувшая их на столь драматическое изменение планов в таком случае могла состоять исключительно и только в заметном на их опытный в таких делах глаз увеличении славянского населения полянской земли, которое, как показали последующие события, и на самом деле смогло на сей раз оправдать сделанный ими выбор.

Возникновение государства, таким образом, состоялось. Но это еще не интересующая нас здесь Русь, следует подчеркнуть, ибо во главе его встали шведы. Потом их в этом качестве сменили русы, начиная с Олега с его дружиною, пришедшие уже с юга (бывшие тавроскифы). Тоже важный момент, поскольку, начиная с него, образованное государство стало еще и Русью. Произошло это, согласно Повести, в 882 году. Т. е. искомое начало включает в себя на самом деле две даты: дату образования государства, во-первых, и вторую дату - превращения образованного государства еще и в русское, государство русов.

Почему и зачем при составлении Повести, Ярославу, прозванному много времени спустя Мудрым, понадобилось, чтобы Рюрик с его Русью пришел и сел в 862 году в не существовавшем тогда еще Новгороде (шведская Ладога при этом не упоминается вовсе), а Аскольда и Дира представить всего лишь его боярами "не его рода" - отдельная история. Суть ее в двух словах в следующем. В продолжительной войне за великокняжеский стол значительную поддержку Ярославу в качестве союзников и наемников оказали именно шведы. Им в первую очередь и следовало, после окончательного разрыва этих связей, указать место в новой, сложившейся после 1036 года, расстановке политических сил. В Повести это нашло отражение в виде разрешенной на тот момент версии того, "кто в Киеве начал перее княжить".

Ситуация забавно повторилась, скажу уже заодно, спустя семь веков в царствование Елизаветы Петровны, когда бывшим союзникам в борьбе за власть потребовалось таким же буквально образом указать их место в изменившейся к тому времени расстановке политических сил. И опять это были шведы, и опять это был вопрос о причастности их соплеменников к образованию русского государства. Обязанность теперь уже историка, как это стало называться, была возложена на сей раз на проявившего себя тогда во многих науках (и не только)

Ломоносова. У Ломоносова, однако, с исполнением этой обязанности обнаружились проблемы.

"Последняя проблема: почему сарацинские вторжения начали слабеть задолго до отвоевания византийцами Крита и норманского завоевания Сицилии? Какую роль сыграли внутренние факторы, действовавшие в исламском мире, а какую – ответные удары со стороны христиан? Без сомнения, в X веке напор мусульман повсюду ослабел, или обратился вовнутрь для распространения инакомыслящих идей. Но не было ли в этом также и экономических факторов, таких, как, например, развитие маршрутов через Сахару и приток африканских рабов в Ирак и Египет, который снизил привлекательность охоты за людьми в Европе?" (Л. Мюссе. Варварские нашествия на Европу. Стр. 283 – 284).

Можно долго перечислять "задолго до" чего начали слабеть сарацинские вторжения. А поскольку история все еще не закончилась (надеюсь), будущие поколения смогут этот перечень продолжить. Куда продуктивнее, по моему, было бы приглядеться внимательнее к тому, с какими событиями это ослабление мусульманского напора по времени совпало. И если приток рабов в Ирак и Египет действительно мог иметь в этом заметное значение, то в роли такого достойного внимания события, безусловно, следует назвать и образование Киевской Руси. Следствием этого события, напомню, стала отмеченная многими источниками активизация торговли рабами, поступавшими из Поднепровья главным образом именно на рынки Востока, где с ними по качеству и дешевизне доставки не могли конкурировать ни рабы из Африки, ни, тем более, из западноевропейских стран, которые, к слову, сюда и не попадали практически. Отвоевание византийцами Крита, как и норманское завоевание Сицилии могли в таком случае лишь способствовать закреплению уже достигнутого к этому времени результата.

Так что если уже заводить разговор о геополитике, то связь тут просматривается прямо противоположная той, которую пытается навязать ей М. Геллер. Именно, арабская экспансия предшествующих веков никакого отношения к образованию Киевской Руси не имела и иметь не могла, повторю еще раз. Но вот к резкому ослаблению этой экспансии в X в. образованная уже Киевская Русь отношение как раз имела, возможно даже решающее, ибо ничего более сопоставимого по масштабу возможного воздействия на нее в тот период не просматривается. Но и в самом деле, Европа за Пиренеями вряд ли тогда представляла значительный интерес для арабов в роли объекта завоевания. В частности – в силу непривычного для них климата. Но главным образом – еще и в силу уже имевшихся обширных завоеваний, удовлетворивших первый голод своих завоевателей. В связи с чем центр тяжести в мотивации продолжающейся экспансии неминуемо должен был сместиться на удовлетворение потребности в постоянном притоке рабов, необходимых для освоения уже захваченных территорий. Выход Киевской Руси на внешние рынки со своим товаром в таких обстоятельствах оказался как нельзя более кстати. Впервые купить

раба стало дешевле, чем взять его в качестве трофея в результате кровопролитного сражения. Мотивация к экспансии, продолжавшейся более двух предшествующих столетий, пошла на убыль. На убыль, как следствие, пошел и тот самый мусульманский напор, который она все это время подпитывала.

История повторилась четыре века спустя с аналогичным давлением на ту же Европу теперь уже со стороны монголов. И вновь:

"России, - по проникновенным словам Пушкина, - определено было высокое предназначение, ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией." (История России под ред. А. Н. Сахарова и др. Т. 1. Стр. 247).

Как следует из сказанного выше, это спасение Европы "растерзанной и издыхающей Россией", было на самом деле не первым. И еще вопрос, какое из них стоило ей большей славянской крови.

6. В заключение (вместо заключения) хочу обратить внимание читателя на одно любопытное явление отечественной историографии (продолжающей оставаться для меня не менее отечественной), состоящее в том, что в отличие от начала русской государственности, участие в котором пришлого элемента стараются в последнее время всеми силами преуменьшить, конец этой государственности, напротив, с таким пришлым элементом с не меньшим энтузиазмом стараются как раз связать, имевшее же место участие, будь то действительное или мнимое, всеми силами стараются преувеличить. В первую очередь это относится, конечно, к трагедии, происшедшей с русским народом и его государственностью в 1917 г., а также последовавшим затем событиям. Только теперь роль такого пришлого элемента, и теперь уже негативная, возлагается на евреев. Тем самым еврейская тема в историографии русской истории уравнилась, можно сказать, с варяжской, а по напряженности и болезненности переживания для достаточно широкой аудитории с обеих названных тут сторон, в том числе и далекой от какой бы то ни было науки (для нее, может, в первую очередь), куда как ее превзошла.

Я попытаюсь сейчас проиллюстрировать кое-что из имеющегося арсенала претензий, предъявляемых к последней волне пришельцев, какими переполнено немалое число посвященных данной теме работ, на примере характерной в этом отношении, донныне далеко не утратившей своей аудитории книги И. Шафаревича Русофобия. Правильнее было бы, скорее, назвать ее Юдофобией, если следовать фактически решаемой в ней и с ее помощью задаче. Ну да дело, конечно, не в названии.

Начну с представления нашего автора и следующих из этого ожиданий от его работы. Далее перейдем к рассмотрению того, в какой степени он эти ожидания оправдывает. Что представляет собой автор Русофобии, можно узнать, например, из предисловия редактора к его

книге, тому его изданию, точнее, которое имеется в моем распоряжении (Москва. Советский писатель. 1991). Так вот, автор Русофобии, как его с предыханием представляет этот редактор, "специалист в области теории чисел и алгебраической геометрии, один из немногих современных творцов математики, увенчанный почти всеми званиями и наградами... создатель большой школы, высоко ценимой во всем мире." Какое все это имеет отношение к истории – я, честно говоря, не понял. Где дом и где дача, как говорят в таких случаях. Кое-что, вместе с тем, можно извлечь и из такой рекомендации. Именно: автор – человек, занятый основательно в точной науке и знающий, стало быть, цену содержательной аргументации, что естественно настраивает на соответствующие ожидания. Тоже немало.

Если бы не существование одного поразительного прямо-таки феномена. У представителей таких точных наук (добавьте сюда физиков с их Сахаровым), стоит им выйти за границы своей профессиональной компетенции, моментально обнаруживается изумительная легковесность в суждениях относительно новоизбранного предмета их интеллектуальных изысканий, какую в отношении предмета своей собственной профессии они бы себе никогда не позволили и никакому другому залетному специалисту не простили. Начиная с того, что их в таких случаях начисто перестает интересовать научная методология и волновать та неразбериха, которая царит здесь с определениями понятий. А царит она в той или иной степени в любой дисциплине за указанными пределами, чего бы это ни касалось и какими бы громкими именами ни прикрывалось. В том числе – и в истории, если выход состоялся именно в историю и ее проблематику, как в нашем случае. Что, естественно, настраивает на ожидания прямо противоположные.

Вот эти последние ожидания Шафаревич в своей Русофобии действительно оправдывает, являя в ней прямо таки вопиющий пример небрежения всеми и всяческими правилами, соблюдение которых способно было бы придать хоть какую-то доказательность проводимым им тут идеям. Конечно, вопиющим пример этот является в сравнении с упомянутыми ожиданиями, какие правомерно, как будто, было бы связывать с ним в данном случае как с представителем точной науки. В отвлечении же от этого факта его биографии, работа, как было сказано, вполне репрезентативная, т. е. не хуже и не лучше того, с чем вообще приходится иметь дело в исторической литературе, в том числе и по данному конкретному поводу.

Сейчас пора уже обратиться к самой Русофобии. Посмотрим, откуда берутся такие оценки, насколько они согласуются с действительным положением дел в этой области. А по результатам можно будет еще и решить, кому тут следует посочувствовать: Шафаревичу ли, что у него такие нескладные страна и народ; русскому ли народу, что у него в защитниках числятся такие вот не умеющие грамотно сложить несколько слов Шафаревичи; или, наконец, евреям, в который уже раз сунувшим свои шнобели в откровенно не свое дело.

Я приведу всего один эпизод из его достаточно все-таки объемной работы, в интересующем нас плане, можно сказать, показательный.

В нем Шафаревич обращается как раз к событиям упомянутой выше трагедии, почему, собственно, он нам здесь ко двору и пришелся. Сначала тезис, формулирующий претензию, потом пример, иллюстрирующий по его мнению ее обоснованность. Цитирую:

"Каков же был характер того влияния, которое оказала на ту эпоху столь значительная роль радикального еврейства? Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имен в самые болезненные моменты среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней. Например, из большинства мемуаров времен гражданской войны возникает странная картина: когда упоминаются деятели ЧК, поразительно часто всплывают еврейские фамилии – идет ли речь о Киеве, Харькове, Петрограде, Вятке или Туркестане. И это в то время, когда евреи составляли всего 1-2% населения Советской России."

И не только в ЧК, добавим, но и в разного рода наркоматах этого периода, перекраивавших своими акциями жизнь страны в самых разных ее сферах и проявлениях, будь то образование, армия, промышленность, сельское хозяйство и т. д. Что, кстати, отмечает и Шафаревич. На той же странице чуть выше:

"Положение в 30-е годы можно представить себе, например, по спискам, приведенным в книге Дикого. Если в самом верховном руководстве число еврейских имен уменьшается, то в инстанциях ниже влияние расширяется, уходит вглубь. В ответственных наркоматах (ОГПУ, иностранных дел, тяжелой промышленности) в руководящей верхушке (наркомы, их заместители, члены коллегии) евреи занимали доминирующее положение, составляли заведомо больше половины. В некоторых же областях руководство почти сплошь состояло из евреев."

Обратите внимание: все перечисленные должности предъяляли повышенные требования к образованности занимающих их кадров. Но в таком случае заметное присутствие среди них евреев, при традиционном для них стремлении к получению образования, это с одной стороны, а с другой – при том голоде, который царил тогда на образованные кадры, при том жесточайшем тогда на них дефиците, явление ожидаемое. Тем больше возможностей предоставлялось выходцам из еврейских местечек послужить своим новым хозяевам, которые тем больше потом отблагодарили их за верную службу – известно как. Обычная в этой стране при установившейся новой власти история. Но главное – вот оно:

"Особенно же ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи... Николай II был расстрелян именно как царь, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории... Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представителя незначительного этнического меньшинства должны были держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая

Голощекин."

Напрашивающийся комментарий.

Начну с того, что означенная троица могла представлять и представляла на самом деле партию, в которой состояла; органы и организации, в которых служила; мировой пролетариат, наконец, к которому себя причисляла и от имени которого вершила свой скорый суд. Только не то самое незначительное этническое меньшинство, никто их от него не выдвигал и не уполномочивал. Т. е. правильнее, по существу, говорить не о представителях, коль скоро вопрос ставится вот так ребром, а о выходцах. Причем, выходцы они еще и буквальные, т. е. люди, поменявшие свою идентификацию, насколько, конечно, тогда это вообще было возможно (шнобели, по моему, тогда еще менять не умели).

Но и в таком случае, опять же, коль скоро так ставится вопрос, не лишне напомнить, что в расстрельную команду было отобрано 12 человек. Еврей среди них был только один – тот самый Юровский. Среди оставшихся одиннадцати – шесть латышей. Этническое меньшинство еще более незначительное представлено здесь в количестве в шесть раз большем, т. е. куда как весомее. У Шафаревича о том ни полслова.

С другой стороны: ну а большинство в это время куда смотрело? Подавляющее русское большинство того же Екатеринбурга, шире – Урала, еще шире – России? Положим, в ночь расстрела оно спало (святое дело). А в день перед этим? В неделю, месяц, год? В течение почти полутора лет со дня отречения и ареста царя и его семейства?

"Смешно, но во всей огромной империи Подруга (Вырубова – М. З.) была, пожалуй, единственной реальной заговорщицей, пытавшейся освободить Семью." – можем прочесть у Радзинского в его исследовании, посвященном жизни и смерти Николая II. Попытка была предпринята во время пребывания их в Тобольске. И это все! Действительно обхохочешся. Ни единого достоверного заговора, ни одной попытки освобождения за все месяцы заточения в Царском Селе, ни одной попытки и за месяцы пребывания их в последнем пристанище – Ипатьевском доме в Екатеринбурге. В том числе и во время наступления на него чехословацкого корпуса. Из того же Радзинского:

"В это время Чехословацкий корпус уже стоял под Екатеринбургом. Впоследствии будут много писать, как яростно рвались белые к Екатеринбургу – освободить Царскую Семью. А между тем, они очень странно "рвались". Пала Тюмень, уже взяты все крупные города вокруг, а Екатеринбург все стоит... В это время в Екатеринбурге – всего несколько сот вооруженных красногвардейцев. В городе много царских офицеров, здесь эвакуированная из Петрограда Академия Генерального штаба... И ни одной достоверной попытки освободить ипатьевских узников!"

Короче, единственное, с чем тут следует согласиться, что евреям и на самом деле стоило бы от всей этой грязной истории держаться как можно дальше. Дурное дело, как говорят, не хитрое, могли бы и сами управиться, образование тут не требуется. Хватило бы на

крайний случай и латышей (им, по версии Шафаревича, можно).

Но в любом случае упомянутая черта под многовековой эпохой русской истории была подведена на самом деле отнюдь не в Екатеринбурге и не евреями, сколько бы их там ни было, даже не с их участием. Ведь прежде, чем быть расстрелянными в подвале дома Ипатьева, Николай и его семейством должны были там оказаться. А для этого они должны были сначала быть преданными – тем самым упомянутым выше подавляющим большинством, именуемым русским народом, ибо не о частном же, в самом деле, лице, неизвестном никому обывателю и его семье идет речь. И не в ночь расстрела, в которую, как было сказано, большинство это спало, а много раньше. Если совсем официально – то в ночь состоявшегося отречения Николая II (неофициально, на самом деле, еще раньше).

В ту ночь, напомню, командующие всех пяти фронтов единодушно высказались за его отречение, т. е. предали его, по существу, если назвать вещи своими именами, именно как царя, монарха! Евреев среди них не могло быть, что называется, по определению. Вместе с ними отвернулся от своего монарха, предал его все по тому же существу и весь офицерский корпус Русской Армии, в подавляющем большинстве своем состоявший из русских (на то она и Русская). А с ними, кстати, – и весь цвет тогдашней русской интеллигенции, от имени которой выступает ныне со своими придурочными претензиями Шафаревич. Где же еще мог находиться в такое тяжелое для страны время этот цвет, не в Ташкенте же отсиживался! Ну и т. д. Страна с беспримерным в ее истории единодушием, как один человек, стала спиной не только к Николаю, своему самодержцу, но к трону вообще, самому принципу осуществлявшейся тут до последнего момента верховной власти. А уж кто потом, почти полтора года спустя, оказался председателем того самого местного совета, на территории которого был расстрелян преданный своим народом и брошенный им в полном смысле слова на произвол судьбы бывший царь – Белобородов ли (будь он трижды Вайсбарт) или кто-то из представителей любого другого из населявших ту Россию этносов, так ли уж это в конце концов принципиально, нашел, тоже мне, крайнего.

Кому как, а по-моему достаточно и этого. Остальное не лучше. Я говорю сейчас обо всей проделанной нашим автором работе. Науки тут не видно, ее тут не слышно, ею тут не пахнет. Ни слова, ни полслова о научной методологии. То же самое приходится повторить и в отношении определения понятий: ни единого определения чего бы то ни было, пусть всего лишь рабочего, ни хотя бы того, что такое русский народ, ни что такое фобия. Ни почему, кстати, фобия именно по отношению к русским – плохо. Ибо известная настороженность во взаимоотношениях народов – нормальное явление. В зависимости от характера этих отношений, она может принимать форму неприязни, нетерпимости, ненависти и т. д. Но никогда – даже элементарной симпатии, не говоря уже о любви, тем более страстной, с всхлипываниями и стонами, в какой пытались нас воспитывать в свое время на бывшей родине. И это, повторю еще раз, нормально. А если нормально,

то и выносить на обсуждение такие вопросы надо бы нормально, в смысле – спокойно, без подобного тому, какое имеет место в книге, нагнетания истерии.

И последнее, о чем осталось сказать. Еврейское меньшинство ведь не только у конца русской истории стояло (допустим), но, что для нас здесь не менее значимо, еще и у самого ее начала. В самом деле, еврей Андрей благословил место, где по его пророчеству много веков спустя возник "город великий" – Киев, первая столица русского государства на этой земле. Еврей Павел благовествовал среди славян в Иллирии "где первоначально жили славяне", которым, опять же, много веков спустя предстояло заселить сначала Восточную Европу, а со временем колонизовать и Сибирь. Здесь, вместе с Евангелием, сообщен им был Закон праведной жизни, которого следовало придерживаться на обетованной им Свыше земле. К слову уже, придерживались бы, избежали бы, может быть, и этой последней трагедии. Ну а общее руководство осуществлял небезизвестный еврей Иисус (Иешуа бен Иосиф), без благословения которого не могло состояться ни то, ни другое.

Уберите этих трех евреев, эту троицу с их благословениями – что останется от Начальной летописи, этого краеугольного, можно сказать, камня всей вообще историографии русской истории? Более того – от самой русской истории, если кто-то понимает, что означало для нее, всего ее хода принятое при Владимире в роли государственной религии Христианство? Что скажете на это, Игорь Ростиславович? Тоже на свой лад ритуальные акты, оставившие след во всей русской истории, как бы к ним с "высоты" современного атеистического воспитания ни относиться. А еще какой след! Не дает ответа.

Приложение II

КТО МЫ НА САМОМ ДЕЛЕ И ОТКУДА? ЗАМЕЧАНИЯ К ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

*Выбор, стоящий сегодня перед евреями,
как и перед неевреями, состоит не в том,
иметь или не иметь прошлое, а в том,
какого рода прошлое мы хотели бы иметь.*

Иосиф Хаим Йерушалми

1. Начну несколько издалека: с вклада еврейской истории, точнее, ее историографии – какой бы она ни была, мы с этим будем разбираться далее – в развитие европейской цивилизации, в те ее

достижения, которым сегодня, как никогда еще ранее, пришло время подводить итоги не всегда утешительные. Имеется в виду, если быть еще более точным, вклад в эти достижения историографии еврейской истории в том ее виде, в каком она была усвоена европейской культурой из Библии (Библейского Канона), этой священной равно для евреев и христиан Книги.

Так вот, мне по крайней мере, место это, или вклад представляется в виде одного из тех трех китов, на которых зиждется, которым вообще обязана своим существованием и всеми своими достижениями, равно духовными и материальными, европейская цивилизация, какой мы ее сегодня знаем. Имеются в виду три заложенные еще в древности (берущие начало в древности) традиции, без любой из которых она не могла бы состояться и вне любой из которых не может быть правильно понята. Это греческая традиция рационального отношения к действительности; римское правовое мышление (традиция уважительного отношения к закону); и то, о чем говорилось выше: традиция еврейского отношения к истории, обнаруживающая себя в том решающем значении, которое придается в европейской, шире – западной цивилизации осознанному участию (соучастию, точнее) человека в ее (истории) процессе. Поскольку традиция эта усвоена европейской цивилизацией из Библии, стоит еще раз здесь подчеркнуть, правильнее было бы назвать ее древнееврейской. Далее мы к противопоставлению "еврейская – древнееврейская" еще вернемся.

Или так еще можно сказать: история в глазах европейца имеет цель, достижение которой предполагает с его стороны приложение определенных усилий и оправдывает неизбежно несомые на этом пути жертвы. Естественно ареал европейской (западной) цивилизации включает в себя также и мир – т. е. территории и народы – за пределами географической Европы, поскольку происходившие здесь события имели (продолжают иметь) к ее становлению непосредственное отношение. В частности – и древний Израиль, явивший в этом регионе (ареале) первый пример такого осознанного участия (соучастия) человека в истории.

Что еще следует здесь отметить. Такое особое, или новое, небывалое доселе отношение человека к истории предполагает и новое видение им окружающего его мира, как и своего в нем присутствия и предназначения. Имеет смысл остановиться на этом несколько подробнее.

Вот, например, что об этом говорит С. С. Аверинцев в своей работе Греческая литература и ближневосточная словесность. (Автора, думаю, представлять не надо.) Свои соображения я изложу в комментариях к приводимым отрывкам. Тут характерен подзаголовок: Противостояние и встреча двух творческих принципов. Т. е. там и там – творчество, но насколько же по-разному оно понимается в двух этих столь непохожих, не пересекшихся пока еще духовно культурных феноменах. Сопоставляя древнегреческое представление о "космосе" и еврейскую концепцию "олама", Аверинцев замечает (см. конец первой части его работы):

"Греческий мир – это "космос", по изначальному смыслу слова... законосообразная и симметричная пространственная структура... Внутри "космоса" даже время дано в модусе пространственности... Внутри "олама" даже пространство дано в модусе временного движения – как вместительница необратимых событий... Бог Зевс – это олимпиец, т. е. существо, характеризующееся своим местом в мировом пространстве. Господь Бог – это Сотворивший небо и землю, т. е. Господин неотменяемого мгновения, с которого началась история, и через это – Господин истории, Господин времени."

Необходимое уточнение, прежде чем цитата будет продолжена. Аверинцев, по-моему, спешит с выводами. Прежде всего, Господин истории и Господин времени – не одно и то же. Отсчет времени действительно начинается с сотворения неба и земли, а Сотворивший их становится Господином времени. Но это еще не история. История начинается с другого неотменяемого мгновения – с сотворения человека, становящегося с этого мгновения непреходящим соучастником всех описываемых в Библии событий, всей творящейся здесь истории.

Но главное даже не в этом, а в том, что в творимой истории человек последовательно ставит и проводит (пытается, по крайней мере, провести) в жизнь другие цели, отличные от тех, которые ставит перед ним и к проведению которых призывает его Бог. Как Он Сам резюмирует столь непросто складывающиеся Его отношения с сотворенным Им человеком в Завете с Ноем: "Потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его." (Бытие. 8:21). А потому и сотворение человека не делает еще Сотворившего Господином истории. Следовало положить еще и не менее неотменяемую цель творения, достижение которой, в силу сказанного, необходимо предполагало бы, к тому же, возможность Его периодического вмешательства в процесс истории, дабы он мог получить искомое свое завершение.

В Библии имеет место и то, и другое: полагаемая Им цель и отслеживаемый Им же путь, претерпеваемый человеком в направлении ее достижения. Насколько актуально такое отслеживание с Его стороны, говорит пример уже первого человека с положенным ему запретом есть от древа познания, который он тут же и преступил.

Бог евреев, таким образом, Господин не только неотменяемого мгновения, с которого началась история, но, что не менее существенно – еще и не менее неотменяемого ее окончания. И только через это – Господин еще и истории. Как Он Сам говорит о Себе: "Я есть Альфа и Омега, начало и конец." (Откровение. 1:8). В Еврейской Библии (Танахе) подобного по выразительности стиха нет, но суть, по-моему, прочитывается и без специальной на то оговорки.

Можно теперь продолжить цитату.

"Структуру можно созерцать, в истории приходится участвовать. Поэтому мир как "космос" оказывается адекватно схваченным через незаинтересованное статичное описание, а мир как "олам", напротив – через направленное во время повествование, соотношенное с концом, с исходом, с результатом, подгоняемое вопросом: а что дальше?... Сквозной мотив Библии – Обетование, на которое не только позво-

лительно, но и, безусловно, необходимо без колебания променять наличные блага."

Исполнение обетования, на которое необходимо променять наличные блага – и есть результат истории, а равно и ее цель, о которых говорилось выше. По крайней мере – ближайшие ее цель и результат. В их достижении предполагается участие и человека, через которое равно и он становится господином истории. Или, лучше сказать – может стать, если примет предлагаемые ему Свыше условия этого участия. Вокруг чего, собственно, завязываются в Библии все сотрясающие излагаемую в ней историю коллизии.

"... Вот почему поэтика Библии – это поэтика притчи, исключаящая пластичность: природа и вещи должны упоминаться лишь по ходу действия и по связи со смыслом действия, никогда не становясь объектами самоценного описания, выражающего незаинтересованную радость глаз; люди же предстают не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты выбора и действия."

Подведем итог. Древние евреи – первый в известной человеческой истории народ, для которого ход текущих событий обрел направление, а его к ним причастность – характер осмысленного с учетом этой направленности выбора. С этого момента, можно сказать, в представление цивилизованного человечества, представляющих его народов все более конструктивно начинает входить мысль о том, что история, кроме событийного наполнения, имеет еще и цель, достижение которой зависит, конечно, от внешних сил и обстоятельств, что бы под ними ни подразумевалось, но не менее – еще и от активной позиции, занимаемой в ней самим человеком.

Мы будем далее именовать такие народы историческими народами, а ведомую ими жизнь – исторической жизнью. Термины вряд ли можно признать удачными, но ничего более подходящего в голову не приходит. Я постораюсь, по крайней мере, чтобы из контекста было понятно, о чем идет речь (там, где идет эта самая речь).

Ярчайший пример, по-моему, в качестве иллюстрации – история заселения Израилем обетованной ему земли. Как оказалось достаточно неожиданно, похоже, и для самого Израиля, она не была преподнесена ему, так сказать, на блюдечке, как преподносились до этого исход из Египта, манна и перепела в дни странствования его по пустыне и т. д., но должна была быть им отвоевана в очень нелегкой не войне даже, а в череде войн. Можно рассматривать это как первый урок требуемого участия человека в творимой Им истории, преподанный Богом избранному Им народу. Избранному из всех неисторических народов, следует уточнить, для жизни уже в качестве исторического народа (первое его избрание, ибо есть еще и второе: в роли, или качестве примера исторической жизни для остальных народов, а в дальнейшем предполагалось – еще и наставника, учителя этих других народов уже в их собственной исторической жизни и историческом творчестве).

Первая последовавшая на это реакция евреев – отказ от такого участия, на которое они перед тем как будто уже согласились: "И подняло все общество вопль, и плакал народ во всю ту ночь... И

сказали друг другу: поставим себе начальника и возвратимся в Египет." (Числа. 14:1,4).

В качестве наказания народ был в полном смысле выключен из истории на 40 ближайших лет, в продолжение которых мы практически ничего о нем не знаем. Как не знаем практически ничего о его прежней жизни в Египте; как практически ничего не знаем о его жизни в продолжительный период, последовавший за разрушением Первого Храма (об этом далее). Пока не появилось новое поколение потомков Израиля-Якова, готовое принять поставленное ему условие исторического существования на обетованной ему земле в заключенном с Богом Союзе (Завете).

Вот она - подлинная граница, отделившая Израиль исторический от Израиля прежнего, неисторического, как и от других неисторических народов, среди которых до этого ему приходилось решать проблему своего выживания.

К слову, Израиль и тут сумел показать свой характер. Я имею в виду, что вступление его в обетованную ему землю хоть и состоялось, но стоит обратить внимание - лишь одной ногой, если можно так выразиться. Ибо часть колен Иордан таки не перешла, на что было испрошено Его согласие (допускающая воля), как положено в таких случаях, не без последствий. В самом деле, мы больше не слышим о реках, текущих молоком и медом, ни о виноградных гроздьях, которые можно нести только вдвоем. Главное для нас здесь, однако, что Израиль как исторический народ состоялся.

Но все это в далеком прошлом и европейской, и нашей еврейской в том числе, истории. Тех древних греков, с которых мы начали этот свой разговор, давно уже нет, древних римлян - тоже. Вечная им память и благодарность от просветленного их творческим гением человечества. И только мы, евреи, продолжаем поражать мир своими неистребимостью и долголетием и сами не устаем им поражаться. И еще: богатством своего прошлого исторического опыта, явленного миру и нам самим в том числе - в этом мы от остального мира не отличаемся - в Библии (Торе, Танахе), именуемой в остальном христианском мире еще Ветхим Заветом.

Все это вещи совершенно известные (очевидные, по крайней мере, если совсем уже не закрывать на них глаза), очередное упоминание которых ничего уже добавить к нашему впечатлению о них не может. Я бы и не стал здесь этого делать, если бы не одно "но", возникающее каждый раз в таком контексте в связи с необычайной продолжительностью существования народа Израиля. Состоит оно в том, что библейским периодом означенное историческое его существование и исчерпывается - факт тоже совершенно известный.

Теперь попробуйте задаться вопросом: могли ли те же древние греки, не прервись их физическое существование как народа, перестать культивировать свою упомянутую выше традицию, тем более, в окружении народов, ее подхвативших и продолживших? Или древние римляне, опять же, продолжись их физическое существование в окружении их европейских приемников, перестать культивировать свою?

Между тем, с евреями произошло именно это: полное прекращение их исторической жизни в том виде, как о ней говорилось выше, за пределами легендарного библейского периода их истории. Более того, прекратилось и их историографическое творчество, вообще какая-либо письменная регистрация происходивших с ними событий. Евреи практически до Нового времени перестали писать свою историю.

Такого движения вспять, такой деградации самосознания, как и связанной с ним тесно культурной самоидентификации целого народа история больше не знает. Мне, по крайней мере, такие примеры не известны. Добавьте к этому практическое отсутствие историографически значимых свидетельств о народе Израиля, в том числе и со стороны его соседей по региону, на протяжении достаточно продолжительного промежутка времени, последовавшего за окончанием библейского периода его истории. По истечении которого перед нами оказывается подозрительно другой народ, пусть и под тем же именем, и с претензией на историческую преемственность с народом Библии.

Есть, таким образом, необходимость присмотреться внимательнее, во-первых, к самой Библии с обозначенных здесь точки зрения и позиции; во-вторых – к этому поражающему воображение провалу в историографическом сопровождении еврейской истории, ставшему одновременно временем формирования того нового народа, который в позднейших литературе и жизни стал идентифицироваться с прежним Израилем. Наконец, есть необходимость присмотреться более внимательно к самому этому новому народу, столь усиленно позиционирующему себя как Израиль, дабы лучше понять, с кем все-таки мы имеем дело, что, в свою очередь, может стать основанием для лучшего понимания происшедших тут изменений. Вот в самом общем виде круг тем и вопросов, которыми нам предстоит заниматься на протяжении предстоящего здесь изложения.

2. А сейчас посмотрим для сравнения как тема той же еврейской истории раскрывается в специально ей посвященной книге И. Х. Йерушалми Захор, или Помни, если перевести на русский язык. (Гешарим/Мосты культуры. 2004). Автор, согласно аннотации, – профессор иудаики Колумбийского университета (уже рекомендация), всемирно известный историк, автор многочисленных публикаций и т. д. Там же о книге: "Самая известная книга Йерушалми... блестящее исследование еврейской историографии от древности до новейшего времени... Поднимаемые им вопросы существенны как для иудаики, так и для современной гуманитаристики вообще."

Рекомендация, думаю, достаточная, чтобы с вниманием отнестись к постановке и решению выносимых здесь на обсуждение вопросов. С решениями, правда, у Йерушалми не очень получается. Но об этом в свое время. Меня, все-таки, в первую очередь, интересуют тезисы из его книги, перекликающиеся с тем, что было сказано о еврейской истории выше. Потом посмотрим, что здесь не так.

Из пролога к первому изданию – о мотиве, побудившем к ее напи-

санию: "В самой сердцевине этой книги кроется попытка понять то, что мне когда-то представлялось парадоксом, – тот странный факт, что, хотя иудаизм в течение долгих веков был поглощен поиском смысла истории, историография как таковая играла у евреев в лучшем случае вспомогательную роль, а то и вовсе не играла никакой роли."

Попытка понять этот же парадокс кроится в сердцевине и моей книги, как я уже говорил о том выше. Она, собственно, привела к постановке обсуждаемых здесь вопросов. С одной поправкой: "вспомогательную роль, а то и вовсе никакой роли" историография стала играть у евреев лишь в постбиблейский период их истории – одновременно с прекращением тогда же их исторической жизни. Одно тут неотделимо от другого.

Теперь более подробно о самом парадоксе:

"Именно в древнем Израиле истории было впервые приписано решающее значение и таким образом сформировалось совершенно новое мировоззрение, чьи основные предпосылки были позднее заимствованы также христианством и исламом. На небесах, по словам псалмопевца, могут по-прежнему провозглашать осану Господу, но Его воля и намерения открываются именно в земной, человеческой истории...

Судьбоносная встреча между человеком и Божеством внезапно переместилась из плоскости, так сказать, космическо-природной в плоскость истории, которая стала отныне трактоваться как чередование Божественных вызовов и человеческих ответов (и наоборот, следует обязательно добавить – М. З.). Языческая борьба богов с силами хаоса или друг с другом сменилась драмой совершенно иного и куда более мучительного характера: разворачивающейся в ходе истории парадоксальной борьбой между Божественной волей всемогущего Творца и свободной волей Его творения – человека, напряженной диалектикой покорности и бунта...

Ритуалы и праздники древнего Израиля перестают быть всего лишь повторениями мифических событий-архетипов, призванными отменить историческое время. Там, где они напоминают о прошлом, это уже не мифологическое, а историческое прошлое, в котором произошли великие и решающие для судеб Израиля события. Отнюдь не пытаюсь уйти от истории, библейская религия позволяет себе насквозь пропитаться ею и немыслима отдельно от нее." (Стр. 9-10).

Обратите внимание: "в древнем Израиле", "древнего Израиля", еще раз "в древнем Израиле" – именно то, о чем говорилось выше. Составители Библии, строго говоря, историками уже не были. Появление в составе Канона Книги Экклесиаста яркое тому подтверждение. Йерушалми дипломатично именуется их редакторами текста, "которые периодически "чистили" находившиеся в их распоряжении источники." И еще одно замечание в их адрес: "не стремились приводить их к полному соответствию друг с другом." (Стр. 15).

Остается согласиться. Есть только одно "но": все сказанное тут об Израиле не делает его еще историческим народом, каким мы находим его в Библии. Наличие у человека свободной воли, как и "напряженная диалектика покорности и бунта" ничего в этом отношении не меняют.

Совершенно необходимо, к тому же, осознание Израилем положенной Им цели истории как своей, требующей равно и с его стороны приложения сил для ее достижения. У Йерушалми об этом ни слова. Израиль был и остался для него народом по существу не историческим. Отсюда все дефекты последующих его рассуждений и заключений.

Но продолжим. Нас, напомню, интересуют подробности того, что когда-то представлялось Йерушалми парадоксом, какими он их видит:

"Ко II веку до н. э. свод библейских текстов был уже завершен и свое последующее влияние на еврейство он оказывал именно как целое... От Книги Бытия до Книг Паралипоменон Библия предлагала не только свод законов, поучений и религиозных предписаний, но и связный рассказ, который претендовал на описание всей истории от сотворения мира до V века до н. э., а в книгах пророков - еще и на глубокую интерпретацию этой истории... Вот почему многим казалось особенно странным, что после завершения библейского канона евреи практически перестали фиксировать исторические события." (Стр. 15-17).

Следует, опять же, уточнить. Первое. Евреи перестали фиксировать события своей истории не после завершения Библейского Канона, а после завершения ее библейского периода. Это не одно и то же. И второе. Библейский Канон предлагал не просто связное описание имевшей место истории, но такую связь, которая имела цель далеко выводящую за границы V века до н. э. Одна только фиксация событий периода Второго Храма, о которой говорит тут Йерушалми, этой задачи бы не решила. Но не было даже этого.

"Создается впечатление, будто во всем еврейском народе внезапно исчезает всякий импульс к историческому сочинительству. И действительно, если мы обратимся от Библии к классической раввинистической литературе, будь то Талмуд или Мидраш, то во всем, что касается истории, мы тотчас оказываемся в совершенно ином и незнакомом мире... Здесь острое библейское чувство времени и места зачастую уступает безудержной и беззастенчивой анахроничности. В мире агады Адам может обучать своего сына Сифа Моисеевой Торе, Шем и Эвер основывают религиозную школу (для изучения той же Торы), патриархи уже устанавливают те три ежедневных молитвенных богослужения, которые характерны для современной нормативной еврейской литургии, От, царь Вассона, присутствует на обрезании Исаака, а Ной предсказывает будущий перевод Библии на греческий язык!" (Стр. 18-19).

Другими словами, религиозный еврей, как и упоминавшийся выше древний грек, сегодня, как и тысячу, и две с половиной тысячи лет назад, живет вне исторического времени, демонстрирует полную неспособность исторического видения окружающего его постоянно обновляющегося мира.

Ну и как следствие:

"Если бы историю библейского периода пришлось воссоздавать не по Библии, а по раввинистическим источникам якобы пересказывающим Библию, это было бы совершенно невозможно... Еще более отрез-

вляющим и существенным представляется тот факт, что из обширной талмудической литературы невозможно извлечь историю самого талмудического периода. Исторические события первостепенной важности либо не зафиксированы вообще, либо упоминаются в столь отрывочном и легендарном контексте, что зачастую просто невозможно понять, даже на самом элементарном уровне, что же все-таки произошло.

И это обстоятельство порождает два вопроса. Первый состоит в том, что же раввины действительно совершили, а второй – что они даже и не помышляли совершить?" (Стр. 19-20).

Это обстоятельство порождает на самом деле больше вопросов, чем два названные. На некоторые из них мы попытаемся здесь ответить. Небезынтересно, думаю, будет сопоставить приводимые ответы с теми решениями, которые находит для них же Йерушалми в цитируемой его книге. Поскольку, конечно, он приводит в ней такие решения.

Начать имеет смысл с названных двух вопросов, раз уже названы. Тут, по-моему, очевидно. Что раввины действительно совершили? Объявили себя наследниками исторического Израиля, полученных им Свыше обетований и благословений, а равно и преемниками его миссии на этой земле. Что они даже и не помышляли совершить? А ничего, что из такого преемства следовало, или должно было последовать – т. е. продолжение исторической жизни этого уникального для своего времени народа и, тем самым, совершение замысла Божия. Историческая жизнь еврейского народа, какой мы ее знаем по Библии, с этим преемством прекратилась. Осталось банальное выживание, свойственное неисторическим (доисторическим) народам.

Йерушалми, в соответствии с его видением библейской истории, как и библейского Израиля, очевидно другое:

"Было бы и несправедливо, и ошибочно предъявлять к раввинистическим агадот требование историчности, которое не имеет никакого значения для их цели и сущности. Классическая раввинистическая литература никогда не замышлялась как историография, даже в библейском, не говоря уже о современном смысле этого слова, и ее нельзя судить по критическим меркам, приложимым только к исторической литературе как таковой." (Стр. 20).

Другими словами, вместо историографии занялись сочинением агадот. Народ неисторический, каким в представлении Йерушалми был и продолжает оставаться Израиль, может себе это позволить. Но в результате величайшая трагедия, происшедшая с одним из величайших из когда-либо существовавших на земле народов, оказалась сведенной к перемене его политической элитой ее интеллектуальных занятий. Всего лишь.

Сложнее ответить на вопросы: почему все-таки и как это произошло? Они являются центральными, по-моему, в понимании всего дальнейшего хода еврейской истории. Сложнее, поскольку наши раввины, при всей их прямо таки графоманской писучести, не оставили, как уже сказано, хотя бы хроники ее постбиблейского периода. Остается строить предположения.

Сейчас слово Йерушалми. Посмотрим, прежде всего, каков его ответ

(как он отвечает) на вопрос, почему?. Посмотрим для начала как он этот вопрос формулирует:

"Позволительно все же задать, по крайней мере, для пробы, вопрос, почему раввины не сочли нужным продолжить историю с того места, где библейский рассказ прервался. Ибо остается фактом, что раввины не только не создали постбиблейскую историческую хронику, но и не приложили никаких особых усилий, чтобы сохранить хотя бы то, что они могли знать о событиях непосредственно предшествовавшей им эпохи или их собственного времени." (Стр. 22).

Обратите внимание: не создали хотя бы хроники. Хроника или хроники – еще не история в том виде, в каком она нас здесь интересует, мы выше уже говорили об этом. При наличии письменности, их вполне можно было ожидать и от народов неисторических. Но не создали даже этого.

Теперь ответ Йерушалми – в форме предположения, как уже было сказано, ибо в отсутствие хотя бы хроники или хроник ничего более не остается:

"Сформулируем его простейшим образом. Если раввины, мудрые люди, унаследовавшие мощную историческую традицию, не проявляли интереса к текущей истории, то это попросту означало, что они больше не ощущали потребности культивировать эту традицию." (Стр. 24).

Вполне в духе процитированного выше его ответа на вопрос, что же произошло? И тоже не может быть признанным удовлетворительным, если нас интересуют причины (события), которые на самом деле могли повлечь за собой происшедшее изменение в отношении евреев к своей истории. То есть, раввинам в практическом уме действительно нельзя отказать, вряд ли кто-нибудь будет спорить. Но это не менее практически означает, что исчезновение у них потребности культивировать "эту традицию" должно было быть все-таки чем-то мотивировано. Сказать только "больше не ощущали в этом потребности" в данном случае будет недостаточно. Разве что нечего стало ощущать – тогда дело другое, о чем тогда и писать-рассказывать, о какой историографии в таком случае может тут идти речь?

Еще раз ввиду важности. Прекращение сложившейся в библейский период еврейской истории традиции историографии "попросту" могло означать только одно: прекратилась та самая историческая жизнь народа Израиля, проявлением которой (одним из проявлений) и была обсуждаемая здесь традиция. Перестали ощущать – потому что нечего стало ощущать. Вопрос, таким образом, следует переадресовать самой истории: почему прекратилась историческая жизнь исторического народа Израиля? Если только в этой продолжающейся жизни мы все еще продолжаем иметь дело с прежним Израилем, каким мы его знаем по Библии, напрашивается добавить. А в раввинах – с предводителями прежнего Израиля.

Так далеко, однако, Йерушалми в своих предположениях не заходит. Какая-то жизнь в его понимании продолжается и проблема, стало быть, сводится к тому, почему все-таки раввины перестали ее описывать. Наличие хроник, по всему видно, сняло бы для него эту проблему.

Т. е. главного из того, что произошло на рубеже библейского и постбиблейского периодов еврейской истории, он так и не понял. Его окончательный ответ на вопрос, почему? выглядит следующим образом, достаточно, можно сказать, ожидаемым после всего сказанного:

"И вдобавок они (раввины) поняли из Библии, что подлинный пульс истории зачастую бьется под ее видимой поверхностью и что именно там совершается незримая история, которая куда реальней, чем считает мир, замороженный более драматическими внешними ритмами силы и могущества."

"Они поняли из Библии" – и историческая жизнь предводительствуемого ими народа прекратилась, прекратилась и сопутствующая ей (представляющая собой одно из ее проявлений) историография. Но такой добавок, с позволения сказать, не очень хочется и комментировать. В самом деле, раввины, по Йерушалми, оказались понятливее священников и пророков древнего Израиля, начиная с Моисея. Они поняли, а те, значит, не понимали, так что ли?

И как следствие: "что делать в оставшееся время?" – если отступить в сторону осознанную историческую жизнь, перестать принимать участие в воплощении Божьего замысла:

"А во всем, что касается будущего, верить, терпеть и молиться... Библейское прошлое было известно; мессианское будущее гарантировано; промежуток между ними не был примечателен ничем." (Стр. 26).

Промежуток между ними примечателен именами все тех же раввинов, занятых под видом комментирования Торы скрупулезным регламентированием жизни разбросанных по всему миру своих общин (кагалов), регламентированием всего и вся, вплоть до ковыряния в носу в субботу (отнюдь не анекдот!). А что еще делать, если нечего делать? Но это уже, конечно, не история, не интересующая нас здесь историческая жизнь исторического народа.

А могли раввины продолжить эту самую историческую жизнь, даже если бы захотели, поставим вопрос так. Имеется в виду, повторю еще раз, продолжение исторической жизни евреев, какую они вели в Библейский период их истории под водительством царей, священников и пророков, только теперь уже в постбиблейский период и уже под водительством раввинов. Вопрос не риторический, как это видится Йерушалми, судя по тому объяснению, какое он находит происшедшему изменению. Ибо не только отношение народа к его исторической жизни изменилось (якобы исключительно по произволу этих самых раввинов, согласно Йерушалми), но подозрительно и сам народ изменился, стал отличаться от того, каким мы его знаем по Писаниям (свидетельствам) библейского периода.

В самом деле, был народом Завета, стал народом Закона, еще и устного, что выдает в нем народ, опять же, не исторический.

Далее. Был народом, удостоверяющим свое еврейство по отцам и только по отцам, матери в Библии (Торе) во многих случаях вообще не упоминаются. По-другому в той же Библии он именуется еще народом сыновей (бней-Израэль). Стал народом, удостоверяющим свое еврейство (национальную принадлежность) по матерям и только по матерям.

По аналогии следовало бы назвать его народом дочерей. Кстати, и по демонстрируемому им характеру куда больше подходит ему такое название, история дает тому достаточное количество примеров (куда больше, чем обратных). Противится разве что слух, воспитанный на традиции. Потому, наверное, и не называют.

Далее. Был народом священников, пророков и воинов. Стал народом мудрецов, раввинов (что одно и то же) и ешиботников. Можно видеть в этом еще одно проявление все той же женственности.

И так далее. Противопоставления (оппозиции) этого рода можно продолжить. Вопрос: надо ли? Для осознания всей глубины происшедшего изменения, разделяющей на самом деле оба эти народа пропасти, достаточно, думаю, и этого. Сравнить можно разве что с различием Торы и Талмуда, аккумулирующих каждый в свое время и для своего народа, в одном случае – опыт общения с Богом, в другом – с земными всего лишь владыками (начальниками) и окружающими этот новый Израиль народами. Об исторической жизни с таким народом следовало, понятно, забыть.

Заодно уже, если продолжать ставить вопросы: а могли раввины хотя бы захотеть продолжить традицию историографии, сложившуюся в библейский период, хотя бы обнаружить такую потребность? Похоже, что и в этом случае ответ должен быть отрицательным. В самом деле, ведь нам неизвестны их исторические сочинения, как равно и какое-либо их участие в исторической жизни исторического Израиля, вообще какая-либо их к ней и к нему причастность. И вообще, откуда в таком случае они взялись? Ведь о родословиях своих они умалчивают, в отличие от сынов подлинного Израиля, если вообще оно у них – я имею в виду раввинов, конечно, – когда-нибудь было.

И еще раз: кто в таком случае мы сами с нашим прошлым, просматриваемым во многих случаях не дальше прабабушек и прадедушек?

Ну и остается, не забудем, вопрос: почему и как это на самом деле произошло? На него нам также еще предстоит дать ответ.

3. Начать имеет смысл с напоминания о том, что человек, согласно Библии, вне дома не существует. Т. е. у него обязательно есть или должен быть дом, даже если он по какой-то причине в какой-то момент оказался вне дома. Ближайшим образом это дом его собственный либо же дом его отца (дяди), если речь заходит о сыновьях, не обзаведшихся еще собственными домами. Если кто-то из сыновей покидает дом отца, вынужден его покинуть, то уходит (выходит) он, опять же, домом. Домом "пошел" Аврам из дома отца своего по велению Господа, домом отделился от него племянник его Лот, когда не стало хватать им места, и т. д.

Что включает в себя дом? Перво-наперво это глава дома, его жена или жены, их дети, остающиеся пока при них. Сверх того – это уже кто и что сумел нажить. На примере Авраама (тогда еще Аврама), отделившегося по воле Господа от дома отца своего, посмотрим, что именно:

"И взял Аврам с собою Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли, чтоб идти в землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую." (Бытие. 2:5).

Нас в данном случае интересуют люди "которых они имели в Харране", – кто они? В Библии их различают в первую очередь по тому, как они попадают в дом. Это могут быть рабы, купленные за деньги; либо рожденные в доме от других рабов; самопродавшиеся или проданные в рабство на срок или навсегда (в том числе и с домом своим); разного рода люд, ищущий пропитания и добровольно на тех или иных условиях присоединяющийся к дому. Занятия их здесь тоже могут быть самые разные, как и занимаемые при хозяине (хозяевах) должности – вплоть до домоправителя, распорядящегося всем, что есть в доме, кроме, разумеется, жены или жен хозяина и детей его.

Статус их всех, однако, при хозяине и его доме одинаков – рабы, и в этом смысле все употребляемые для обозначения их в разных случаях термины, такие, как пришельцы, поселенцы, домочадцы и т. д. могут считаться синонимами. Пришельцы, поселенцы и т. д., в свою очередь, могли иметь своих пришельцев (рабы своих рабов). Одно не исключает другого.

Еврей в каких-то случаях тоже мог оказаться на положении такого раба, или пришельца. Я говорю сейчас о евреях с родословиями, хотя тут имелись известные ограничения. Вот, например, что мы можем прочитать об этом в Книге Исход:

"Если купишь раба еврея, пусть он работает шесть лет, а на седьмой пусть выйдет на волю даром." (Исход. 21:2).

Как говорится в другом месте по аналогичному поводу: "Потому что сыны Израилевы – Мои рабы; они – Мои рабы, которых Я вывел из земли Египетской. Я Господь, Бог ваш." (Левит. 25:55).

На собственно пришельцев, понятно, эта заповедь не распространялась, притом, что какие-то пункты (статьи) Его Завета с сынами Израиля-Иакова такими пришельцами таки должны были исповедываться. Пункты эти специально здесь оговорены и в любом случае для них это были на самом деле пункты Закона, а не Завета, т. е. – не заповеди. Важнейшие из них – обрезание и соблюдение субботы, удостоверяющие их не обусловленное заключенным с Богом Заветом еврейство.

Значим был для них также и Храм, но не более, чем всеизраильский жертвенник (искупительные жертвы они приносить не могли, не будучи Его народом). А еще – как Дом Бога их хозяев, от благополучия которых в немалой степени зависело и их собственное благополучие. В таком виде, к слову уже, он и был восстановлен – и мог только быть восстановлен в отсутствие Ковчега Завета – Эздрой.

И еще, что необходимо отметить. Принадлежность к дому рабов, рожденных в доме, удостоверялась здесь по принадлежности к дому их матерей. Равно это относилось и к их статусу рабов и соответствующему ему еврейству. Опять же, обычная по тем временам в отношении рабов практика. В том числе и в тех случаях, когда отцом того или другого из них оказывался еврей с родословием. Вот что

об этом мы можем прочитать все в той же Книге Исход:

"Если купишь раба еврея, пусть он работает шесть лет, а в седьмой пусть выйдет на волю даром."

Несколько ранее стих этот уже цитировался в другой, правда, связи. Но вот, что сказано дальше:

"Если он пришел один, то пусть один и выйдет. А если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его. Если же господин дал ему жену и она родила ему сынов или дочерей, то жена и дети его пусть останутся у господина ее, а он выйдет один." (Исход. 21:2-4).

То самое еврейство по матери, о котором говорилось выше. Понятно, что родословия отца, как и следующих отсюда обетований, дети его в таком случае уже не наследовали. Никем, кроме собственности хозяина, т. е., опять же, кроме рабов, они быть уже не могли. И это согласно Завету.

В остальном, насколько можно судить, распорядок жизни пришельцев в таких домах определялся устными распоряжениями их хозяев, как и сложившейся в каждом из них за долгое время на основании таких распоряжений традицией. Это та самая Устная Тора, которая составила потом первоначальное содержание Мишны и в более позднее время была дополнена толкованиями, призванными изобразить в роли ее первоисточника заключенный между сынами Израиля и Богом Завет, составивший содержание Письменной Торы.

Понятно должно быть после всего сказанного, что вторые их имена "Израиль" и "иври" значили для них не то же самое, что и для природных сынов Израиля. В самом деле, для пришельцев в доме Израиля оба эти имени могли означать единственно и только принадлежность их к этому дому. Они ничего не говорили им, не говорят они и нам в том числе, ни об их происхождении, ни о том, как они попали в дом или как их родители попали в дом (родители родителей и т. д.) и кем были до этого, если идет речь, опять же, о рабах, рожденных в доме. Ничего они не говорят и об их завтрашнем дне, как и о завтрашнем дне их родителей и детей, если они у них имеются. Хозяин ведь волен был продать любого такого раба (пришельца, поселенца и т. д.) со всеми вытекающими последствиями, в том числе и для его второго (родового) имени.

Куда больше имена эти говорят о хозяевах дома - сыновьях Израиля, равно об их прошлом и будущем. Говорят всем содержанием Библии, посвященной целиком, можно сказать, истории этого избранного народа, начиная с его возникновения.

Главное здесь для нас состоит в том, что пришельцами, или евреями без родословий в доме народа Израиля можно было только стать в том или ином поколении. Подлинными сынами Израиля, или евреями с родословиями можно было только родиться. Вот как этот важнейший в понимании проблемы определения тут родства тезис обговаривается в Книге Бытие:

"После сих происшествий было слово Господа к Авраму в видении, и сказано: не бойся Аврам, Я твой щит, награда твоя весьма велика. Аврам сказал: Владыка Господи! Что Ты дашь мне? Я остаюсь

бездетным, распорядитель в доме моем этот Элиезер из Дамаска. И сказал Аврам: вот, Ты не дал мне потомства, и вот, домочадец мой наследник мой. И было слово Господа к нему, и сказано: не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником." (Бытие. 15:1-4).

Можно сказать – ключевой эпизод в интересующем нас здесь плане всей этой истории, не случайно, надо понимать, вынесенный в самое ее начало, предваряющий все знаменующие так или иначе исполнение Его обетований события.

По-моему, можно уже подводить итоги. Именно, налицо два народа: собственно Израиль и так называемые пришельцы (поселенцы и т. д.) – безродная, по существу, масса, которые единым народом никогда не были, быть не могли и сами себя таковым не считали. До определенного момента не были и не считали, правильнее будет сказать. До какого именно – мы к обсуждению этого вопроса еще вернемся. Потому так важны были в практике жизни на Святой земле родословия сынов Израиля, тщательно отслеживавшиеся на протяжении всего библейского периода их истории. И все это вопреки настойчивым уверениям составителей и редакторов Канона в единстве этих народов (при всех оговорках). Что уже представляется основанием квалифицировать библейский период в современной версии еврейской истории в качестве легенды.

И, наконец, обещанный ответ на вопрос, что же на самом деле произошло? Или как произошел интересующий нас здесь переход от Израиля библейского к Израилю раввинистическому и талмудическому в роли преемника и продолжателя дела библейского Израиля. Якобы преемника и якобы продолжателя.

Произошло то, что произошло. Древний, или библейский Израиль как самостоятельное государство перестал существовать. Следствием стало кардинальное изменение расстановки на бывшей его территории политических сил, которое придало нашей безродной массе дополнительный политический вес и, тем самым, неизбежно поставило перед ней задачу осознания своего единства и упорядочения своего родословия. Как это было принято тогда и продолжает быть принято по сегодняшний день среди обретших хоть какой-то политический вес народов.

Но по порядку.

Первым пало Северное царство, именуемое в традиции то Самарией, то Израилем. Самарией, кстати, именовалась и столица этого царства. Вот как это событие описывается в Истории еврейского народа под редакцией Ш. Эттингера. (Гешарим/Мосты культуры. 2001) – самой научной (соответственно, современной), судя по составу авторов, из имеющихся в моем распоряжении историй такого рода (потому я ее здесь и цитирую):

"В 722 г., после двухлетней ожесточенной борьбы, израильская столица пала. Два года спустя новый ассирийский властелин Саргон II изгнал из Самарии десятки тысяч ее жителей, оставив на ме-

сте лишь мелких крестьян и разделив между ними уголья угнанных им землевладельцев... Оставшиеся в Самарии израильтяне смешались впоследствии с переселенными в нее чужеземцами, и так создалась новая, родственная еврейской народность – самаритяне, сыгравшая немалую роль в дальнейшей истории еврейского народа." (Стр. 62–63).

Все верно. Остается уточнить, что землевладельцами здесь, согласно заключенному с Богом Завету, могли быть только сыны Израиля. После их изгнания на месте могли остаться только их бывшие рабы – пришельцы, между которыми и была поделена земля угнанных землевладельцев. Переселенные сюда чужеземцы ничего нового, понятно, в этот расклад внести не могли. Ничего родственного изгнанному народу Израиля происшедшее здесь их смешение, не менее понятно, думаю, произвести тоже было не в состоянии.

А вот народу, образовавшемуся на территории Иудеи после прекращения ее независимого существования, они действительно были (оказались) родственными, поскольку здесь произошло, по существу, то же самое, подобный же разгром и изгнание бывших землевладельцев и т. д. Опять же цитата из Истории еврейского народа под редакцией Ш. Эттингера:

"В 586 г., после двух лет тяжелой, мучительной осады, Иерусалим пал... Иудейское царство перестало существовать... Над немногочисленным населением, оставшимся в Иудее, был поставлен наместник... Одним из первых мероприятий его правления было закрепление за неимущими крестьянами захваченных ими земель изгнанных землевладельцев.

Не более чем два месяца спустя он был убит одним из членов царской семьи. Возможно, что этот акт был мстью за сотрудничество с врагом. Народ и остатки иудейского войска, опасаясь репрессий, спаслись бегством в Египет. Около ста сорока лет после падения Израиля было разрушено и уничтожено и Иудейское царство.

Но не во всем разделила Иудея участь Самарии. В нее не были пригнаны новые поселенцы, и она находилась в состоянии опустошения и запустения до того, как была заселена заново в 538 г. вернувшись из вавилонского плена." (Стр. 71–72).

Я все-таки берусь утверждать, что во всем. Ибо и тут, остается повторить, что изгнанными землевладельцами могли быть только сыны Израиля. "Народ и остатки иудейского войска", спасшиеся бегством в Египет, в данном случае, очевидно, тоже из них. На местах в итоге могли остаться лишь их бывшие рабы-пришельцы, если кто-то вообще остался. И опять, теперь уже в разоренную Иудею, были переселены десятки тысяч невольников. Т. е. пока ничего нового.

Тут, однако, есть нюансы, позволяющие традиции представлять историю этих невольников как продолжение истории библейского Израиля, а их самих – как природную часть этого Израиля. Посмотрим, какие для этого имеются основания. Первое и важнейшее из них состоит в том, что невольники эти были на самом деле частью ранее выселенного отсюда народа сынов Израиля. Был, кроме того (или к тому же), восстановлен Храм (якобы Храм) и восстановлены прежние

проводившиеся в нем службы. Наконец, был составлен и отредактирован Канон, призванный подтвердить преемственность этого новообразованного сообщества и его истории с историей прежнего независимого Израиля. Все это и позволило тогда, позволяет по сегодняшний день говорить о возвращении к прежней жизни прежнего Израиля, пусть и с какими-то ограничениями, накладываемыми непростыми обстоятельствами его нового существования.

Между тем, возвращение к прежней исторической жизни было уже невозможно, в том числе, и для возвратившихся в Иерусалим и его окрестности из вавилонского, а потом и персидского пленения изгнанников. Достаточно сказать, что они не были здесь уже прежним Израилем, т. е. хозяевами в своем доме и на своей земле, но всего лишь домоправителями (в лучшем случае) при новой власти, ничем в этом качестве ею не отличающимися от их прежних (бывших когда-то их) рабов-пришельцев. Бывшие хозяева, таким образом, сами стали пришельцами в бывшем когда-то своем доме на бывшей когда-то своей земле. Как бы при этом для внутреннего употребления ни кивалось в сторону Торы или синего над головой неба. В Книге Неемии приведено выразительное свидетельство самих возвратившихся изгнанников о своем новом на их родине положении и того, что для них из этого следовало:

"И вот мы ныне рабы; на той земле, которую Ты дал отцам нашим, чтобы питаться ее плодами и ее добром, вот, мы рабствуем. И произведения свои она во множестве приносит для царей, которым Ты покорил нас за грехи наши. И телами нашими и скотом нашим они владеют по своему произволу, и мы в великом стеснении." (Книга Неемии. 9:36-37).

И в чем в таком случае их отличие от чужеземцев, пригнанных двумя веками ранее для заселения Самарии? Или от оставшихся в той же Иудее после их изгнания их прежних рабов?

В итоге же исчезнувшими следует считать не только десять колен Израильского царства, но и оставшиеся колена Иудейского царства, неизбежно в их положении вынужденные раствориться среди принявших у них эстафету избранничества их бывших рабов-пришельцев. Но так или иначе, домочадцы таки стали наследниками в доме Израиля, чего так не хотел и боялся Авраам (Аврам тогда еще). Можно сказать, предвидел такую возможность. Во всяком случае – чувствовал с этой стороны опасность. Можно предположить, что, будучи пророком, еще и знал.

Ну и коротко о том, что представляет собой Талмуд и его новых функциях в доме и народе Израиля, какими они предстают перед нами после разрушения Первого Храма. Из уяснения чего тоже до какой-то степени может стать понятно, что и как тут произошло. Приведу в этой связи несколько любопытных, на мой взгляд, цитат из книги Эмиля Факенгейма Что такое иудаизм? (ДААТ/Знание. Иерусалим – Москва. 2002). В сопровождении моих комментариев, как обычно. В двух словах об авторе из аннотации к книге, опять же, как обычно:

"Эмиль Факенгейм – один из выдающихся современных философов, стоящий в ряду таких мыслителей нового и новейшего времени, как Кьеркегор, Франц Розенцвейг, Мартин Бубер, Эли Визель... Один из тех, кто способен и достоин – благодаря своим знаниям и моральному авторитету – наилучшим образом проложить путь к будущему еврейской мысли."

Итак, Э. Факенгейм – о происхождении и природе Талмуда: "Образ народа, неколебимо верного книге, не может не тронуть нас. Но современно мыслящим людям этот образ также напоминает обо всех стереотипных суждениях, которые они когда-либо слышали о евреях, слепо повинующихся внешним авторитетам, о "рабском" еврейском "начетничестве" и "буквоедстве" и – следовательно – о самих евреях как об "исторической окаменелости"... Однако, хотя подобное буквалистское прочтение Танаха время от времени встречалось среди еврейских сектантов... еврейский народ в целом никогда не придерживался такого стерильного буквализма и потому выжил." (Стр. 71).

Понятно, что имеет в виду автор, но хотелось бы уточнить. "Еврейский народ в целом" придерживался именно такого, стерильного буквализма, что и давало возможность раввинам удерживать свои общины до относительно недавнего времени в неукоснительном повиновении. Так что стереотип, о котором говорится выше, в целом верен. Другое дело, что сами раввины в своих галахических постановлениях буквоедами не были, благодаря чему народ до сих пор жив. За что им отдельное спасибо. Хотя, конечно, с отдельными общинами случалось всякое.

Но продолжим.

"В сущности, этот конфликт был разрешен в иудаизме раз и навсегда, когда, примерно во времена Иисуса, фарисеи, предшественники раввинистического иудаизма, одержали победу над буквалистами-саддукеями. В свою очередь, предшественниками фарисеев были Маккавеи. Современное прочтение Библии восходит к принципам, разработанным еще в эпоху Маккавеев, хотя детальная проработка этих принципов потребовала столетий." (Стр. 71).

Необходимое, опять же, уточнение. Над буквалистами-саддукеями победу "раз и навсегда" одержали не фарисеи, а римские войска, или Рим, который и поддержал потом фарисеев в роли приемлемых для него лидеров этого малопонятного им тогда народа.

Теперь, о каких принципах речь.

"В 169 г. до н. э. сирийцы во главе с Антиохом Эпифаном завоевали Иудею и пытались подавить еврейскую веру репрессивными мерами, например, заставляли евреев публично есть свинину, а отказывающихся убивали. Маккавеи взяли за оружие... Эта война, однако, создала дилемму. Сражаясь с сирийцами, пытавшимися уничтожить веру, Маккавеи, естественно, сами скрупулезно пытались соблюдать заповеди. Соблюдая Тору, они не могли воевать в шабат – и враги безнаказанно вырезали их в этот день... В первый, но далеко не в последний раз, враг, целью которого было уничтожение евреев либо иудаизма, либо того и другого, поставил евреев перед неразрешимой дилеммой.

Маккавеи решили эту дилему, выдвинув революционный тезис: нарушение Торы ради защиты не есть ее нарушение, это – интерпретация. Задолго до Иисуса из Назарета Маккавеи открыли – и это под давлением прямой экзистенциальной необходимости – что не только человек для субботы, но и суббота для человека." (Стр. 71–72)

Опять же, что здесь не так. То, что Факенгейм называет здесь современным прочтением Библии, восходит к еще более ранним временам – к принципам, разработанным еще Эздрой. Именно он был подлинным пионером в прочтении Библии, какое тут Факенгейм приписывает Маккавеям. Тоже под давлением прямой экзистенциальной необходимости. Мы выше об этом уже говорили. Напомню. Требовалось всего лишь имитировать возвращение к прежней жизни прежнего народа. Соответственно имитации подлежало и исполнение Его заповедей. Одно тут тянет за собой другое. Для установившейся здесь после разрушения Первого Храма новой власти этого было достаточно. Эзра-книжник – фигура масштаба Моисея по роли в истории сложившегося на территории бывшей Иудеи нового народа. Тоже, кстати, левит, посланный на сей раз земным богом к этому новому для него народу объявить Закон этого нового их бога.

А то, что это был именно Закон, статьи которого, в отличие от заповедей прежнего Завета, могли быть сегодня одни, а завтра другие, говорит уже объявленная им тут же несравненно более жесткая формулировка запрета браков с иноплеменными женами, чем это ранее исповедовалось. Руфь-моавитянка (Рут) в этой созданной новым запретом реальности последовать за Ноеминью, свекровью своею, в землю Иудейскую, при всем своем желании, уже бы не смогла.

С нормой Завета проделать что-то подобное Эздре, конечно, в голову бы не пришло. Но ведь и миссия его отнюдь не была уже священнической. Если отбросить специфику времени и обстоятельств, это была миссия при новом Израиле, которую потом выполняли раввины при своих кагалах при всех сменяющих друг друга начальствах на протяжении всех последующих двух с половиной тысячелетий еврейской истории. Эзра, таким образом, перестал фактически быть священником Израиля, не знающим других начальств, или богов (что по Библии то же самое), кроме Бога Всевышнего. Он стал первым известным по имени раввином. Хотя сам термин, конечно, значительно более позднего происхождения (как терминам и положено).

Выдвинутый Маккавеями тезис не мог содержать в себе ничего революционного и еще по одной причине. Евреи ведь воевали на протяжении всей своей истории и далеко не только между собой. А значит – и с нарушением заповеди субботы. По-другому просто невозможно представить себе их выживание. Вопрос – какие евреи? Евреи с родословиями – да, воевали. Пришельцы же в это время неукоснительно соблюдали субботу. Так что новостью в рассматриваемый период могло стать только то, что впервые за оружие должны были взяться именно они – евреи без родословий, поскольку именно из них в первую очередь приходилось Маккавеям комплектовать свои боевые отряды. Максимум, что они могли сделать в этих условиях – озвучить су-

ществовавшую с незапамятных времен на этот счет норму. Небольшая революция, следует признать.

Что же касается самих Маккавеев, то, будучи священниками, субботу они еще и не были обязаны соблюдать. На священников в древнем Израиле заповедь соблюдения субботы не распространялась. Так что и здесь ровным счетом ничего нового.

И в качестве резюме.

"Какой беспрецедентный вызов таится в этом ответе, стало понятно лишь столетия спустя: им было положено начало традиции, которая включает фарисейский иудаизм и раввинистический иудаизм. Она жива по сей день и оживает всякий раз, когда раввины собираются, чтобы соотнести Тору с проблемами века сего. Величайший документ этой традиции – Талмуд. Однако принципиальный ответ был дан – необходимо еще раз подчеркнуть – в тот момент, когда первый из Маккавеев решил, что он должен нарушить Тору, чтобы спасти ее." (Там же).

Остается и мне повторить еще раз (еще раз подчеркнуть), что Тора к этому народу отношения не имеет, как бы она им ни нарушалась и как бы эти нарушения представляющими его раввинами ни интерпретировались. И еще, что Устная Тора, или Талмуд, в отличие от Письменной, не является Заветом. Другими словами, если отставить разговоры об интерпретации, мы в ней имеем дело с обычным законом, или Законом (Сводом законов), пусть и в своеобразной форме, продиктованной во многом своеобразными же условиями выживания народа.

Рабы, таким образом, остались рабами, только теперь уже при раввинах, выходцах из их же среды, занявших место домоправителей исчезнувшего Израиля. И по совместительству – самозванных представителей Бога на земле, призванных якобы Им сообщать в форме алахот якобы Его волю якобы Его народу. Когда-то это работало.

И еще о том же. Цитата уже из книги Контуры Талмуда. (Книготороварищество Москва – Иерусалим. Тель-Авив. 1981). Автор – Адин Штейнзальц, согласно приведенной там же рекомендации, "выдающийся знаток талмудического права, его компетентность в самых различных областях иудаизма основана на глубоком проникновении в их скрытую мудрость" и т. д.:

"Если Тора – фундамент иудаизма, то Талмуд – та центральная колонна, на которой покоится весь его духовный и философский свод. В определенном смысле Талмуд – это главная книга еврейской культуры, становой хребет национального существования и творческой активности народа. Ни одна другая книга не оказала сравнимого влияния на теорию и практику еврейской жизни. Евреи всегда осознавали, что их сохранение и развитие как народа зависит от изучения Талмуда. И не хуже их сознавали это их враги. Вот почему в средние века эту книгу шельмовали, проклинали и предавали сожжению такое бесчисленное множество раз, и вот почему такому же поношению подвергалась она еще и в недавнее время." (Стр. 5).

Что значит "в определенном смысле"? Талмуд и есть главная книга еврейской культуры. По-моему, во всех смыслах, без каких-либо дополнительных определений. А вот Тора такой книгой в еврейской

культуре не была и быть не могла. Тора – главная книга другой, давно исчезнувшей культуры, призванная здесь послужить легитимации притязаний Талмуда, не более того. О ней действительно можно сказать, что имеет отношение к еврейской культуре в определенном смысле, понятно, думаю, в каком из всего сказанного. С таким же успехом место ее здесь мог занимать и телефонный справочник, если бы только способен был послужить той же легитимации. Техника талмудических комментариев вполне это допускает. И это враги евреев тоже осознавали. Не случайно Тора, в отличие от Талмуда, не только никогда ими не шельмовалась, не проклиналась и т. д., но смогла стать еще и священной их книгой. Штейнзальц об этом умалчивает. В скрытую мудрость своего умолчания он нас не посвящает.

4. Ну и напоследок вернемся еще раз к вопросам о том, кто такие евреи и кого следует считать евреем. Выше вопросы эти уже поднимались. Понятно, однако, что после всего сказанного данное тогда же их решение не может считаться достаточным. Предварительно посмотрим, как они ставятся и решаются современными (более-менее) авторами, по жизни, можно сказать, заинтересованными в их адекватном решении. Другое дело, насколько им это удастся, в чем мы тоже попробуем разобраться.

Передо мной сборник статей Евреи и еврейство. (Гешер Алия. Иерусалим. 1991). У него есть еще и подзаголовок: Сборник историко-философских эссе. Пусть будут эссе. Главное для нас – содержащиеся в них ответы на интересующие нас здесь вопросы. Точнее – попытки таких ответов. Забегая вперед, скажу, что эссе эти не случайно названы философскими и что вразумительных ответов мы от них не дождемся. Но мы все-таки посмотрим. Я процитирую, по возможности коротко, наиболее любопытные – с моей, понятно, точки зрения – из предпринятых здесь таких попыток, для наших целей будет достаточно.

Стоит, может, сразу сказать, что вариантов ответа на первый из поставленных вопросов (кто такие евреи?) всего три: религиозная группа (община), этнос и нация. Причем, религиозная группа может обладать, к тому же, еще и признаками нации или этноса. Что же касается второго вопроса (кого следует считать евреем?), то тут решений, конечно, больше, причем не только потенциально возможных, но и актуально реализуемых в тех или иных конкретных условиях, чему можно привести не менее конкретные примеры.

В древнем Израиле, например, еврейство представителей избранного народа определялось по отцу; пришельцев в их доме – по матери. В бывшем СССР каждый сам решал, какую из национальностей родителей он предпочитает видеть в своем паспорте, была такая возможность. В фашистской Германии достаточно было иметь евреями кого-нибудь из бабушек или дедушек (прабабушек или прадеушек), чтобы быть причисленным к избранному для уничтожения народу. И так далее. Ну и поскольку проводимой политикой это оправдывалось (продолжает оправдываться), решения эти следует признать правильными.

Нас поэтому более будет интересовать решение авторами сборника вопроса, кто такие евреи? И пора уже обратиться к самому сборнику.

А. Воронель, из его предисловия к книге:

"Каждый отдельный еврей ничего загадочного в себе, может быть, и не содержит. Как у человека, у него присутствуют в том или ином соотношении все человеческие качества, присущие другим народам. Но еврейство как целое своей необыкновенной судьбой вызывает удивление, а порой и недоумение, у глубоких мыслителей всех народов.

Непонятность начинается с определений. Еврейство, казалось бы, можно определить как религиозную общину. Однако это также и народ, подавляющее большинство которого не придерживается никаких религиозных правил. Нацисты уничтожали евреев как рассу, но в государстве Израиль собрались евреи из всех стран мира, принадлежащие ко всем человеческим рассам.

Еврейство имеет богатейшую культурную традицию. Однако большинство евреев, прекрасно владея многими современными культурами, лишь очень приблизительно ориентируются в своем собственном наследии. И, тем не менее, они сохраняют историческую память и чувство общности, которые бросают вызов самой концепции времени.

Еврейство продолжает порождать беспрецедентные исторические феномены, ускользя от всякой определенности, свойственной устоявшимся реальностям. Это означает, что еврейство как общность продолжает жить и эта жизнь остается творческим процессом, а не механическим повторением определившихся циклов." (Стр. 5-6).

Все это в порядке постановки вопроса или вопросов, как, собственно, и можно ожидать от предисловия к книге. У нас еще будет возможность посмотреть, как сам Воронель справляется с их решением. А сейчас несколько замечаний по поводу уже сказанного (можно и больше, но достаточно и этого).

То, что еврей тоже человек (присутствуют все человеческие качества) - идея не из самых свежих. Хотя, с другой стороны, факт не для всех очевидный. Не все из тех же "глубоких мыслителей всех народов" придерживались (придерживаются) того же мнения, что уже об остальных говорить. Так что лишний раз напомнить не помешает, в этом я с Воронелем согласен. А в остальном...

У меня, например, не меньшее удивление своей судьбой вызывает русский народ, еще более трагической. Другое дело, что история его - я имею в виду какой она была на самом деле - далеко еще не написана. Или армянский народ, не менее, кстати, древний, чем еврейский. И тоже с не менее, если не еще более трагической судьбой. Или судьба греческого народа и его культуры, начиная от их зарождения и до падения (крушения) Византийской империи, по крайней мере. Список этот можно продолжить. Так что монополией на удивление судьбой еврейский народ не обладает, как и отдельный еврей не обладает монополией на человеческие качества. А тогда о чем тут речь?

Далее. Как можно определить в качестве религиозной группы народ, который в большинстве своем не придерживается никаких религиоз-

ных правил, на каком основании? Сильно подозреваю, что у самого Воронеля нет на это вразумительного ответа.

Далее, относительно прекрасного владения большинством евреев многими современными культурами. Где он нашел таких евреев? О каком большинстве речь? Среди какого меньшинства? Большинство евреев, по-моему, хуже-лучше обделывает свои дела в меру имеющихся возможностей и тем удовлетворяется. О владении современными культурами, тем более во множественном числе, тем более еще и прекрасном, говорить не приходится. Меня, во всяком случае, за единичными буквально исключениями, равно и в той, и в этой жизни, окружали и продолжают окружать именно такие евреи.

Далее (наконец). Что считать устоявшимися реальностями в истории, конечно, вопрос, ибо в истории ничто не стоит на месте. Но и в таком случае инкриминируемое здесь еврейству ускользание от всякой определенности представляется преувеличением. В том числе и по самому Воронелю. Обратите внимание: "они сохраняют историческую память". Но что это, как не искомая определенность, которая представляется основанием для отождествления любой человеческой общности в качестве народа? Другой вопрос - что именно сохраняют? Далее я попробую показать как на самом деле решаются такие вопросы.

Перейдем к следующему автору. А. Волин и его статья (эссе) Исход. Посмотрим на его решение этой проблемы:

"Как могло произойти, что в языческом политеистическом мире появился народ с совершенно другой, резко отличной религией? Традиционный ответ гласит: Израиль - это народ, которого избрал Бог, чтобы он был или стал Его народом. Я бы сказал иначе: Израиль - это тот народ, который избрал Бога как основу и смысл всего своего существования как народа и существования каждого его члена как индивида". (Стр. 11).

Проблему, что тут первично, а что вторично, автор решает чисто по-марксистски - так воспитан, с этим ничего уже не поделаешь. Сути, однако, это не меняет. Так или иначе, Израиль - религиозная группа, так можно понять предлагаемое им решение этого вопроса. Подтверждением может служить следующая его фраза (максима) из той же статьи:

"Религия сохранила народ, а народ - религию. Последняя была целью, ибо измена религии лишила бы смысла и существование народа." (Стр. 21).

Она и лишила. Я говорю сейчас об измене под предлогом эмансипации, в качестве массового явления начавшейся в Европе с конца XVIII века. Смысла лишила. Существование, однако, осталось. Спрашивается: в каком качестве? Ответа на этот вопрос в статье Волина не содержится, он его даже не ставит.

Пойдем дальше.

Следующий автор - знакомый нам уже до некоторой степени А. Штейнзальц (до некоторой степени понятно уже, чего от него можно ожидать) с его статьей (эссе) Дом Иакова. Цитирую:

"Буря, которая в свое время разразилась вокруг вопроса: кто

является евреем, захватив периферию проблемы, не затронула ее существа. Заинтересованность пограничными случаями сомнительного еврейства способствовала тому, что оказалась забыта сама сердцевина проблемы – вопрос о сущности "безусловного" еврея. Между тем, именно это составляет принципиальный вопрос, от решения которого зависит не только определение принадлежности к еврейству, но и понимание смысла и основы существования всего народа Израиля." (Стр. 36).

Не имею представления, о каком "своем времени" говорит тут Штейнзальц. По-моему, буря эта сопровождает существование еврейского народа, или евреев, на протяжении всей их (его) известной истории. Еврейство ведь в основе своей – избранничество, какой бы смысл в это в разное время не вкладывался. Избранничество же вообще влечет за собой конфликты, с кем бы и когда это ни происходило. Начиная с конфликта (бури), порожденного уже избранничеством Авеля со всеми его последствиями и не только для обоих братьев, но вообще для всей тогдашней (допотопной) цивилизации.

Но вернемся к решению Штейнзальцем вопроса о том, кто является евреем или кто такие евреи. Формулирует он его, правда, по-другому. Для него это вопрос о сущности "безусловного" еврея, "от решения которого зависит понимание смысла и основы существования всего народа Израиля". Пусть будет безусловного, пусть будет о сущности. Посмотрим, как он его решает:

"В течение многих поколений все евреи воспитывались в духе еврейской религии и еврейских обычаев и любой отход от них считался отходом от еврейства. В этой ситуации наш вопрос вообще не существовал." (Стр. 36–37).

Во-первых, существовал, ответом на него и было означенное воспитание, иначе зачем бы оно и понадобилось. Во-вторых, стоит обратить внимание: Авраам стал "безусловным" евреем (если не он, то кто же?) отнюдь не в результате воспитания, а в результате упомянутого выше избранничества. То же следует повторить и о его потомстве, составившем избранный народ Израиля. Избранный – а не воспитанный.

Воспитанный – это тот, который пришел ему на смену после окончательного падения Иудеи и разрушения Первого Храма. Ну а в Новое время, к тому же, перестали быть обязательными для него еще и религиозность, как и соблюдение еврейских обычаев. Тут под сомнение впору поставить хоть какое-то еврейство, не до безусловности. О безусловном еврействе следовало, казалось бы, забыть. Но Штейнзальц не забывает (тут много чего написано, я выберу самую суть, какой она мне видится):

"Определение еврейской связи как религиозной и самого еврейства как религиозной общности (что, по Штейнзальцу, решало задачу до относительно недавнего времени – М. З.) явно недостаточно... Существует, однако, такое понимание сущности этой связи, которое сохраняет смысл не только для всей прежней истории евреев, но и в настоящую эпоху... Согласно этому первоначальному еврейскому пониманию, народ Израиля – это не народ в обычном смысле такого

слова, а некая родственная группа людей, некая семья." (Стр. 43-44).

Согласно первоначальному, библейскому пониманию еврейства, сыны Израиля действительно представляли собой родственную группу людей. Но о каком родстве можно говорить применительно к группе людей, именующих себя народом Израиля уже в постбиблейский период интересующей нас здесь истории, лишенной на сей раз даже рассовой определенности ее членов, не говоря уже об этнической? А вот как:

"Народ Израиля - это действительно семья, но не в биологическом, а в метафизическом значении этого слова." (Стр. 46).

И еще чуть далее:

"Народ Израиля - одна семья, его дети - братья и сестры, сыновья одного Отца (как сестры могут быть сыновьями, пусть и одного Отца, Штейнзальц не объясняет - М. З.). Но этот Отец еврейской семьи - не Авраам, не Ицхак, не Иаков (хотя они и являются ее отцами в историко-биологическом плане), не ими создана эта особая еврейская связь. Она порождена общим отцовством Святого и Благословенного." (Там же).

Короче - таки религиозная группа, во главе все с тем же Богом-Отцом. А как быть в таком случае с отсутствием в наше время религиозности? А это по Штейнзальцу неважно, общность метафизическую отменить ничто и никто уже не может, не в состоянии.

"Помогает ли это понимание определить, в чем состоит еврейство современного еврея, который не выполняет мицвот, не так относится к Богу, вообще отрицает Его существование? Конечно. Ведь принадлежность к еврейскому народу, как следует из нашего понимания... - семейная, а ощущение принадлежности к семье лежит в совершенно иных пластах души и не может быть устранено оттуда. Сын может не понимать сути своей связи с отцом, более того - он может даже отвергать наличие этой связи и само существование отца. Тем не менее, он остается сыном." (Стр. 47).

Воспитание, таким образом, тоже оказывается необязательным. Признание своей связи с Отцом - тоже. Признание самого существования Отца - тоже! Интересная религиозная группа получается. По-моему, это уже перебор, даже для Штейнзальца.

На очереди Мартин Бубер. Посмотрим, чем можно у него поживиться. Статья называется Еврейство и евреи. (Стр. 68-78).

"Вопрос, который я задаю вам и себе - это вопрос о смысле еврейства для евреев. Почему мы зовем себя евреями? Оттого, что мы ими являемся? Что значит, что мы ими являемся? Я хочу говорить с вами не об абстракциях, а о своей собственной и вашей жизни. И не о ее внешних механизмах, а о внутреннем оправдании и сущности.

Почему мы называем себя евреями? Потому лишь, что так поступали отцы наши, - придерживаясь унаследованной привычки? Или же мы называем себя евреями, опираясь на действительность?...

Какой смысл имеет для нас это предание, имя, призыв и напутствие - еврейство? Какого рода та общность, о которой мы свидетельствуем, когда называем себя евреями?...

В великой кладовой абстракций хранятся всевозможные ответы для

умников, не желающих усложнять себе жизнь достаточно глубоким их осмыслением. Такие ответы существуют и на сей случай: их два на выбор – религия и нация. Но эти ответы, на наш взгляд, не что иное, как замаскированные вопросы.

Существует ли подлинная еврейская религиозность?... Конечно, мы знаем, что еврейская религиозность существовала... Но в наше время?"

В наше время, понятно, ответом на поставленный вопрос она быть не может, в том числе и по Буберу. Он формулирует это так:

"Если взглянуть на нее с точки зрения внутренней реальности, еврейская религиозность – воспоминание, быть может, надежда, но отнюдь не современность."

Что же тогда современность?

"Другой же ответ гласит: евреи – это нация". И далее: "Многие остаются на этой ступени".

Ее, по-моему, и достаточно. Остается проследить, как евреям удалось (удается) на ней удержаться, несмотря на идущие здесь последние два века процессы их эмансипации (самоэмансипации), как и секуляризации общественной жизни.

Бубер предпочитает другое решение проблемы: отказывает евреям в общности национальной в пользу общности кровной, или этнической. Термин он этот, правда, не употребляет, но суть предлагаемого им решения от этого не меняется:

"У еврея, особенно западного, отсутствуют все элементы, которые могли бы образовать для него нацию, сделать ее реальностью, а именно, земля, язык, жизненный уклад. Страна, где он живет, природа, которая окружает и воспитывает его сознание, язык, на котором он говорит и который окрашивает его мысли, уклад, в котором он принимает участие и от которого учится своему поведению – все это не имеет отношения к общности его крови, принадлежа к иной общности." ,

Но ведь нет у нас этой самой общности крови, знакомому хоть сколько-нибудь с нашей историей не надо этого доказывать. Какое-то единство, вместе с тем, существует. Но какое? У Бубера нет на это вразумительного ответа.

Теперь А. Воронель и его статья о национальном характере. (Стр. 131-137). Приведу его решение вопроса по возможности в очищенном виде (оставляя в стороне не имеющие и мало имеющие к делу соображения, коих здесь предостаточно):

"Израиль – это самоназвание еврейского народа... Израиль означает – борющийся с Богом... В Книге Исхода евреи много раз называются народом жестоковыйным, т. е. непокорным, упрямым... Представление о свободе воли человека, даже перед лицом Бога, не оставило евреев и в средние века."

Наконец:

"Эта идея вошла в христианство и, во всяком случае, в протестантском варианте, также присуща сейчас европейцу, как и традиционному еврею. Европейец, привыкший к Библии с пеленок, не может ощутить своего отличия от еврея в коренном вопросе Ветхого Завета."

С одной поправкой (т. е. можно и больше, но я буду говорить только о том, что для нас здесь существенно). Одна только свобода воли перед лицом Бога еще не исчерпывает всего содержания коренного вопроса Ветхого Завета. В конце концов, какую-то волю демонстрирует любой народ, поскольку это именно народ, а не случайное собрание особей рода человеческого. Правильнее поэтому будет говорить о тандеме воли и осознанной исторической цели, присущем в настоящее время европейцу, как и современному европейскому еврею.

Именно такой тандем воли и цели демонстрировал до определенного момента библейский Израиль (призван был, по крайней мере, продемонстрировать его Богом). И если в Новое время европейский еврей, т. е. еврей уже постбиблейский, оказывается до некоторой степени неотличимым от европейца "в коренном вопросе Ветхого Завета", то тут, безусловно, следует видеть влияние уже европейского окружения, воспитанного на Ветхрм Завете, на живущего среди них на протяжении многих поколений еврея, воспитанного на Талмуде.

И в любом случае, как все-таки быть с отличием еврея или евреев от тех же европейцев в Новое время? Нас-то здесь интересует отличие все-таки, а не сходство. Ответа у Воронеля нет, чего-то большего уже сказанного он предложить не в состоянии. Выход из положения, вместе с тем, находит, иначе о чем тогда и его статья. И вот какой:

"Быть может, в пределах западной цивилизации, которая выросла на индивидуализме и представлении о свободе воли, это незаметно, но в русском окружении бросается в глаза повышенное чувство "Я" евреев, проявляющееся в крайних формах эгоцентризма и в гипертрофированных формах всеответственности. Грубо говоря, евреям "до всего есть дело" и "им больше всех надо"."

Короче (и грубо говоря) - ведут себя так, как попавшие в это же окружение любые нормальные представители западной цивилизации. Западный человек, однако, с этого момента из рассуждений Воронеля исчезает, ареал европейской цивилизации ограничивается Россией, русским окружением, в котором названные особенности характера евреев делают их заметными. Такие вот маленькие хитрости. В качестве оправдания статьи это может и работает, поставленного в самом начале вопроса, однако, не решает и решить не может.

Теперь моя очередь отвечать на вопрос, кто такие евреи? Точнее - кто такие сегодняшние евреи, ибо понятно уже, думаю, из сказанного (мне, по крайней мере, понятно), что в разное время на него следовало (следует) отвечать по-разному. Итак, попробую. В конце концов, скажу глупость - попаду в компанию упомянутых выше авторов. По жизни за глупости приходилось быть наказанным и покруче.

Начну, как и А. Воронель, с того, что еврей - тоже человек (идея, обреченная быть актуальной, пока существуют евреи) и, значит, существо общественное, причем, еще и изначально, как это и положено человеку.

Дальше. Одним из непреходящих проявлений (атрибутов) обществен-

ности человека, а значит, и еврея, поскольку мы признаем в нем человека, является столь же изначальное деление им окружающих его других людей на ближних и дальних. Или своих и чужих. Это не вопрос равенства с собой, как он, прежде всего, ставится и дискутируется философами и в философии, а вопрос равенства с другими, как он ставится и дискутируется в жизни (где ставкой является сама жизнь – ни много, ни мало).

Ближний, или свой, это тот, кто исповедует в качестве своих те же самые язык и землю, или территорию, принимает на веру те же легенды, оправдывающие его причастность к тому и другому, переживает как значимые для себя в истории те же события. Короче – обладает, или является носителем той же народной памяти. Совокупность таких ближних, т. е. людей, характеризующихся общей им всем народной памятью, и составляет народ. В том числе и еврейский.

Народы, объединенные еще и осознаваемой их представителями общностью их происхождения (общностью крови), именуется этносами. Нации в этом отношении, безусловно, более рыхлые образования, хотя и тут популярностью пользуются легенды, декларирующие единое для составляющих их народов происхождение.

Народная память – генетический код народа, будь то этнос или нация, и как всякий генетический код, категория чрезвычайно консервативная. Почему и могут представители разных народов, проживающие на одной территории, вынужденные говорить на одном и том же языке и т. д., сохранять вместе с тем свою индивидуальность.

Народная память – первое, что отличает один народ от другого. Она же – последнее, что еще продолжает выдавать чужака в человеке, выросшем и воспитанном в обстановке чужого языка, окружении чужих природы и культуры и т. д., пусть даже искренно стремящегося стать здесь своим. Тем более не в своей тарелке будут чувствовать себя в таком окружении представители целой общины, в которой, к тому же, сохраняются до какой-то степени их собственные язык и обычаи, хотя бы в их частной, не выставленной на обозрение жизни.

Можно ли считать это ответом на вопрос, что отличает евреев от других народов? И да, и нет. Скорее это ответ на более общий вопрос: чем вообще одни народы отличаются от других народов, одни нации от других. В частности – и евреи. В противоположность тому, что говорит М. Бубер, мы можем утверждать, что у евреев присутствуют такие все элементы, которые могли бы образовать для них нацию. Просто у них это другие элементы, отличные от тех, которые образуют нацию для народов, среди которых им доводилось (продолжает доводиться) проводить дни и годы отпущенной им на земле жизни: другая земля, другой язык и т. д.

Но именно в отношении евреев ответ этот не будет достаточным, если не сказать о той необычайно тесной связи, в какой до недавнего относительно времени находились элементы, образующие для них нацию, с их специфическим исповеданием – иудаизмом. Насколько сильна была эта связь, можно судить по той панике, которая охватила европейских евреев в связи с начавшейся стремительной их

эмансипацией с наступлением здесь века Просвещения и буржуазных революций.

В самом деле, отходя от религии, от иудаизма, еврей уже по одной этой причине фактически терял свою национальную идентичность – переставал быть своим среди своих же евреев. Но при этом он не становился своим и для окружающих его представителей другого народа. Столь желанная эмансипация, таким образом, неожиданно оборачивалась для него утратой базового для любого человека (человека вообще) ощущения общности с народом, который он мог бы назвать своим и в котором мог рассчитывать быть принятым за своего. На личностном уровне это переживается как утрата смысла жизни со всеми возможными вытекающими для такого человека последствиями (дальнейшее зависит уже от характера).

Потому-то с таким энтузиазмом этим потерявшимся для себя еврейством было встречено образование в 1948 г. своего независимого государства. Не случайно и возрождение иврита в качестве делового и разговорного языка этого новейшего еврейства. То и другое позволяло восстановить требуемую идентичность уже без Бога и Его обетований, обрезания, суббот и т. д., с куском свинины в зубах – ранее совершенно невозможную для эмансипированных в своей массе евреев Европы.

Все это параллельно продолжающему сохранять свою ценность для части евреев иудаизму и идентификации ими себя в этом качестве через культивируемые в нем нормы поведения, традиции и т. д.

В итоге, одна нация и два пути возможного воспроизведения в ней ее представителями своей национальной идентичности, находящиеся в непримиримом противоречии один к другому – основной раздирающий конфликт современного еврейского существования. Незаживающая, можно сказать, рана на теле нации. И – выбор перед каждым евреем, каким образом воспроизводить ему эту свою идентичность, как выбор между двумя сторонами баррикады, по одну из которых ему необходимо занять свое место.

Вот, по-моему, что отличает сегодня "безусловного" еврея от представителей любой другой национальности, любого другого народа. Как со всем этим жить дальше, прежде всего, конечно, здесь, в Израиле; какое направление может принять развитие этого конфликта, опять же, здесь, в Израиле в первую очередь и уже в ближайшее от нас (или к нам) время; насколько активную позицию и какую может и должно занимать государство в его ходе и разрешении – уже другая тема и для другой книги.

18.7.2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	1
Вводная	3
Московское царство	30
Петровский период	39
Так что же всё-таки произошло?	46
Эпилог	52
Приложение I	
Из истории Киевской Руси и не только	53
Приложение II	
Кто мы на самом деле и откуда	82

Тема книги – революция в России 1917г. и ее место в русской истории. Или, более осторожно, – события, именуемые революцией, приведшие к установлению невиданного нигде ранее режима Советской власти. А в конечном счете – и к исчезновению по следам всего этого с лица Земли целой цивилизации, кропотливо создававшейся (выстраивавшейся по кирпичику буквально) здесь на протяжении всего предшествующего тысячелетия. Хотя до последнего момента, казалось, ничто не предвещало такого развития событий...